

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ «ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМ Н.Н.
МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН»

На правах рукописи

Герасимов Николай Геннадьевич

Сирийская арабская республика в 1963-2000-е гг.:
трансформация национальной идентичности

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН Арутюнов С.А.

Москва – 2018

Оглавление

Введение.....	4
 Глава 1. Состояние сирийского общества после распада Османской империи: проблемы и тенденции.	27
1.1. Общие проблемы арабского национализма.	28
1.2. Сирия при французском мандате.	37
1.2.1. Алавиты.	41
1.2.2. Друзы.	45
1.2.3. Христиане и евреи – зимми.	50
1.2.4. Курды.	53
1.2.5. Сунниты.	57
1.3. Национализм в Сирии мандатного периода.	61
 Глава 2. Реформы Партии арабского социалистического возрождения. Сирийская национальная идентичность в условиях модернизации. ...	69
2.1. Сирия до баасистов – социальная трансформация.	72
2.2. Баасистский переворот – насаждение арабского национализма.	81
2.3. Хафез Асад. Период реакции и формирование устойчивой этноконфессиональной политики.	87
2.4. Система образования как ключевой элемент создания национального сообщества.	95
 Глава 3. Национализм и ислам в современной Сирии.	111
3.1. Современные тенденции в развитии сирийского общества: демография и экономика.....	111
3.2. Исследование национальной идентичности: сирийская «каумийя». ...	120

3.3. Мусульманская идентичность: особенности распространения ислама в современном сирийском обществе.	131
Заключение	144
Список источников и литературы	152

ВВЕДЕНИЕ

Сирия, как и большинство государств арабского мира, получила независимость в результате длительного процесса раздела Османской империи после Первой мировой войны. С одной стороны, это ставит ее в один ряд с другими новообразованными арабскими национальными государствами – Иорданией, Ираком, Египтом. Традиционно сирийская национальная идентичность рассматривается в контексте арабского национализма, идеологии, которая оказалась на пике популярности на Ближнем Востоке в середине XX века. Историческая параллель между процессами в различных частях регионах, запущенными распадом Османской империи и разделением между исламским и арабским проектами, помещает Сирию в рамки целого комплекса общих научных проблем, связанных с идентичностью. Среди них можно отметить исследования особенностей становления наций в бывших колониальных государствах, где Сирия может соседствовать со странами Африки и Юго-Восточной Азии, и исследования проблем исламизма, как радикального ответа на крушение последнего халифата (султан Османской империи носил также титул халифа). Однако, в отличие от стран Африки, которые в доколониальный период имели относительно небольшой опыт собственной государственности, или же соседней Иордании, где среди кочевого населения традиционно преобладала не национальная или этническая, а племенная идентичность, Сирия являлась родиной древних, доарабских городских центров, Дамаска и Алеппо, и ее культурное наследие имеет более глубокие корни, чем у «эталонных» европейских наций. Эта особенность была официально подтверждена при разделе Османской Империи, когда по итогам конференции в Сан-Ремо (1920г.) территории Палестины, Сирии и Месопотамии, были отнесены к группе «А» - территории, признаваемые независимыми, требующие поддержки для развития государства. Эта двойственность сирийской идентичности - части арабского мира,

обладающей собственной, доарабской локальной идентичностью, - пока остается недостаточно исследованной в научной литературе.

Актуальность темы диссертационного исследования тесно связана с современной длительной гражданской войной в Сирии. Предыдущие исследования сирийской идентичности, как части арабского мира, были во многом основаны на идеологии арабского национализма, которую официально декларировала правящая в Сирии Партия арабского социалистического возрождения (Баас). В качестве еще одной основы сирийского режима Хафеза Асада и его сына Башара служила антиколониальная доктрина противостояния Израилю и покровительствовавшим ему западным державам. Тем не менее, современная ситуация в Сирии нерелевантна этим идеологическим предпосылкам. С 2011 года Лига Арабских Государств приостановила членство Сирии в этой организации. В качестве основных спонсоров сирийской оппозиции выступают не Евросоюз, США или Израиль, а Саудовская Аравия, Катар, Турция. Стоит также отметить, что все территории, определенные как мандаты группы «А» на конференции в Сан-Ремо сто лет назад – Ирак, Сирия, Ливан, - на данный момент являются уже не полноправными членами арабской нации, а территориями, на которые проецируют силу подлинно арабские государства Аравийского полуострова. Можно констатировать, что сирийский конфликт уже вышел за рамки панарабского и колониального дискурсов и ситуация требует переоценки с учетом новых обстоятельств.

Тем не менее, партия Баас правит Сирией уже больше 50 лет, и ее приверженность арабскому национализму и антиколониализму носила не только декларативный характер, но также была подкреплена реальными системными действиями. Баас, будучи радикально левой партией, активно боролись с такими «пережитками» в сирийском обществе, как племенная и религиозная идентичности, и стремились воспитать «новых арабов», радикально реформировав сирийскую систему образования. Хафез Асад, захвативший власть в 1970 году, хотя и принадлежал к

этноконфессиональному меньшинству алавитов, также был убежденным баасистом и продолжил эту политику, адаптируя ее к реалиям сирийского общества. Сирийское государство оказывало длительное целенаправленное воздействие на формирование сирийской идентичности, и данное исследование даст возможность:

- показать причины и цели реформ партии Баас, особенно, образовательной реформы;
- раскрыть особенности конфессионального состава Сирии и его трансформацию на протяжении XX века, а также роль баасистского государства в этих процессах;
- прояснить связь баасистской идеологии с национальной самоидентификацией сирийцев и особенности практического применения идеологических положений на примере конкретных сообществ;
- оценить результаты длительной пропаганды идеологии арабского национализма в Сирии в связи с современной гражданской войной.

Объектом исследования является самоидентификация сирийцев после 1963 года, главным образом, их национальная идентичность. Национальная идентичность рассматривается параллельно в 2 вариантах – панарабском и сирийском, также в исследовании затрагивается исламская идентичность как неотделимый компонент множественной идентичности арабов.

Предметом исследования являются причины трансформации национальной идентичности во второй половине XX века и методы, которые использовались партией Баас и сирийским государством для управления этим процессом.

Цель работы - провести исследование содержания сирийской национальной идентичности на момент баасистского переворота 8 марта 1963 года и ее динамику в результате баасистских реформ и правления Хафеза Асада, показать результат национальной политики сирийского правительства в контексте причин современной гражданской войны.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

- 1) Изучить состояние сирийского общества на момент прихода к власти партии Баас, рассмотреть его этноконфессиональный состав и альтернативные националистические доктрины.
- 2) Изучить социальные и экономические причины радикальных реформ.
- 3) Изучить проекты партии Баас по переустройству сирийского общества в контексте образовательной реформы и долгосрочного внедрения арабского национализма.
- 4) Изучить динамику национальной политики и общей направленности менеджмента идентичности в период правления Хафеза Асада.
- 5) Рассмотреть причины современной гражданской войны в Сирии и их связь с сирийской национальной идентичностью.
- 6) Оценить современное состояние сирийской национальной идентичности и перспективы ее развития.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1963 года до начала гражданской войны в Сирии в 2011 году, так как в период конфликта общество становится крайне нестабильным для исследований. Тем не менее, понимание развития сирийской национальной идентичности после прихода к власти партии Баас невозможно без общей оценки развития сирийского общества после распада Османской империи, поэтому первая глава исследования посвящена описанию этноконфессиональной ситуации в Сирии в период французского мандата 1920-1946 годов. Именно в этот период сложились основные националистические доктрины и обозначились те проблемы, которые привели к власти партию Баас и задали вектор развития для сирийского общества. Во второй главе рассматриваются причины баасистских реформ их результаты по отношению к национальной идентичности. Период активных

реформ в Сирии пришелся на 1963-1970 годы, в этот период были заданы основные тенденции развития сирийской идентичности, а их долгосрочная направленность была закреплена через реформу системы образования. Однако чрезмерная радикализация баасистского правительства привела к политическому кризису, в результате которого к власти пришел Хафез Асад. По этой причине общество находилось в состоянии нестабильности вплоть до конца 1970х годов и продолжался процесс формирования национальной политики. В третьей главе рассматриваются причины современного сирийского конфликта, которые сложились в период правления Башара Асада, с 2000 по 2011 годы. Представлены результаты исследования 2015 года, позволяющие оценить результат сирийской национальной политики и современное состояние национальной идентичности сирийцев.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Основной теоретической базой диссертационного исследования выступает концепция конструктивизма, положения которой были сформулированы в трудах Э. Геллнера¹, Б. Андерсона², Ф. Барта³. Также следует отметить отечественные работы В. Тишкова⁴, С. Рыбакова⁵. Тем не менее, исходным теоретико-методологическим положением диссертации является концепция воображаемых сообществ Б. Андерсона, выбранная в соответствии с особенностями объекта исследования. В отличие от отечественных исследователей, которых интересует в первую очередь сущность национальной идентичности, Андерсон не столько формулирует понятие нации, сколько описывает процесс формирования национальных сообществ и уделяет преимущественное внимание факторам, которые способствуют их появлению. С одной стороны, его концепция демонстрирует слабость в теоретической части, так как дает лишь поверхностное

¹ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.

³ Barth F. Models of social organization. Occasional paper No. 23. London, Royal Anthropological Institute, 1966. 32 p.

⁴ Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. №9. С. 3-26.

⁵ Рыбаков С.Е. Национализм и нация // Этнографическое обозрение. 1999. №4. С. 3-17.

определение нации, но при этом дает целостное понимание процессов трансформации общества в рамках перехода от традиционного к индустриальному укладу.

Одной из главных особенностей сирийского общества как объекта для исследования национальной идентичности является двойственная природа его исторических корней. С одной стороны, Сирия традиционно была местом смешения цивилизаций, первые упоминания о ее столице, Дамаске, относятся к третьему тысячелетию до нашей эры. Однако особенности ее расположения в качестве пересечения караванных путей всего Ближнего Востока привели к тому, что на территории Сирии в современных границах практически никогда не существовало единого суверенного государства. В Римской империи существовала провинция Сирия, но после арабского и турецкого завоевания и активной миграции на протяжении полутора тысяч лет эта территория существенно изменила свой культурный облик. В Османской империи она состояла из нескольких административных единиц, причем деление постоянно менялось. В результате, на момент своего формального появления в 1946 году, Сирия оказалась совершенно новым постколониальным государством, часть границ которого были проведены по линейке при разделе Османской империи. В этих условиях, по выражению П. Кумарасвами, возникла единая для всех ближневосточных государств проблема кризиса идентичности, осложненная наличием различных этноконфессиональных меньшинств в произвольных государственных границах: «В других частях мира нации, старые и новые, становились государствами, в то время как на Ближнем Востоке процесс оказался обратным и государства все еще находятся в поисках своих наций»⁶. В этих условиях положения конструктивизма оказываются гораздо более оправданными, нежели примордиалистские и перениалистские теории.

⁶ Kumaraswami P. Who I am? The Identity crisis in the Middle East // Middle East Review of International Affairs, 2006, Vol.10, №1. P. 64.

Работа Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» в этой ситуации интересна, прежде всего, тем, что предлагает рассмотрение национализма на материале постколониальных сообществ. Андерсон, по сути, не рассматривает сущность нации, помещая ее в ряд «воображаемых сообществ» которые различаются между собой лишь стилем воображения. Нация, согласно его положениям, отличается от других сообществ тем, что воображает себя территориально ограниченной, суверенной, независимой и свободной и состоит из равноправных граждан⁷. В работе описывается не столько сама обобщенная нация, сколько возможные пути и факторы, которые влияют на образование национального сообщества. Среди таких факторов следует отметить «печатный капитализм»⁸, «паломничества»⁹ и создание новых «национальных» пространств и ритуалов¹⁰. Андерсон не отрицает тесную связь становления наций с процессами индустриализации и модернизации, которые, в случае Сирии, достигли своего пика в 1960-80 годы. Также он достаточно подробно показывает, каким образом возможно становление наций в сообществах, ранее не обладавших ни единой этнической принадлежностью, ни опытом собственной государственности, на примере Латинской Америки, что релевантно ситуации Сирии XX века. Следует отметить, что некоторые положения его теории становления наций уже были описаны ранее арабскими исследователями Нахды – арабского

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 32.

⁸ Печатный капитализм – массовое производство печатной продукции, ставшее возможным в результате распространения книгопечатания, приводило к унификации языка, одной из основ этнической и национальной самоидентификации. Печатный капитализм лежит в основе средств массовой информации, которые создают единое информационное поле в языковом пространстве нации. Подробнее: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 57-58.

⁹ Паломничества или путешествия – заданные карьерные пути внутри государственных и административных единиц, создающие связи между людьми да в условиях отсутствия у них изначальной этнической общности. Андерсон считает, что колониальный государственный аппарат стал прообразом появления современных национальных государств Латинской Америки. Подробнее: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С 80-81.

¹⁰ Национальное пространство, по мнению Андерсона, возникает в обществах эпохи модерна и непосредственно связано с индустриализацией. Главной особенностью этого пространства является его шаблонность, оно наполнено типовыми предметами и объектами – школами, больницами, фабричной продукцией,- и имеет дело с типовыми социальными отношениями и проблемами, которые обычны для данного сообщества, но отличают его от других таких же типовых сообществ. Подробнее: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С 53-55.

национального возрождения¹¹. В связи с этим, применение положений конструктивистской теории, сформулированных Бенедиктом Андерсоном, в исследовании сирийской национальной идентичности представляют научный интерес.

Тем не менее, в рамках диссертации конструктивистский подход не противопоставляется примордиалистскому. В арабской традиции существуют свои особенности понимания национальной идентичности, которые учитывают работы европейских исследователей, но полемизируют с ними, и этот фактор должен быть принят во внимание. Основатель Сирийской социал-национальной партии Антун Сааде в своих работах «Образование наций»¹² (1935) и «Десять лекций»¹³ (1948) сформулировал собственный взгляд на сирийскую нацию. С одной стороны, его концепция, как и его партия, не является широко распространенной, однако содержит некоторые особенности, характерные для сирийского менталитета, что заслуживает внимания. Говоря об идеологии, Сааде использует термин «акыда», который не только не тождественен западному пониманию идеологии, но и семантически маркирован. Акыда в исламе это вероубеждение и род догматической исламской литературы. Хотя Сааде выступал за строгое отделение религии от государства, он был хорошо знаком с исламом и публиковал статьи о своем понимании исламских догм и текстов, что повлияло на выбор термина. Следует отметить также выбор аналога для термина «нация», так как в арабском языке их два – «wataniyya» и «qawmiyya». В названии ССНП употребляется «qawmiyya», что вполне обычно для обозначения политических общностей, в частности панарабской, в то время как «wataniyya» является общностью более низкого, локального

¹¹ В классической работе по истории арабской нации «Пробуждение Арабов» Джорджа Антониуса, изданной за 50 лет до выхода «Воображаемых сообществ», уделяется большое внимание «печатному капитализму» - деятельности арабских просветителей по распространению идей арабского национализма через создаваемые ими газеты и журналы, издание арабской литературы в противовес турецкой, а также в сфере становления образования на арабском языке. Подробнее: Герасимов Н.Г. Проблемы становления арабской нации: обратная сторона национальной мифологии // Вестник Российской нации, 2017, №5. С. 79.

¹² Sa'adeh A. Al-'Athar al-Kamilah (Anthology). Beirut: SSNP, 1975.

¹³ Sa'adeh A. Al-Muhadarat al-'Ashr (The Ten Lectures). Beirut: SSNP, 1976.

уровня – сирийской, иракской, египетской. Таким образом, Сирию Сааде, с моей точки зрения, будет некорректно назвать родиной или *fatherland*, потому что родина – это “*wataniyya*”.

Национальная принадлежность для Сааде - не столько врожденное качество (чем грешил радикальный европейский национализм), сколько ментальная и культурная общность. Вот как Сааде описывает корни сирийского национального характера: «Действительно, одним из основных факторов, подавляющих и ослабляющих сирийское национальное самосознание, является игнорирование истинного сирийского национального характера, выразившегося в практическом и интеллектуальном вкладе сирийцев и их культурных достижений, таких как создание первого цивилизованного свода законов и изобретение алфавита, величайшей интеллектуальной и культурной революции в истории; не говоря уже о плодах сирийской колонизации и культуры и том цивилизующем влиянии, которое Сирия оказала на все Средиземноморье, и бессмертных достижениях таких великих сирийцев как Зенон, Бар Салиби, Иоанн Златоуст, Ефраим, аль-Маари, Дик-эль-Джин из Эмессы, аль-Кавакиби, Гибран и другие фигуры из современной и древней истории. К этому перечню можно добавить знаменитых сирийских военачальников от Саргона Великого до Ассархаддона, Синахериба, Навуходоносора, Ашшурбанипала и Тиглатпаласара, от Ганона Великого до Ганнибала (величайшего военного гения всех времен) и Юсуфа Азма, героя битвы при Мейсалуне»¹⁴. Несомненно, многие из вышеперечисленных великих сирийцев удивились бы, найдя себя в таком списке, и даже больше, чем Фридрих Барбароса, оказавшийся отцом немецкой нации. В действительности, они объединены только тем, что в разное время действовали на одном культурном пространстве, которое детерминировано естественными границами. Вопрос естественных границ Великой Сирии от Средиземного моря до хребта Загрос являлся одним из ключевых в идеологии Сааде, так как он задавал рамки

¹⁴ Sa'adeh A. Al-Muhadarat al-'Ashr (The Ten Lectures). Beirut: SSNP, 1976. P. 108.

того культурного «плавильного котла», в котором формировалась сирийская нация.

Культурная нация, несомненно, отличается от нации этнической в понимании перенеалистов, однако обе они обращаются к древности своих корней, реконструируя свою идентичность на основе культурного наследия. В качестве теоретической основы диссертационного исследования также используются положения этносимволизма Э. Смита¹⁵ и Дж. Армстронга¹⁶, предполагающие наличие мифосимволических комплексов и моделей этнической устойчивости: «охватываемое границей культурное содержание в виде мифов, символов, моделей коммуникации»¹⁷. В трудах Сааде наиболее ярко конституируется мифосимволическая система, связывающая сирийскую нацию, однако его концепция отличается высокой логической сложностью, поэтому традиционно имела популярность лишь среди сирийских интеллектуалов. Тем не менее, это не отрицает наличие «врожденных» представлений о нации среди сирийцев, и одной из задач исследования было выявление этих представлений и поиск компромисса между сконструированной и врожденной национальной идентичностью.

Методология диссертационного исследования базируется на принципах историзма, научной достоверности, объективности. В диссертации применен проблемно-исторический подход, предполагающий разделение общей темы исследования на ряд более узких тем и рассмотрение их в хронологической последовательности.

Степень разработанности темы в научной литературе.

Главной особенностью литературы по истории Сирии и Ближнего Востока в целом состоит в том, что проблемами региона традиционно занимается скорее востоковедение, а не этнология, и проблематика национализма для него периферийна. Востоковедение – или его западный

¹⁵ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.

¹⁶ Armstrong J. Nations before nationalism. NC: University of North Carolina Press, 1982. 447 p.

¹⁷ Смит Э. Указ. соч. С. 340.

аналог «oriental studies» - специфическое направление исследований со своей методологией. В результате длительного взаимодействия европейских стран со своими колониями сложился образ Востока – сложного, комплексного явления, которое требует отдельной области научного знания. Литература затрагивает не столько этническую и национальную историю Сирии, сколько социально-экономическую и политическую.

Первые существенные работы по современной истории Сирии можно отнести к 1940-м годам. Конечно, этот регион интересовал ученых и до этого, но современные исследователи практически не обращаются к работам начала XX века, в отличие от работ Жака Велерса и Альберта Хоурани. В 1940 Велерс публикует «Страну Алавитов»¹⁸, в 1946 – «Крестьянство Сирии и Ближнего Востока»¹⁹, а в 1947 выходит «Меньшинства в арабском мире»²⁰ Альберта Хоурани. Эти работы можно считать классическими, благодаря обстоятельности и полноте описания этноконфессиональных групп Сирии начала XX века; без ссылок на них не обходится практически ни одно исследование. В работах Велерса и Хоурани впервые описаны основные проблемы сирийского общества, актуальные и в наше время, главной из которых является проблема этнических и религиозных меньшинств и связанный с ней регионализм, оказавший большое влияние на национальную идентичность. Но главное в этих работах даже не полнота, а уникальность сведений. Такие сообщества, как друзы и, в особенности, алавиты, отличаются замкнутостью и тайным характером своих религиозных практик. В период существования османской империи они сохраняли свой особый образ жизни, но после ее распада регион стал стремительно меняться, как и весь мир в XX веке. Если бы не сведения, собранные Велерсом и Хоурани, наши знания об этноконфессиональных группах этого региона были бы достаточно скудны.

¹⁸ Weulersse J. Le pays des Alaouites. Tours, 1940. 419 p.

¹⁹ Weulersse J. Paysans de Syrie et du Proche-Orient. P.: Gallimard, 1946. 329 p.

²⁰ Hourani A. Minorities in the Arab world. L.: Oxford University Press, 1947. 140 p.

Разнородный этнический состав Сирии порождал этническую и социальную напряженность, результатом которой стала национально-освободительная борьба, которую использовали в своих интересах колониальные власти в период французского мандата 1920-1946 годов. Национально-освободительная борьба и отношения этноконфессиональных групп с французской администрацией стали основными объектами исследования в 1950е-60е годы, эти проблемы отражены в работах В.Б. Луцкого «Национально-освободительная война в Сирии (1925-1927)»²¹ и Лонгрига «Сирия и Ливан под французским мандатом»²².

После получения независимости в 1946 году общество в Сирии было расколото, существовало социальное и политическое разделение по этническому и религиозному признаку: суннитская политическая и торговая элита противостояла друзской, исмаилитской и алавитской военной элите, наблюдалось противостояние центра и регионов, города и деревни. Закономерным итогом этой ситуации стала серия военных переворотов и захват власти военным крылом партии БААС во главе с алавитом Хафезом Асадом в 1970 году. Однако эти события широко освещаются в литературе только в 1970х-80х годах. Такую задержку можно связать с событиями в регионе: в 1970м к власти в Сирии приходит Асад, а в Египте Садат, в 1973 происходит четвертая арабо-израильская война, за которой следует энергетический кризис, поразивший весь Запад, в 1975 начинается война в Ливане – все это привлекает внимание к Ближнему Востоку в целом и Сирии в частности.

Появляются работы Михаеля ван Дусена, Николаса ванн Дама, Раймонда Хиннебуша, Ханны Батату, Махмуда Факша, Петера Габсера; меняется проблематика исследований. Если для Велерса и Хоурани объектом исследования были меньшинства сами по себе, то для ученых 1970х-80х годов объектом является в целом сирийское государство. Их интересует,

²¹ Луцкий В.Б. Национально-освободительная война в Сирии (1925-1927). М., 1964.

²² Longrigg S. Syria and Lebanon under the French Mandate. L., 1958. 404 p.

каким образом из разобщенных территорий периода мандата через межэтническое противостояние в политических кругах удалось создать единое сирийское государство, каким образом наиболее отсталая часть сирийского общества – алавиты – оказалась во главе этого государства. Следует отметить несколько концепций, выдвинутых авторами этого периода, так как они составили основу дальнейших исследований.

Николас ванн Дам, долгое время работавший послом Нидерландов в Сирии и на Ближнем Востоке, в своей монографии «The struggle for power in Syria: Sectarianism, Regionalism, and Tribalism in Politics, 1961-1978»²³ впервые подробно проанализировал политическую борьбу в партии и армии между различными этническими и клановыми группировками, используя при этом редкие данные, например, внутреннюю партийную статистику. Его монография до сих пор цитируется, и многие историки воспроизводят его концепцию в своих работах – можно сказать, она стала общим местом для исследователей Сирии.

Похожую концепцию выдвигает в своих работах и Раймонд Хиннебуш, но в его трактовке помимо этнических и клановых группировок в армии в качестве участника выступает и партийная номенклатура, что сглаживает этнический оттенок политической борьбы в описании ван Дама. Хиннебуш старается рассмотреть не только отдельный период становления сирийского государства, но и его дальнейшее развитие вплоть до 2000х годов, основная тема его работ - модернизация. Он относит сирийский режим к особому типу популистского авторитаризма и описывает развитие страны как «модернизацию сверху»²⁴, что подчеркивает способность режима к самореформированию и ведущую роль государства в модернизации страны, нехарактерному для обычных диктатур.

²³ Van Dam N. The struggle for power in Syria: Sectarianism, Regionalism, and Tribalism in Politics, 1961-1978. Croom Helm Ltd., 1979. 160 p.

²⁴ Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. Routledge, 2002. 204 p.

Если в работах западных исследователей сирийское государство рассматривается скорее в контексте проблемы власти меньшинства, то в российские ученые предпочитают другой угол зрения. Они выбирают институциональный подход, их интересует не меньшинство у власти, а роль армии, захваченной алавитским меньшинством, как института власти и ее влияние на государственное устройство. Это хорошо заметно в работах В.М. Ахмедова «Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации»²⁵, «Сирия на рубеже столетий. Власть и политика»²⁶. Тематика его исследований – армия, власть, политика, что похоже на уже упомянутые работы зарубежных исследователей. Однако Ахмедов практически не уделяет внимания сложному этноконфессиональному составу региона и сосредотачивается на политическом аспекте, взаимоотношении властных институтов и развитии экономики.

Важной проблемой для данной диссертационной работы в контексте баасистской революции в Сирии стал кризис идентичности. Связующей идеологией поздней империи был османизм - имперское гражданство, объединявшее, с одной стороны, всех мусульман, а с другой стороны, арабов и турок. Пришедшие ему на смену после распада империи панарабизм и панисламизм оказались тупиковыми путями, так как в составе новообразованных государств оказалось большое количество неарабских и неисламских этнических групп, которые в Сирии, например, составляли до 40% населения. В этом контексте внимание исследователей привлекла идеология партии Баас, разработанная христианином Мишелем Афляком, которая позволила создать базу для последующей интеграции этноконфессиональных меньшинств в сирийское общество. Эта идеология

²⁵ Ахмедов В.М. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. М., 2002. 400 с.

²⁶ Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003. 172 с.

хорошо разобрана в работах Филиппова²⁷, Ахундовой²⁸ и ванн Дама²⁹. Ислам здесь воспринимается не как основа национализма, а как важная часть арабского культурного наследия, к которой имеют отношения все арабы не зависимо от религии. Такая идеология с одной стороны давала возможность меньшинствам интегрироваться и сгладить противостояние с суннитским большинством, и при этом обосновывала их равное, хотя и не приоритетное право на власть, которую они уже де факто захватили.

Если в литературе 1940х-1990х годов можно проследить основные направления исследования и выделить основные проблемы, интересующие исследователей, то в дальнейшем это крайне сложно. Причина состоит в резком росте количества информации, с одной стороны, и авторов - с другой. После распада Советского Союза президент Сирии Хафез Асад вынужден был сделать первые шаги к открытости страны, сначала в области экономики. После его смерти в 2000 году реформы продолжил его сын Башар. Страна стала открытой для иностранных граждан, распространение интернета резко увеличило обмен информацией с внешним миром. Этот объем новых данных еще не освоен, монографии уступают место сборникам статей, а в основном - отдельным статьям, посвященным отдельным проблемам. При этом появляется много книг, написанных журналистами в несколько ангажированной манере, особенно, в свете современного конфликта. В диссертационном исследовании были использованы современные работы Раймонда Хиннебуша «Syria: revolution from above»³⁰, Фреда Лоусона «Demystifying Syria»³¹ и Карстена Виланда «Syria: a decade of lost chances»³². Такой выбор объясняется наличием серьезного научного аппарата в этих работах, с одной стороны, и их доступностью – с другой, так как далеко не

²⁷ Филиппов А.А. Концепция арабского национализма в идеологии М. Афляка // Проблемы управления, 2007, №4. С. 225-229.

²⁸ Ахундова Н.Ч. Сирия и Ирак под властью ПАСВ. Баку, 2000. 278 с.

²⁹ Van Dam N. The struggle for power in Syria: Sectarianism, Regionalism, and Tribalism in Politics, 1961-1978. Croom Helm Ltd., 1979. 160 p.

³⁰ Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. Routledge, 2002. 204 p.

³¹ Lawson F. Demystifying Syria. SAQI Books, 2009. 223 p.

³² Wieland C. Syria: a decade of lost chances. Seattle: Cune Press, 2012. 335 p.

всю западную литературу можно найти в России и зарубежом. Также интерес представляют статьи в интернет-изданиях. Следует отметить деятельность таких сайтов как The Middle East Forum³³ и раздела ближневосточных исследований Университета Оклахомы³⁴, где публикуются исследования очень широкого круга авторов, включая молодых специалистов.

Помимо общих исторических проблем, которым посвящена большая часть литературы по Сирии, следует отдельно рассмотреть работы, посвященные конкретно национализму в Сирии и на Ближнем Востоке. Такие работы начали появляться начиная с 1980х годов и связаны в первую очередь с арабским национализмом.

Одна из основных проблем сирийской идентичности состоит в том, что арабский национализм, будучи панарабской идеологией, появился в Ливане в XIX веке и развивался усилиями сирийских и ливанских интеллектуалов в период до появления между ними государственных границ. В результате технически сложно разделить сирийских националистов от арабских, особенно на начальных этапах, так как арабские националисты являлись одновременно патриотами своей сирийской родины, видя ее центром арабского мира. Ранние этапы и становление арабского движения в Сирии подробно рассматриваются в работах Филиппа Хури, который описывает историю арабской национальной элиты в Сирии от тайных обществ поздней Османской империи до окончания французского мандата. Однако по мере становления идеологии арабского национализма она стала утрачивать свою тесную связь с Сирией, арабское и сирийское национальное движение стали существовать отдельно.

Концепция арабского национализма в целом рассматривается в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Среди отечественных исследований следует отметить работы З. Левина³⁵ и Г. Косача³⁶. В

³³ URL: <http://www.meforum.org/> (дата обращения 27.08.2018).

³⁴ URL: <http://www.ou.edu/mideast/country/syria.htm> (дата обращения 27.08.2018).

³⁵ Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М., 1988. 224 с.

зарубежной литературе эта проблема имеет более длительную историю. Классическая работа Дж. Антониуса «Возрождение арабов»³⁷ вышла еще в 1938 году, она является также и историческим источником. Из более современных работ следует отметить «Арабский национализм: от триумфа к поражению»³⁸ А. Давиши и «История арабского национализма: нация и государство в арабском мире»³⁹ Ю. Шуэйри. Особенностью этих работ является то, что они были написаны уже после того, как сложился консенсус о том, что арабское движение потерпело поражение, поэтому в исследования носят исторический характер, описывая законченный путь панарабизма. Тем не менее, история арабской идентичности не завершилась вместе с крушением надежд на объединение арабского мира, и она продолжает развиваться, сохраняя тесные трансгосударственные связи, поэтому появились новые исследования арабской национальной идентичности. Среди них следует отметить работу Кристофера Филлипса «Ежедневная арабская идентичность»⁴⁰. Филлипс использует концепцию «банального национализма» М. Биллинга⁴¹ и стремится показать формы репрезентации арабской идентичности на уровне повседневности, в частности, в контексте деятельности трансгосударственных спутниковых телеканалов «Аль-Арабия» и «Аль-Джазира».

Литература, посвященная сирийскому национализму, отделенному от арабской нации, базируется на трудах Антуна Сааде и концепции Великой Сирии. Сааде основал ССНП в 1932 году, но она до сих пор действует и имеет сторонников, в том числе, в академической среде. Среди работ по сирийскому национализму следует отметить «Происхождение сирийской

³⁶ Косач Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории: [сб. статей]/ РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2007. С. 259-331ю

³⁷ Antonius G. The Arab awakening: The story of the Arab national movement. Tanenberg Publishing, 2015. 492 p.

³⁸ Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From triumph to despair. Princeton University Press, 2003. 347 p.

³⁹ Choueiri Y. Arab nationalism. A history: nation and state in the Arab World. Wiley-Blackwell, 2001. 284 p.

⁴⁰ Phillips Ch. Everyday Arab identity: The daily reproduction of the Arab World. Routledge, 2012. 224 p.

⁴¹ Billing M. Banal nationalism (Theory, culture and society). Sage Publications, 1995. 208 p.

нации: истории, первопроходцы и идентичность»⁴² А. Бешары и работы Э. Мельхема. Концепция Великой Сирии в целом представлена в исследованиях Д. Пайпса, основной работой которого является «Великая Сирия: история амбиции»⁴³. Сама по себе идея Великой Сирии уже не является актуальной, но работы, посвященные этой теме, и труды Сааде содержат информацию о «врожденных» национальных представлениях сирийцев.

Источниковая база

Особенность данной диссертационной работы состоит в том, что она стремится дополнить уже существующие исследования и проверить их результаты, что определило выбор источниковой базы.

Конструктивистская модель формирования национальной идентичности в числе важных факторов, влияющих на формирование наций, выделяет деятельность государственных институтов, в частности систему всеобщего среднего образования. Массовое среднее образование является одним из продуктов модернизации, которая целенаправленно проводилась в Сирии в 1960-70х годах руководством партии Баас. Сирийские баасисты не только провели реформу образования, сделав его массово доступным для населения, но и формировали образовательные программы в соответствии со своей идеологической программой арабского национализма, стремясь закрепить свои достижения в долгосрочной перспективе. Эти действия естественным образом наиболее ярко проявлялись в гуманитарных предметах. Образовательные реформы уже привлекали внимание исследователей: следует отметить работу Мейрава Вюрмсера, который рассмотрел учебники патриотического воспитания⁴⁴, и статью Джошуа Лэндиса, который описал особенности преподавания Ислама в сирийских школах⁴⁵. Анализ этих двух курсов не дает целостного представления о

⁴² Beshara A. The origins of Syrian nationhood: Histories, pioneers and identity. Routledge, 2011. 408 p.

⁴³ Pipes D. The Greater Syria: The history of an ambition. Oxford University Press, 1992. 265 p.

⁴⁴ Wurmser M. The schools of Ba'athism: a study of Syrian schoolbooks. Middle East Media Research Institute, 2000. 122 p.

⁴⁵ Landis J. Syria: Secularism, Arabism and Sunny Orthodoxy // in Doumato E., Starrett G. Teaching Islam: textbooks and religion in the Middle East. Lynne Rienner Publishers, 2007. P. 177-196.

направленности и результатах баасистских реформ, и в данном диссертационном исследовании был выбран курс истории в качестве дополнения к ним. Курс истории интересен в двух аспектах. Во-первых, на примере истории ярко проявляется практическое конструирование нации в виде попыток создания национального нарратива. Нарративная история стремится придать осмысленность историческим фактам, подобрать и выстроить их в законченной последовательности, которая должна связать современную национальную общность с ее этническими и культурными корнями в древности. Таким образом, она транслирует идеологические националистические установки в доступной для массового восприятия форме и создает базовое единое информационное поле, к которому в дальнейшем могут обращаться средства массовой информации. С другой стороны, конструирование национальной истории невозможно без обращения к уже существующим устоявшимся историческим представлениям, так как создание исторического нарратива с нуля и его распространение представляется крайне сложной задачей. Таким образом, курс истории, по предположению данного исследования, должен сочетать в себе как конструктивистский, так и перенеалистский аспект национальной идентичности.

В рамках данного исследования были проанализированы учебники истории с 7 по 12 класс, доступные на сайте сирийского министерства образования⁴⁶. Преподавание истории в Сирии ведется в средней и старшей школе, курс разбит на две части по 3 года. Курс старшей школы повторяет собой курс средней, его задачей является более широкое рассмотрение событий. Современные учебники выдержали несколько переизданий и отличаются от учебников 1960х годов, которые в настоящее время практически невозможно найти. Тем не менее, существуют сравнительные исследования учебников 1990х и 2000х годов, которые показывают, что в

⁴⁶ URL: <http://moed.gov.sy/site/مناهج-بصيغة-الpdf> (дата обращения 14.05.2018)

изменения в процессе переизданий были незначительными, что допускает рассмотрение современных учебников в данной работе⁴⁷.

Анализ учебников показывает общее направление развития сирийской идентичности, которое стремились предать ей баасисты, однако он также требует практической проверки, которая могла бы выявить результаты баасистских реформ и современное состояние национальной идентичности. С этой целью в 2015 году было проведено исследование среди сирийцев, живущих в эмиграции в Москве. Был выбран метод развернутого интервью, исследование проводилось среди высокообразованных и политически активных сирийцев старше 30 лет; среди респондентов были как оппозиционеры, такие как Махмуд Хамза² и Омар Шаар³, так и сторонники сирийского правительства, такие как Ваддах аль-Джунди⁴ и Фахд Камнакш⁵. Такой выбор обусловлен нестабильностью современной ситуации в стране, в условиях которой опрос значительного количества сирийцев относительно их представлений о своей идентичности не только затруднителен, но и неэффективен. Постоянное изменение ситуации и прогрессирующий распад страны вызывают апатию в обществе и делают национальную самоидентификацию иллюзорной. Однако приоритет качественного анализа и развернутое интервью позволяют уловить интонации, оценить ход мысли респондентов и внутреннюю логику, сформировавшуюся в их сообществе – это снижает фактор дестабилизации идентичности в условиях конфликта. Задачу исследования можно сформулировать, как попытку наметить нарратив сирийской истории, целостное представление сирийцев о развитии своей страны, которое является основой для национального самосознания. В рамках диссертационного исследования этот нарратив имеет как самостоятельную ценность, так и используется для сравнения с результатами исследования сирийских учебников, как оценка деятельности сирийского правительства в области менеджмента идентичности.

⁴⁷ Bollinger M. Writing Syrian history while propagating Arab nationalism. Textbooks about modern Arab history under Hafiz and Bashar al-Asad // Journal of educational media, memory and society, Vol.3, №2, 2011. P. 96-112.

Научная новизна исследования заключается в нескольких аспектах:

- Впервые в отечественной историографии на рассмотрение выносятся проблема сирийской национальной идентичности вне контекста арабского движения и проблематики арабского национализма. Традиционно Сирия в научной литературе рассматривается в контексте региональной проблематики, что характерно как для отечественной, так и зарубежной историографии. Это ведет к приоритету внешнеполитических проблем, отношений Сирии с Израилем и арабскими союзниками, но также к игнорированию внутренних особенностей сирийского общества и его динамики. Исследование национальной идентичности дает представление об этих проблемах и делает возможным анализ сирийского общества в новом аспекте.

- В данной диссертационной работе впервые введены в оборот новые источники на арабском языке – учебники истории. Проблемы образования в странах Ближнего Востока остаются относительно малоисследованными как в отечественной, так и в зарубежной историографии и это направление представляется перспективным для дальнейшей работы.

- Современный сирийский конфликт по мере своего развития приобрел ключевое значение для всего ближневосточного региона. Вследствие этого состояние сирийского общества и перспективы национализма, как и сохранения сирийского государства в целом, играют большое значение, но в основном игнорируются в современных исследованиях, которые сосредоточены на внешнеполитическом и военном аспектах этого конфликта. Диссертационное исследование, включающее современные данные работы с информаторами, позволяет получить более глубокое понимание причин и перспектив этого конфликта.

Практическое значение диссертации. Основные выводы исследования дают возможность для правильного понимания и оценки процессов, происходивших в сирийском обществе во второй половине XX века и оценить перспективы его дальнейшего развития. Исследование может

представлять интерес для историков, этнологов, политологов, востоковедов, сотрудников Министерства иностранных дел и Министерства культуры РФ. Диссертация может практическое значение для подготовки учебных пособий, лекционных и специальных курсов по специальностям «Этнополитология», «Политология», «Всеобщая история». Результаты исследования могут представлять интерес для преподавателей и студентов, специализирующихся на изучении новой и новейшей истории стран Ближнего Востока.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы. Во введении обосновывается актуальность темы исследования и ее новизна, определяются объект, предмет, цель, хронологические рамки диссертации, формулируются задачи и практическое значение темы исследования. Также во введении автор представляет теоретико-методологическую базу исследования и рассматривает разработанность темы в современной научной литературе. Первая глава состоит из трех параграфов, которые дают представление о состоянии сирийского общества и национальной идентичности в период, непосредственно предшествующий независимости Сирии, что необходимо для понимания контекста исследования. В первой главе рассматриваются общие проблемы популярной в то время идеологии арабского национализма, а также этноконфессиональный состав сирийского общества, имевший ключевое значение для понимания развития сирийского государства и национальной идентичности. Вторая глава посвящена периоду модернизации в Сирии и становлению ее государственных институтов, который вошел в наиболее активную фазу после прихода власти Партии арабского социалистического возрождения в 1963 году и продолжался вплоть до 1980-х годов в рамках реакционистской политики президента Хафеза Асада (1970-2000 гг.). Глава состоит из четырех параграфов. Первый параграф рассматривает процессы стихийной модернизации сирийского общества в 1946-1963 гг. После прихода к власти Партии арабского социалистического возрождения в 1963 г. модернизация была поставлена под партийный

контроль и стала проводиться усиленными темпами в рамках идеологии арабского социализма; второй параграф посвящен активным реформам этого периода и усилиям баасистов в области насаждения арабского национализма в Сирии. В третьем параграфе рассматривается общественная реакция на эти реформы и Коррекционное движение Хафеза Асада, направленное на ликвидацию накопленных противоречий и формирование устойчивой политики в отношении идентичностей. Четвертый параграф посвящен анализу сирийской образовательной системы – курсов истории, религии и патриотического воспитания, - которая отражает долгосрочную реализацию государственной политики в области национальной идентичности. Третья глава исследования представляет анализ ситуации в Сирии в 2000-е годы и развитие современного конфликта в разрезе национальной идентичности, а также исламской идентичности, необходимой для понимания ситуации. Глава состоит из трех параграфов. Первый параграф описывает основные тенденции внутренней политики Сирии в довоенный период, что дает контекст развития современного кризиса. Во втором параграфе рассматриваются результаты интервью с представителями интеллигенции, что позволяет оценить современное состояние национальной идентичности в Сирии и результаты баасистской политики пропаганды арабского национализма. Последний параграф рассматривает перспективы исламской идентичности как наиболее серьезной современной альтернативы национализму на Ближнем Востоке и неотъемлемой части арабской идентичности. Каждая глава завершается обобщающими положениями. В заключении представлено общее описание развития национальной идентичности сирийцев в контексте исторических процессов второй половины XX века на основе выводов исследования и оценка перспектив национализма в Сирии.

Глава 1. Состояние сирийского общества после распада Османской империи: проблемы и тенденции.

На протяжении 20 века национализм на Ближнем Востоке рассматривался преимущественно в контексте борьбы арабского населения за создание единого арабского государства. Субъектом выступала исключительно единая арабская нация, а задачей националистов считалось создание для нее единого арабского государства - от небольших проектов в рамках Передней Азии до объединения всего Ближнего Востока и Северной Африки. Такое понимание национализма стало естественным следствием исторических реалий 20 века, когда распад Османской империи и подъем освободительного движения арабов против турок, а впоследствии и европейских колониальных держав, открыли возможность для объединения региона и создания новой мощной политической структуры. Эта структура могла бы выражать интересы арабского населения, потерявшего свою государственность в результате турецкого завоевания, и органично вписалась бы в мировой тренд этнической консолидации и становления национальных государств.

Османская империя была, прежде всего, халифатом – государством мусульман, и одной из причин ее разложения стали «этнические» национальные движения – младотурецкая революция и арабское восстание, которые стремились восполнить недостаток «национального» компонента государственности. Однако попытки создания национального арабского государства потерпели крах, причем не только в результате действий внешних сил. Стремление короля Файсала создать арабское государство⁴⁸ на

⁴⁸ В ходе Первой мировой войны шериф Мекки, Хусейн ибн-Али, в контакте с английскими агентами смог поднять восстание племен Аравийского полуострова против Османской Империи в 1916 году, которым руководил его сын Файсал. В ходе переговоров обсуждалось создание арабского государства на территориях Сирии и Палестины и в 1918 году силы Файсала взяли под контроль Дамаск и не контролируемые союзниками территории Сирии и Палестины. Однако, на конференциях по итогам войны им было отказано в независимости и Ближний Восток был разделен на мандатные территории, Файсал

территориях Сирии и Палестины было подавлено иностранной интервенцией, но последующие неудачные попытки стали результатом действий именно арабских элит. Чтобы понять причины провалов, следует обратиться к генезису арабского национализма, так как именно обстоятельства его появления наиболее отчетливо показывают его врожденные недостатки.

1.1. Общие проблемы арабского национализма.

Адид Давиша в своей работе «Арабский национализм в XX веке» показывает, что арабские общественные деятели начала прошлого века придерживались двух основных позиций в национальном вопросе: различия между турками и арабами не ставились под сомнения, но в вопросе политического суверенитета были как сторонники, так и противники отделения от Османской империи⁴⁹. Для него это важный момент, так как он берет за основу определения нации ее политический суверенитет, но в этом делении есть и еще один, не менее важный, аспект – оно имело четкую религиозную основу. Среди арабских мыслителей помимо мусульман существовало и сильное христианское сообщество, представленное, в основном, выходцами из христианской общины Ливана, и их взгляды были принципиально различны.

В трудах мусульман-суннитов важную роль играл ислам и исламская общность, переплетающаяся с арабской; Османская империя для них не была чуждым государством, но скорее государством не совершенным, требующим реформ, так же как и Ислам в целом. Абд ар-Рахман аль Кавакиби и Рашид Рида, которых практически всегда упоминают среди пионеров арабского национализма, не призывали напрямую к отделению от Османской империи, их волновали не столько вопросы национализма, сколько вопросы

бежал из Сирии. Династия Хашемитов, к которой принадлежал Хусейн, получила в номинальное управление Трансиорданию и английский Ирак.

⁴⁹ Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From triumph to despair. Princeton University Press, 2003. P.25.

правильного устройства общества. Рашид Рида был, прежде всего, исламским фундаменталистом, как и его предшественники Мухаммед Абдо и Джемаль ад-Дин аль-Афгани; он стремился к реформе ислама и реформе халифата, как его политического воплощения. Впоследствии он станет председателем Сирийского национального конгресса, что позволяет националистам записывать его в свои ряды, но сам он не отходил от терминологии мусульманской уммы, в которой арабы были важным, но не единственным компонентом. Для него в дихотомии ислама и арабского народа первостепенным был ислам и законы шариата, которые должны были обеспечить правильное устройство общества. Также и Абд ар-Рахман аль-Кавакиби интересовался не национализмом, а характерными для Просвещения вопросами свободы, справедливости и правильного общественного устройства, которые он отразил в работе «Природа деспотии». В его работе «Умм аль-Кура» присутствует идея о создании исламского государства на Аравийском полуострове, это государство носит черты не национального, а теократического. Ислам и арабизм тесно переплетаются друг с другом, потому что арабский народ становится избранным именно благодаря религии, но следует отметить, что для мусульман времен Нахды ислам был важнее арабизма⁵⁰.

Арабы-христиане воспринимали мир совершенно по-другому. Для них этой дихотомии не существовало и свое арабское происхождение они стремились использовать как козырную карту для интеграции в меняющемся исламском мире. Погромы в Дамаске в 1860 году, когда было убито по разным оценкам от 2 до 6 тысяч христиан (что очень много для относительно небольшого населения Сирии того времени) еще раз напомнили им об их шатком положении в мусульманском мире, от которого система миллетов слабеющей Османской империи уже никак не могла их защитить. Их арабское происхождение естественным образом стало единственной зацепкой, почвой для переговоров и интеграции, и они активно развивали

⁵⁰ Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М., 1988. С. 96-100.

идеи арабского национализма. Если посмотреть коллективную работу «Истоки сирийского национализма» под редакцией Аделя Бешары⁵¹, то бросается в глаза, что среди рассмотренных в ней идеологов сирийского и арабского национализма очень мало мусульман и, собственно, сирийцев, если говорить о ее современных границах. Бутрус аль-Бустани, Халил Хури, Гибран Халил Гибран, Фарах Антун – все они происходили из ливанской христианской общины. Несмотря на поддержку европейских держав и торговые привилегии, которые они предоставили христианам через навязанные империи капитуляции, христиан совершенно не устраивал статус-кво. Западная поддержка естественным образом настраивала мусульман против христиан; христиане Ливана, где жила крупнейшая в империи маронитская община, прекрасно понимали, что любой халифат, османский или арабский, в лучшем случае будет обращаться с ними по законам шариата – унижать, ограничивать и требовать джизью. В этой ситуации, идеи национализма были очевидным решением, позволявшим погасить религиозный конфликт и интегрировать христиан в исламский мир на основе общего арабского наследия, что позже станет основой идеологии партии Баас, пришедшей к власти в Сирии и Ираке. Но для этого нужно было не только ликвидировать халифат – Османскую империю – но и поставить арабский компонент на первое место в арабо-исламской общности.

В таком контексте национализм предстает практически как предательство арабского народа. Национализм вступает в конфликт с арабским менталитетом, который формировался в тесном взаимодействии религией, что чуждо секулярной национальной идеологии⁵². Национализм предполагает создание общности на основе ряда факторов, таких как единая территория и гражданство, язык и культура, единство государственных институтов, формирующих систему общественных связей. Единство в понимании роли этих факторов до сих пор отсутствует, предлагаются

⁵¹ Beshara A. The origins of Syrian nationhood: Histories, pioneers and identity. Routledge, 2011.

⁵² Подробнее о взаимоотношении нации, языка и религии в арабской общности: Suleiman Y. Arabic language and national identity: a study in ideology. Edinburgh University Press, 2003. P. 43.

различные модели формирования национализма, но в целом не вызывает сомнений, что без общности языка, культуры, гражданства и государственных институтов формирование нации невозможно или затруднительно. В основе же арабской общности лежат язык и религия, и их практически невозможно разделить. Арабский язык древнее ислама, но его письменная компонента появилась именно как средство отображения основного религиозного текста – Корана; доисламские арабские письменные источники в настоящий момент не найдены⁵³. Этот факт практически исключает аналогии с европейским национализмом, где перевод Библии на местные языки стал важным шагом на пути к формированию национальных языков. Отказ от Библии в латинском варианте был болезненным, но закономерным процессом, в то время как отказ от арабского варианта Корана на данный момент невозможен и даже не имеет смысла. Мусульманин должен читать Коран в оригинале, арабский это язык Аллаха, и во всех медресе его изучение обязательно. Мусульманин в идеале должен говорить по-арабски, но зачастую верно и обратное утверждение – араб должен быть мусульманином. В Коране есть указание на особый статус арабского языка и его превосходство над другими, наиболее ясно связь между языком и религией показана в одном из хадисов: «Любите арабов по трем причинам: потому что я араб, потому что арабский это язык Корана и потому что арабский это язык Рая»⁵⁴. Это ставит крест не только на европейских, но практически всех аналогиях, так как в современных национальных государствах религиозные институты отделены от государства, хотя могут играть важную роль. Государство – это закон, религия – это вера, но арабы не могут четко разделить их: шариат регулирует настолько значительную часть жизни мусульманина, что для других законов места практически не остается.

⁵³ Существуют письменные памятники доисламского периода, - наскальные надписи и памятники эпиграфического и мемориального содержания на Аравийском полуострове, в Сирии и Палестине, - однако они только частично относятся к арабскому языку. В них встречаются арабские имена, арабские семантические конструкции и существительные с артиклем «аль», однако их не относят к арабским письменным памятникам. Подробнее: Белова А.Г. Введение в арабскую филологию. М. 2003. С. 16-17.

⁵⁴ Kahle P. The Qur'an and the Arabiy. Ignace Goidziher Memorial Volume. Part 1. Budapest, 1948. P. 174.

Формула «богу – богово, кесарю – кесарево» в арабском мире не работает, халиф – это Папа и Император в одном лице. Ярким примером двойственной идентичности служат исламские банки, исламское образование, обязательная интеграция норм шариата в законодательство арабских стран.

Проблема соотношения ислама и национализма, а точнее сама возможность развития светского национализма в исламском мире, остается неразрешенной. Великое арабское восстание, которое способствовало отделению арабов от Османской империи, началось под руководством шерифа Мекки, по сути – племенного вождя, и только впоследствии распространилось на наиболее развитые арабские территории – Сирию и Ливан. С одной стороны, это свидетельствует о силе религиозной компоненты в арабском обществе того периода и слабости националистов в этот период арабской истории. Однако более подробное рассмотрение Арабского восстания также поднимает более важный вопрос о том, насколько арабское общество, и в частности – сирийское, было в принципе готово к восприятию национализма.

В организации Арабского восстания 1916 года принимали активное участие иностранные военные советники. Существуют знаменитые мемуары британского офицера Томаса Эдварда Лоуренса, который участвовал в организации арабского восстания и вел боевые действия в тесном контакте с принцем Файсалом. Его мемуары «Семь столпов мудрости» неоднократно критиковали за патетизм и искажение событий в пользу автора, однако если часть фактов и были искажены и трактованы им неверно, то общая картина восстания, описанная им, представляет интерес.

Лоуренс начинает повествование с описания арабского народа. Он, тем не менее, не совсем уверен в его существовании: «Первой трудностью в понимании сути арабского движения было определить, кто же все-таки они такие, эти арабы. Название этого «синтезированного» народа год за годом, медленно, но неуклонно меняло свой смысл. Когда-то арабом называли просто аравийца: была страна, которая звалась Аравией. Однако сути

проблемы такая связь не раскрыла. Существовал язык, который называли арабским, и именно он в данном случае является критерием оценки»⁵⁵. Единство языка, несомненно, является важной, но не единственной чертой национальной общности. Следует отметить, что в межвоенный период, когда была написана эта книга, теория национализма все еще находилась на ранних стадиях своего развития. Только во второй половине XX века появятся обширные работы Геллнера, Хобсбаума, Андерсена, а в то время дискуссия о национальном характере и определение Отто Бауэра были еще актуальны: «Нация есть относительная общность характера»⁵⁶. В таком контексте арабы, по описанию Лоуренса, уже могли называться нацией, хотя осознание ими своего единства было неочевидно.

Однако, при более близком знакомстве, оказывается, что Лоуренса окружают не арабы. Такой персонаж как «арабский народ» в его повествовании встречается редко: преимущественно, он имеет дело с конкретными племенами и их шейхами. Его основными спутниками являются Ауда абу-Тайи из племени Ховайтат, Нури Шаалан из племени Руалла, народ же описывается как «люди аджейль», «люди руалла», «люди сирхан». Человек без племени, без родственников и связей не имеет здесь идентичности. Чтобы оценить насколько племенная идентичность преобладала на аравийском полуострове стоит привести несколько отрывков.

Турки были гораздо современнее и ближе к национализму, чем арабы:

«Младотурки истребили армян не потому, что те были христианами, а потому, что были армянами. По этой же причине они загоняли арабов-мусульман и арабов-христиан в одни тюрьмы и вешали их вместе на одной виселице»⁵⁷.

Арабы же так не акцентировали внимание на национальных различиях:

«— Они приближаются. Англичане наступают. Да пощадит Бог людей под этим дождем.

⁵⁵ Лоуренс Т.Э. Семь столпов мудрости. М., Алгоритм, 2014. С.13.

⁵⁶ Андерсон Б. Нации и национализм. М., Праксис, 2002. С. 57.

⁵⁷ Лоуренс Т.Э. Семь столпов мудрости. М., Алгоритм, 2014. С.33.

Они с состраданием думали о турках, так долго бывших их притеснителями, слабости которых теперь сочувствовали больше, чем силе иностранцев с их непонятной, действующей без разбора справедливостью»⁵⁸.

И не всегда осознавали свое национальное единство:

«Король Гуссейн, узнав, что Алленби представил Джафара к отличию, опубликовал свой указ, не предупредив о нем Фейсала. Он намеревался досадить этим северным городским арабам, сирийским и месопотамским офицерам, которых король презирал за распущенность, в то же время боясь их образованности»⁵⁹.

По мере развития восстания, война приближалась к Сирии и Палестине, где благодаря развитию образования и пропаганде местных националистов, национальное чувство должно было становиться сильнее. Но описание Лоуренса выявляет другие моменты:

Племенная вражда:

«В деревне находилось лишь сто восемьдесят турок, но их поддерживал земледельческий клан мухайсин, не столько из любви к туркам, сколько из-за того, что шейх Диаб, глава враждебного клана, объявил, что он выступает на стороне Фейсала»⁶⁰.

Торговля суверенитетом:

«Мы обратили два орудия и шесть пулеметов против редута у моста, надеясь вынудить защитников покинуть его. Пять пулеметов направили свой огонь на деревню. Через пятнадцать минут ее старшины, очень встревоженные, прибыли к нам. Нури обещал прекратить стрельбу при условии, что турки будут немедленно выгнаны из домов. Они обещали нам это»⁶¹.

Примат конъюнктурных интересов:

⁵⁸ Лоуренс Т.Э. Семь столпов мудрости. М., Алгоритм, 2014. С. 208.

⁵⁹ Там же. С. 287.

⁶⁰ Там же. С. 236.

⁶¹ Там же. С. 312.

«Шли слухи, что мы лишь совершаем набег, ... и что затем удерем отсюда, ... предоставив нашим местным друзьям расплачиваться за все. Ночной покой беспрестанно нарушался этими пришельцами, с криком окружавшими наш бивуак и, по крестьянскому обыкновению, слюнявившими нам поцелуями руки с торжественными заявлениями, что мы их всеильные владыки, а они наши смиреннейшие слуги»⁶².

В итоге складывается такой образ восстания, который кратко резюмировал и сам Лоуренс: «Арабское движение развивалось как восстание дикарей, обладающее столь же незначительными средствами, как незначительны были его цели и перспективы»⁶³. За этот образ, превозносивший его роль в организации восстания и роль англичан в целом, его неоднократно критиковали. Однако он в существенной степени соответствовал действительности, что подтверждается последующими исследованиями арабского национализма.

Филипп Хури в своей работе «Urban notables and Arab nationalism» рассмотрел общественно-политическую ситуацию в Дамаске рубежа XIX–XX веков с точки зрения элиты, «политики нотаблей»⁶⁴. Он представляет эволюцию одной социальной страты в одном городе. Однако, этот город – Дамаск, а эта страта – «землевладельческо-бюрократическая элита», которая, по его мнению, отражает развитие региональной элиты в целом. Ее влияние основано на концентрации в рамках нескольких больших семей административных, торговых и коммерческих постов вкупе с латифундиями в сельской округе, что дает этой страте практически всеобъемлющую монополию на власть городе. Городская элита в Османской империи, по его замечанию, выполняла особую функцию во властной иерархии – она

⁶² Лоуренс Т.Э. Семь столпов мудрости. М., Алгоритм, 2014. С. 314.

⁶³ Там же. С. 259.

⁶⁴ Это перевод термина «politics of notables», который ввел в широкий оборот Альберт Хуран («Ottoman reform and the politics of notables»), и в подробно разработал Филипп Хури. Рассмотрение истории сквозь призму узкой, но очень влиятельной социальной группы имеет свои очевидные недостатки. Накопленную критику этого подхода позже разобрал и сам Хури в статье «Urban notables paradigm revisited», где показал, что несмотря на некоторые слабые места и необходимость более глубокого исследования влияния городской знати на политику и общественную мысль, сам по себе этот подход является эффективным и актуальным.

осуществляла связь турецкого губернатора провинции с местными ресурсами и административными органами: иными словами, она играла роль прокладки между губернатором и властью в провинции, страховки от губернаторского мятежа⁶⁵.

Хури рассматривает 12 наиболее влиятельных семей Дамаска. Их фамилии встречаются среди членов арабских тайных обществ довоенного периода, в мемуарах Лоуренса, среди членов Сирийского национального конгресса, среди членов всех созывов сирийского парламента и кабинетов министров вплоть до 1950х годов. Это вполне естественно, так как элита – всегда элита, но из этого также следует, что приверженность какой-либо идеологии не была их отличительной чертой. Хури доказывает, что арабизм и османизм были двумя сторонами одной медали: это проекты различных групп элиты по выходу из кризиса империи. Неизбежность смены халифата на национальные государства была очевидна, не сходились только по поводу конкретики. Обострение конфликта с османистами случилось в 1908 году, когда младотурки стали замещать арабов на административных постах. Хури приводит пример основателей проарабской Партии Децентрализации – сирийцы Шафик Муайад аль-Азм, Рушди Шамаа и Шукри аль-Асали получили образование в Стамбуле, говорили по-турецки, но потеряли все государственные посты после переворота младотурок⁶⁶. Также Хури приводит примеры того, как османизм и арабизм сочетались в рамках одной семьи – более богатые ветви больших семейств поддерживали младотурок, в то время как более бедные уходили в оппозицию. Таким образом, мотивация арабской элиты не имела ничего общего с национализмом, и после падения империи ее «османская» часть на ходу стала перекрашиваться в арабских националистов, стремясь понравиться новым хозяевам и дальше выполнять свою посредническую роль⁶⁷. Можно сказать, что эта элита и представляла

⁶⁵ Khoury P. Urban Notables and Arab Nationalism: The politics of Damascus 1860-1920. Cambridge University Press, 1983. P.2

⁶⁶ Ibid. P.69.

⁶⁷ Ibid. P. 81.

настоящих арабских националистов, ведь из нее впоследствии выросли лидеры Национального блока, боровшегося против французской оккупации. Однако на тот момент они причудливым образом вошли в конфликт с принцем Файсалом и его свитой арабских националистов из Ирака и Палестины, так как не в нем они увидели нового хозяина, а в иностранных интервентах⁶⁸. Как отмечает Хури, Файсал был удивлен, что сирийская элита не хочет помочь ему в организации арабского государства, в то время как сирийская элита видела в нем пришельца, конкурента и даже предателя, развалившего подлинное исламское государство – Османскую империю. Это четко указывает на примат религиозной идентичности над национальной на тот момент арабской истории.

Таким образом, несмотря на усилия интеллигенции и активное обсуждение национальных проектов, национальное самосознание арабов оставалось на крайне низком уровне на момент распада Османской империи. Лидер арабского восстания принц Фейсал ибн Хусейн в сотрудничестве с арабскими националистами созвал Всеобщий сирийский конгресс, где был провозглашен королем Сирии в 1920 году. Однако бывшие территории империи уже были поделены на Парижском конгрессе между Францией и Великобританией, поэтому государство Фейсала было вскоре ликвидировано. В битве у перевала Мейсалун 24 июля 1920 года против 70000 корпуса французского генерала Гуро сражалось всего около 3000 добровольцев.

1.2. Сирия при французском мандате.

В 1920 году, по итогам конференции в Сан-Ремо, были обозначены границы радела Османской империи. В тексте решений на французском языке было отмечено: «Мандатарии, выбранные главами союзных держав: Франция для Сирии, Великобритания для Палестины и Месопотамии»⁶⁹.

⁶⁸ Khoury P. Urban Notables and Arab Nationalism: The politics of Damascus 1860-1920. Cambridge University Press, 1983. P. 80-81.

⁶⁹ San Remo Conference resolution. URL: http://ecf.org.il/media_items/299 (дата обращения 27.08.2018).

Однако такой административной единицы как «Сирия» в Османской империи не существовало. До этого она была конгломератом мелких регионов (Ливан, Антиливан, Хауран) и племенных территорий (Джебель аль-Алавийун, Джебель ад-Дуруз). Топоним «Сирия», который в арабском также встречается как Биляд аш-Шам, очень древний и упоминается еще в Библии, но сложно определить конкретное его значение. В Римской империи существовала провинция Сирия, но после арабского и турецкого завоевания и активной миграции на протяжении полутора тысяч лет эта территория существенно изменила свой культурный облик. В Османской империи она состояла из нескольких административных единиц, причем деление постоянно менялось. К 1914 году Сирия была разделена на три вилайета: Дамаск (санджаки Хама, Дамаск, Хауран и Карак), Алеппо (санджаки Айнтаб, Алеппо и Мараш) и Бейрут (Латакия, Триполи, Бейрут, Акра и Наблус); санджаки Дейр-эз-Зор, Иерусалим и Бекаа были выделены в самостоятельные единицы⁷⁰. Неоспоримой была только столица региона – Дамаск, древний центр торговли, отсюда начиналась священная дорога к Мекке. Именно в рамках французского мандата Сирия появилась как относительно единое государство, однако она продолжала оставаться конгломератом разрозненных территорий. Французы, стремясь закрепить в Сирии, по-своему истолковали понятие мандата и вместо одного независимого государства создали четыре полузависимых.

Территории Сирии, переданные Франции, были определены как мандат группы «А» - территории, прежде управляемые Османской империей, которые достигли развития, позволяющего стать им независимыми государствами, при предоставлении мандатарием административной помощи. Предполагалось, что держава мандатарий получала право на временное управление территорией для того, чтобы помочь зависимым народам построить собственное государство, а не для подчинения ее. Территории Сирии и Ливана были одними из самых развитых турецких

⁷⁰ Longrigg S. Syria and Lebanon under the French Mandate. L., 1958. P. 369.

провинций, и им не требовалась помощь в построении государства, а только формальное предоставление независимости, чего они и ожидали после окончания войны. Франция же была не готова к такой «благотворительности». Несмотря на то, что инвестиции Франции в Сирию были незначительны, французы заявляли о своих «исконных правах» на эту территорию⁷¹. При Османской империи Франция позиционировала себя как защитница католиков и маронитов и спорила с Россией за опеку над всеми турецкими христианами и контроль над святыми местами. Французы рассчитывали на благожелательное отношение местного населения, однако приняли их в Сирии достаточно холодно. Независимая комиссия Кинга-Крейна в 1919 году провела исследование среди населения Сирии и Ливана и выяснила, что население рассчитывает на независимость или американский, или британский мандат – любой, кроме французского⁷². Французы результаты опроса не приняли всерьез, что в дальнейшем стало причиной многих проблем.

Французы имели большой опыт прямого управления в Африке и Юго-Восточной Азии, однако решили истолковать мандат, как форму протектората. Прямое управление Сирией, при всем желании, было невозможным. С одной стороны, культурный уровень сирийцев был гораздо выше, чем у африканцев, что проявилось организованном антиколониальном движении. С другой стороны, средства Франции после войны были очень ограничены, и она не в состоянии была содержать еще одну колонию. Впрочем, для организации твердого протектората их тоже было недостаточно. Французы ориентировались в Сирии на опыт своего протектората в Марокко, но в Марокко у них было 7000 служащих и 130000 колонистов. В Сирии же, в 1933 году, общее число французских граждан

⁷¹ Khoury P. *Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945*. Princeton University Press, 1989. P. 55.

⁷² Longrigg S. *Syria and Lebanon under the French Mandate*. L., 1958. P. 90.

составляло 3807⁷³. Этот недостаток культурного влияния они стремились компенсировать агрессивной политикой «разделяй и властвуй», что, по мнению Стивена Лонгригга и Филиппа Хури, сделало сирийское государство в дальнейшем очень нестабильным.

Хури выделяет три столпа французской политики в Сирии - поощрение религиозной этнической раздробленности, усиление противостояния города и деревни и разделение элит. Эти разломы в сирийском обществе станут постоянной проблемой государства на протяжении XX века.

Наиболее важной частью французской политики в Сирии стала политика этническая. В условиях нехватки сил и средств, Франция стремилась сделать так, чтобы Сирия управляла собой сама, но в соответствии с пожеланиями метрополии. Единственным способом наладить самоуправление в Сирии и не допустить, чтобы его захватили арабские националисты, было поощрение этноконфессионального сепаратизма. По переписи населения 1921 года в Сирии проживало 1019000 суннитов, включая курдов-суннитов, 8800 шиитов, 190000 алавитов, 47000 друзов, 14000 исмаилитов, 10600 евреев, 167600 христиан⁷⁴. Французы, формально поддерживая местные автономии, выделили территории друзов и алавитов, наиболее значительных сообществ, в отдельные государства. Большое количество суннитов же, напротив, представляло угрозу и традиционные территории их проживания – Алеппо и Дамаск – разделили на два государства. Бедуины были переданы в ведение специального управления. Курды своего государства не получили, так как Франция была связана с Турцией договором, который запрещал поддержку их национального движения; тем не менее, они были поставлены под прямое управление французским губернатором в провинции Джазира.

Несмотря на декларативную поддержку малых народов, цели у французов были политические, поэтому о культурной автономии они не

⁷³ Khoury P. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton University Press, 1989. P. 71.

⁷⁴ Longrigg S. Syria and Lebanon under the French Mandate. L., 1958. P. 128.

заботились. Это показало фиктивный характер автономий, французам не удалось завоевать доверие элиты и населения, и к середине 1930х годов они стали склоняться к сотрудничеству с Национальным блоком – объединением сирийских националистических партий. Еще в 1930 году им пришлось ввести в действие предложенную Конституцию, а в 1936 были ликвидированы автономные государства и была создана Республика Сирия с собственным президентом и парламентом. Из-за надвигавшейся войны в 1939 французы снова разделили Сирию и поставили ее под свое прямое управление, но процесс был уже запущен – этноконфессиональные группы стали готовиться к существованию в рамках суверенного государства.

Теперь рассмотрим основные этноконфессиональные группы по отдельности, чтобы обозначить трансформацию сирийского общества в период мандата.

1.2.1. Алавиты.

Алавиты были наиболее крупной этноконфессиональной группой в Сирии по результатам переписи 1921 года, их было около 190000. Этнически это арабское, арабговорящее население, от остальных сирийцев их отличают их верования. Альберт Хурани характеризует их следующим образом: «Из язычества они берут идею Божественной триады и ее последовательное воплощение в семи циклах мировой истории, а также переселение душ. Из шиитского ислама они перенимают преувеличенный культ Али, становящегося воплощением Бога; из исмаилизма – идею эзотерического учения, недоступного массам и открываемого только посвященным после сложного обряда инициации. Из христианства они перенимают ритуал, который серьезно выделяет их из ряда других исламских и постисламских сект»⁷⁵.

⁷⁵ Hourani A. Minorities in the Arab world. L.: Oxford University Press, 1947. P. 8.

Учение алавитов появилось в 9 веке, его основателем был Нусайр ан-Нумайри из Багдада⁷⁶. К 11 веку через Алеппо оно распространилось на танухитские племена, обитавшие в районе современных Тартуса и Латакии еще во времена Византийской империи. Танухи относятся к арабским племенам, населявшим Сирию до появления ислама. Эти племена были христианизированы, что может объяснить наличие у алавитов элементов христианского ритуала. Религиозная доктрина алавитов базируется на учении шиитов-имамитов и фокусируется на халифе Али, двоюродном брате пророка Мухаммада, убийство которого 661 году н.э. повлекло раскол ислама. Однако статус Али у алавитов очень высок, они его обожествляют, что исключает их из традиционного шиитского ислама; они относятся к группе шиитских учений «крайнего толка», так называемых «ghulat». До середины XX века алавиты не контактировали с традиционными центрами имамитов – Неджефом и Кумом. Деятельность крайних шиитских учений привносила в ислам элементы других философских систем – гностицизма, неоплатонизма, идеи о скрытом состоянии и возвращении имамов. Учение алавитов ушло от ислама так далеко, что трудно идентифицировать происхождение всех его элементов. Алавиты не посещают мечети, не постятся в рамадан. Обряды совершаются на собраниях, где они причащаются хлебом и вином и читают, в частности, выдержки из Евангелий. Они отмечают Рождество (25 декабря), Навруз, день святой Варвары (16 октября) и День отпевания по восточному стилю (3 января).

Естественно, при таких неординарных верованиях алавиты подвергались гонениям как еретики. Это побудило их не только изолироваться в районе Латакии-Тартуса, но и скрыть свое учение. В этом контексте важность представляет принцип «такыйя» - разрешение алавитам скрывать свою веру. В случае угрозы жизни алавит мог назваться суннитом, шиитом, христианином. Алавиты были изолированной, многочисленной

⁷⁶ Сведения о религии и социальной структуре алавитов приводятся по кандидатской диссертации Саутова В.Н. Алавиты в общественно-политической жизни Сирии (40 - 90-е годы). М., 2001.

группой, что позволяло им избегать открытых гонений в период Новой и Новейшей истории. Но практика скрытой веры и принцип «такыйя» выработали у суннитского большинства в стойкое недоверие, алавитов воспринимали если не как потенциальных врагов, то как подозрительную враждебную группу⁷⁷.

Регион расселения алавитов – район современных Латакии и Тартуса, часть алавитов также жила в районе Хамы и Хомса. 21 августа 1920 года в этих районах была создана Автономная территория алавитов, в 1922 она была преобразована в Государство Алавитов. Во главе находился французский офицер и комиссия из 12 человек. Комиссия избиралась пропорционально этническому делению, соответственно в ней было 7 алавитов, 2 суннита, 2 христианина и 1 исмаилит. Так французы стремились нивелировать административное влияние местных землевладельцев, городских суннитов и христиан. С 1930 государство получило свою конституцию и флаг. В ведении местного самоуправления находились финансы, общественные работы, здравоохранение и судебная система. Следует отметить, что суд алавитам «подарили» французы. Когда в 1922 они решили ввести суд на основе местных законов в Государстве алавитов, там действовало обычное право, которое было бессистемным и языческим в восприятии мусульман и не годилось для официальной судебной системы. Французы вписали алавитов в общемусульманскую судебную систему, начав распространение джафаритского мазхаба, которому следуют шииты-имамиты. Это был первый шаг к отождествлению алавитов с шиитами и реформы их религиозной доктрины.

Все эти меры не смогли радикально улучшить экономическое и социальное положение алавитов. Они оставались, в основном, бедными жителями деревни, работавшими на земле городских суннитов. Тем не менее,

⁷⁷ Ненависть на религиозной почве вообще не характерна для сирийского общества, оно известно своей толерантностью. Однако, на мой взгляд, это следствие замеченной Велерсом изоляции групп, отсутствия тесных контактов и, как следствие, почвы для конфликта. Восстание «Братьев-мусульман» против режима Хафеза Асада с антиалавитскими лозунгам в конце 1970х годов показывает, что выход алавитского общества из изоляции создал серьезный конфликтный потенциал.

для них открылись новые возможности изменить эту ситуацию – государственная служба. В Османской империи они не могли служить из-за своей веры, но французы, наоборот, поощряли их службу в армии и местном самоуправлении. Несмотря на рост количества школ в период мандата и бесплатное начальное образование, алавиты не стремились его получать. Притом, что количество школ в Государстве алавитов к 1945 году выросло с примерно 300 до 658, среди учащихся их насчитывалось только 27%, хотя в регионе они составляли 60%⁷⁸. Образованию они предпочитали военную карьеру, возможно потому, что она была бесплатна на всех этапах обучения. Три из четырех пеших батальонов *Troupes speciales du Levant* состояли преимущественно из алавитов⁷⁹.

Несмотря на отсутствие единства внутри сообщества, к концу мандата его уровень самосознания вырос. Однако рост самосознания не привел к возможному росту сепаратизма. Единственное крупное восстание алавитов произошло в 1918-1920 годах, когда они решили воспользоваться междувластием для решения своих земельных вопросов, при том, что турки за предшествующий век подавили семь восстаний⁸⁰. Алавиты выбрали путь интеграции, причем интеграции не во французскую колониальную систему, а в будущее сирийское государство. Но на этом пути всегда стоял вопрос религии. Алавиты решили позиционировать себя как шиитов имамитов – отдельную группу, но законную в рамках ислама. Тем не менее, им пришлось работать не один десяток лет, прежде чем население Сирии в это поверило.

Впервые вопрос об официальной религиозной принадлежности алавитов возник в 1936 году, когда обсуждалось предоставление независимости Сирии и, соответственно, ликвидации этнических автономий. Тогда алавиты попытались убедить сирийцев, что они хотя бы являются

⁷⁸ Maoz M. Attempts at creating political community in modern Syria // *The Middle East journal*, 1972, № 26. P. 399.

⁷⁹ Batatu H. Some observations on the social roots of Syria's ruling military group and the causes of its dominance // *The Middle East Journal*. 1981. Vol. 35, №3. P. 342.

⁸⁰ Khoury P. *Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945*. Princeton University Press, 1989. P. 100-102.

мусульманами. Шейхи заранее подготовили целую программу мероприятий⁸¹. Они устроили конференцию у себя в горах и опубликовали следующее заявление: «В опровержение имеющих место быть рассуждений о том, что алавиты не являются мусульманами, мы, обменявшись мнениями и рассмотрев основополагающие исторические и теологические труды, заявляем: 1. Всякий алавит является мусульманином, а алавиты-мусульмане веруют в Аллаха, Мухаммада и признают пять столпов ислама; 2. Тот, кто признает ислам, но отвергает благородный Коран в качестве священной книги, а также Мухаммада, - да благословляет его Аллах и приветствует, - в качестве его пророка, с точки зрения шариата не является алавитом». В этом заявлении хорошо виден принцип «такыйя» в действии, но лидеры суннитского националистического движения пошли им на встречу и великий муфтий Палестины выпустил фетву, подтверждающую их принадлежность к мусульманам. Тем не менее, эти усилия не дали результата – суннитское духовенство фетву не поддержало, а сирийцы продолжали воспринимать алавитов как чужаков.

1.2.2. Друзы.

Как и алавиты, друзы относятся к группе крайних шиитских сект, принято считать, что они происходят от исмаилитов. Они имеют два региона компактного проживания – горы Шуф в Ливане и Джебель ад-Дуруз в Сирии. В 1921 году в Сирии их было 43000 – 84% населения Джебель ад-Дуруз.

Религия друзов происходит из Египта времен Фатимидской династии, исмаилитского Египта⁸². Она появилась в результате исчезновения в 1071 году н.э. аль Хакима би-Амр Аллаха, пользовавшегося высоким духовным авторитетом. Его сподвижник, Мухаммад ад-Дарази, объявил его воплощением Аллаха, возможно, вопреки его воле, в результате чего впал в

⁸¹ О реформе религии алавитов: Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism. URL: <http://martinkramer.org/sandbox/reader/archives/syria-alawis-and-shiism/> (дата обращения 27.08.2018).

⁸² Сведения о друзах приведены на основе работы Dana N. The Druze in the Middle East: their faith, leadership, identity and status. Sussex Academic Press, 2003.

ту же ересь обожествления, что и Нусайр ан-Нумайри, и был изгнан. Он бежал в Ливан и проповедовал там свою веру, которую приняли горные арабские племена. После ад-Дарази крупнейшими религиозными авторитетами друзов считаются Хамза Ибн Али и Ас-Сайид Абдалла ат-Танухи. В начале 18 века в результате междоусобной войны часть друзов переселилась в Хауран и с тех пор в Сирии появились Горы Друзов. Следует отметить, что враждовавшие тогда влиятельные семьи до сих пор занимают высокое положение в обществе – это Джумблаты и Арсланы в Ливане и аль-Атраши в Хауране.

Хотя учение друзов произошло от исмаилитов, оно имеет с исмаилитами так же мало общего, как алавиты с имамами. Так же как и алавиты, друзы имеют свои религиозные тексты помимо Корана – «Kitab Al Hikma» («Книга мудрости»). Друзы также не чтут пять столпов ислама: они не признают шахаду, так как не считают Мухаммеда печатью пророков, они не обязаны совершать намаз, поститься в Рамадан, давать закят, совершать хадж. В религии друзов можно заметить много элементов из греческой философии, иногда ее даже называют философией, а не религией. Такое серьезное отличие от ислама оказало влияние и на менталитет друзов. Принципы равенства и свободы воли, не характерные для мусульман, глубоко заложены в друзской общине. Друзы – это не мусульманская умма, а братство, и братская взаимопомощь развита в этом сообществе до сих пор, что можно было заметить во время Ливанской войны, когда друзы Сирии оказывали помощь друзам Ливана иногда вопреки позиции государств. Друзы, как и алавиты, верят в переселение душ, но они считают, что количество душ друзов ограничено, и когда один друг умирает – другой рождается. Друзом нельзя стать, им можно только родиться, поэтому число друзов всегда было сравнительно небольшим, практиковалась эндогамия. Еще одним следствием веры в реинкарнацию стала развитая воинская традиция: вплоть до второй мировой войны конница друзов считалась элитными войсками, в частности, из-за их презрения к смерти – они верили,

что они тут же переродятся. При Османской империи они сохраняли право носить оружие, но следует отметить, что сирийские друзы редко оспаривали авторитет султана за пределами своих гор, их больше волновала собственная независимость. При такой серьезной военной традиции несколько необычно отсутствие гендерной дискриминации в друзском обществе. Друзы считают, что душа есть как у мужчины, так и у женщины, они равноправны. Женщины могут входить в состав духовенства, причем их там даже большинство, так как для женщин действует облегченная процедура религиозного посвящения⁸³. По причине равенства людей у друзов также никогда не было рабовладения. У друзов нет полигамии, при разводе имущество делится пополам, наследники мужского и женского пола также равноправны. Тем не менее, неформально права женщин ограничены, раньше они не могли учиться, работать, свободно выбирать мужа. Однако женщины могли участвовать в политике, что еще в 19 веке поражало путешественников.

Хотя равноправие, равенство, свобода воли – одна из основ друнизма, не все друзы одинаково равны. Как и алавиты, они вынуждены были скрывать свою религию, что привело к делению на посвященных (*uqqal*) и непосвященных (*juhhal*). В религии друзов ритуал имеет небольшое значение и ограничивается собраниями посвященных по четвергам, как это делается у исмаилитов. Опора на знание, а не на ритуальную сторону служит еще одним аргументом в пользу того, что это скорее философия, чем религия. Но пренебрежение ритуалом имеет и другую сторону – непосвященные друзы не стремятся скрыть нарушение «мусульманского этикета». Как и алавиты, они не строят мечетей, но им также разрешено употреблять алкоголь и свинину из-за чего в ливанской армии, например, друзские офицеры питались отдельно. У друзов существует принцип «такыйя», но они использовали его не так, как алавиты. Они скрывали знание, но никогда не скрывали свой быт, и мусульмане имели все основания считать их еретиками. Однако друзы

⁸³ Dana N. The Druze in the Middle East: their faith, leadership, identity and status. Sussex Academic Press, 2003. P. 24.

были немногочисленным, но сплоченным военизированным сообществом, и мнение суннитов, по-видимому, мало их волновало, потому что их горы были неприступны. Но это привело к полному отказу их от интеграции и выделению их в дальнейшем в отдельное маргинальное сообщество.

Помимо посвященных в сообществе друзов выделяется аристократия. Семьи Джумблатов и Арсланов в Ливане и аль-Атрашей в Сирии упоминаются еще в 18 веке, но даже в XX веке восстание сирийских друзов возглавляет Султан аль-Атраш, а одним из ливанских лидеров в период гражданской войны в Ливане был Валид Джумблат. Эту аристократию французы и использовали для управления друзами в период мандата. Государство получили только сирийские друзы, оно было создано 1 мая 1921 года как Государство Свейда, а в 1922 переименовано в Государство Друзов. Подготовка кадров для местного самоуправления здесь не требовалась, французы оставили власть в руках местной аристократии, а губернатором стал Салим-паша аль-Атраш, который управлял Джебель ад-Дуруз еще при османах. В ведении местного самоуправления остались финансы, общественные работы, здравоохранение и судебная система, друзы сохранили право носить оружие.

Тем не менее, французы сочли друзский сепаратизм чрезмерным. Французы были недовольны влиянием семьи аль-Атраш и видели опасность в друзских вольностях. Первые столкновения на этой почве произошли еще в 1922, когда в гости к Султану аль-Атрашу зашел разыскиваемый французами преступник и его арестовали⁸⁴. Султан-паша посчитал это личным оскорблением и нарушением гостеприимства, напал на конвой и освободил его. Французы решили использовать конфликт между друзским крестьянством и землевладельцами и разрушить изоляцию этого региона. Джебель ад-Дуруз – это пустынные горы, это регион был наименее развитым в Сирии за исключением Гор Алавитов. Французы начали активное

⁸⁴ Khoury P. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton University Press, 1989. P. 153.

строительство дорог и оросительных сооружений для того, чтобы интегрировать его в экономику страны. Также в рамках земельной реформы они стремились передать землю мелким и средним хозяйствам, чтобы нарушить их связь с местной аристократией. Однако эти меры и привели в итоге к сирийскому восстанию 1925-27 годов. В 1923 оппозиционная аль-Атрашам комиссия решила передать пост губернатора французам, и на него был назначен капитан Карбийе. Он начал проводить активную модернизацию в Государстве друзов, используя принудительный труд крестьян и заключенных, лишил друзов права носить оружие, впервые за долгое время собрал все налоги. В результате к 1925 году его ненавидели все 43000 друзов Сирии. Друзы были недовольны строительством каналов и дорог, которые считали ненужными, французский губернатор воспринимался как оккупант, который хочет внести раскол в их сообщество, насильно его изменить. Султан аль-Атраш собрал сторонников среди друзской аристократии и поднял восстание в конце июля 1925 года. Восстание вскоре приняло общесирийский характер, так как аль-Атраш объявил, что он несет освобождение от иностранной оккупации. Тем не менее, оттенок «массовой поддержки» ему придал союз с арабскими националистами в Дамаске. Фактически восстание охватило только юг Сирии – Джебель ад-Дуруз, Дамаск, Хомс и Хаму. Государство Алавитов, Алеппо, Дейр-эз-Зор активной поддержки не проявили. Но и в Южных регионах массово восстание поддерживали только друзы, и Султана аль-Атраша в качестве нового главы Сирии никто, включая националистов в Дамаске, не рассматривал, потому что он был друзом. Тем не менее, произошло то, чего французы всячески стремились избежать – объединение местной этнической элиты с арабскими националистами, но следует отметить различный характер этого процесса у друзов и алавитов. Находясь в одинаковом положении, алавиты выбрали ассимиляцию, сближение с большинством населения Сирии через реформу религии и интеграцию в мусульманский мир. Друзы, напротив, отказались от интеграции. Султан аль-Атраш, который был одним из ведущих друзских

лидеров и в дальнейшем, стремился к политической, а не культурной интеграции на основе арабского национализма. Друзская элита пошла на союз с арабскими националистами, но это не предполагало каких-либо изменений на уровне рядовых членов общины. Друзы стремились сохранить свою самобытность и изолированность, что в дальнейшем привело к маргинализации сообщества.

1.2.3. Христиане и евреи – зимми.

«Народы книги» составляли существенную, но очень неоднородную часть населения Сирии⁸⁵. По переписи 1921 года христиан в Сирии было около 167000 человек, они принадлежали к католической, православной и нескольким «нехалкедонским» церквям – грекокатолики (мелькиты), православные, яковиты, сирокатолики, армяне-грегориане, армянокатолики, ассирийцы, католики латинского обряда и протестанты. Евреев было около 10000, это были арабоязычные халяби и ассимилировавшиеся сефарды. Тем не менее, у всех этих групп были общие черты, а именно их юридический и социальный статус.

В османской империи христиане и евреи были обычно состоятельными и образованными городскими жителями. Их сообщества имели контакты за рубежом, поэтому они довольно успешно вели бизнес, выступая посредниками между Западом и Востоком, и пользовались финансовой и политической иностранной поддержкой. Также им способствовал особый статус миллета, защищавший их от произвола со стороны местных мусульман. После установления мандатного управления юридически миллеты были упразднены, христиане и евреи стали равноправными гражданами новых государств. Фактически же они сохранили свои законы и свой образ жизни и продолжали оставаться инородным вкраплением в мусульманском обществе. Миллет был их защитой, их гарантией

⁸⁵ Сведения о положении христиан в период мандата приводятся по книге Bat Ye'or. Islam and dhimmitude: where civilizations collide. Fairleigh Dickinson University Press, 2002.

стабильности, но после распада империи эта защита исчезла, а именно в это время она была необходима. В 1915 году турки устроили геноцид армян, ассирийцев и понтийских греков, а в 1917 появилась Декларация Бальфура, которая развязала современный палестинский конфликт⁸⁶. После войны стал набирать силу арабский национализм, и евреи и христиане чувствовали себя очень некомфортно, потому что не было уверенности, что им найдется место в будущих арабских национальных государствах. Этнически большинство из них считалось арабами, и христиане активно участвовали в национальном движении, но невозможно было отбросить вопрос религии, вопрос о том, должен ли араб быть мусульманином. Эта неопределенность границы между панарабизмом и панисламизмом определяла поведение христиан и евреев в период мандата.

Атмосфера страха усилила миграцию этих сообществ, и это непосредственно коснулось Сирии. Геноцид армян, ассирийцев, понтийских греков заставил их бежать из Турции, и большая часть их осела в соседней Сирии под защитой французского мандата. Если раньше традиционными регионами расселения христиан в Сирии были Хауран, Латакия, Дамаск и Алеппо, то при французах появились сильные сообщества в Хомсе, Хаме и провинции Джазира, которую христиане заселяли вместе с курдами. С одной стороны это положительно повлияло на экономику, так как армяне из Турции были состоятельным торговцами, высококвалифицированными рабочими и ремесленниками. Христиане имели хорошее образование, полученное в частных школах, в Сирии после ухода оттуда османской администрации они были очень востребованы. Но успешные переселенцы, отбирающие лучшие рабочие места у местного населения вызывали недовольство. Особенно раздражали арабов армяне в провинции Джазира, которые добились больших успехов в ростовщичестве; большая часть

⁸⁶ Декларация Бальфура – официальное письмо министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура Лайонелю Ротшильду, представителю еврейской общины, о намерениях создания в Палестине «национального очага еврейского народа», ставшее отправной точкой для еврейской иммиграции и создания Израиля.

местных племен заложила им свои земли, что послужило поводом для беспорядков в Камышлы в 1936 году. Все это коснулось в первую очередь турецких армян и ассирийцев, христиане же Сирии продолжали эмигрировать в Европу, Америку и Австралию, этот поток оставался небольшим, но стабильным. Евреи после создания поселений в Палестине стали мигрировать туда. Следует отметить, что если в 1921 их численность оценивается в 10000, то через 40 лет их останется около 200 семей⁸⁷. Фактически это сообщество исчезло в период мандата и особенно послевоенного становления сирийского государства.

Миграция христиан и евреев стала ответом на нестабильность региона, но она не могла решить проблему безопасности сообществ. В качестве одного из решений после первой мировой войны рассматривалась автономия. В 1919 году во время Парижской мирной конференции община ассирийцев настаивала на предоставлении им автономии на востоке Сирии или же прямого управления, но это сочли нецелесообразным. Остальные общины об автономии не задумывались, так у них не было территорий компактного проживания, кроме городских кварталов и отдельных деревень. В провинции Джазира христиане вместе с курдами предлагали французам ввести прямое управление, но им также было отказано. Альтернативой автономии была только интеграция, так как христиане и евреи были настолько интегрированы в торговлю и городскую жизнь Сирии, что не могли и не хотели изолироваться, как друзья. Христиане сотрудничали с французами в период мандата, они воспользовались открывшимися возможностями в карьере и бизнесе, активно переселялись в Сирию из Турции, но они предпочли интегрироваться в арабское общество, а не поддерживать мандат, как марониты Ливана. И это было не только следствием осознания временного характера французского мандата и страха перед возможными погромами. Еще в 1921 году яковитский епископ Игнатиус Афрам I защищал позиции

⁸⁷ van Dam N. The struggle for power in Syria: Sectarianism, Regionalism, and Tribalism in Politics, 1961-1978. Croom Helm Ltd., 1979. P. 15.

арабской делегации в Париже, а мелькиты, самая крупная христианская община в Сирии, считали себя равноправными членами арабской нации: «Каждый молодой православный христианин (мелькит) считает себя арабом, и наиболее сильные его стремления – это стремления к Арабскому Национализму, которые он разделяет со своими мусульманскими братьями»⁸⁸. Такой светский национализм нашел понимание в суннитской политической верхушке, и до сих пор христиане могут сделать серьезную карьеру не только в бизнесе, но и на государственной службе. Бат Йеор пишет, что христианская арабофилия вела не только к светскому национализму, но и отказу от своей бытовой культуры и восприятию арабских антиссионистских настроений⁸⁹.

Таким образом, за период мандата сообщества евреев и христиан существенно изменились. Евреи практически исчезли из Дамаска и Алеппо и перестали играть самостоятельную роль в сирийском обществе. Христиане же вынуждены были по-новому встраивать себя в общество, и выбрали путь интеграции на основе светского национализма. Теперь они уже не нуждались в защите со стороны султана или мандата и превратились в полноправных участников политических и культурных процессов.

1.2.4. Курды.

В современной литературе существует такое понятие, как «курдская проблема». Обычно под этим понимается борьба курдского народа за свои национальные и культурные права и в перспективе за создание собственного государства на территории Курдистана – области, включающей юго-восточную Турцию, северный Ирак и северо-восточный Иран, основные территории расселения курдов. Появление «курдской проблемы» принято относить к 1920м годам, когда после образования национальных государств обострилась борьба за курдские автономии в Турции и Ираке, и были

⁸⁸ Bat Ye`or. Islam and dhimmitude: where civilizations collide. Fairleigh Dickinson University Press, 2002. P. 163.

⁸⁹ Ibid. P. 165.

созданы первые курдские квазигосударственные образования, или же ко второй половине XX века, когда курдские партии, такие как РПК, начали активную политическую и военную борьбу за свои права. Однако проблема курдов существовала и раньше⁹⁰.

Курды – это кочевые индоевропейские племена, населявшие междуречье Тигра и Евфрата и Иракское плато, о персидских племенах куртиев сообщают еще античные источники. В средние века под курдами стали понимать уже скорее социальную группу – иранские народности, занимавшихся горным скотоводством, разговаривавшие на различных диалектах курманджи, зазаки, сорани, леки, келхури, горани, авромани, лури. У курдов есть своя религия – езидизм, она распространена в северном Ираке, но большинство курдов исповедуют суннитский ислам. Курды отличались полувоенной племенной структурой и тягой к «вольностям», поэтому «курдская проблема» возникала у всех завоевателей в этом регионе. Они сопротивлялись арабскому завоеванию, позже крестоносцы проиграли Святую землю курду Салах-ад-Дину. Когда в 16 веке в этот регион пришли турки они также столкнулись с «курдской проблемой». В.Ф. Минорский приводит следующие слова из курдской летописи Шерефнаме для описания их взаимоотношений с Портой: «Величайшие султаны и высокие potentаты никогда не посягали на их страну и земли, ограничиваясь получением подарков и довольствуясь видеть их преданность и послушание, насколько это нужно, чтобы пользоваться ими в качестве вспомогательных войск»⁹¹.

С преданностью и послушанием у курдов всегда были проблемы – в 19 веке они восставали каждый раз, когда начиналась русско-турецкая война, и турки ослабляли гарнизоны. Курдистан представлял собой конгломерат мелких княжеств, где каждый местный правитель очень гордился своим происхождением и своими владениями. Шерефнаме написана князем

⁹⁰ Сведения об истории и социальной организации курдов приводятся по статье Минорского В.Ф. История курдов. Петроград, 1915. URL: <http://www.countries.ru/library/orient/iraq/kurds.htm> (дата обращения 27.08.2018).

⁹¹ Минорский В.Ф. История курдов. Петроград, 1915. URL: <http://www.countries.ru/library/orient/iraq/kurds.htm> (дата обращения 27.08.2018).

Битлиса Шерефеддин Ханом, и там он с чисто курдской гордостью подробно описывает все достопримечательности своего удела - мечети, рынки, ученых людей – и перечисляет длинные генеалогии, рисует войны, переселения племен, их постоянно неопределенное положение в борьбе между Турцией и Персией. Однако гордость в их натуре была кочевой, разбойничьей, а не национальной, что всегда мешало организации единого сопротивления. Ярким примером этого может служить восстание 1880 года, когда под предлогом сопротивления туркам и иранцам большие силы курдов вторглись в район озера Урмия и двинулись на Тебриз. Восстание выродилось в простой грабеж и прекратилось само собой после первых столкновений с иранскими войсками: «Курды возвратились вспять сами, не имея больше перевозочных средств для новых грабежей»⁹². Племенная структура курдов не позволяла им создавать долговременные союзы, каждый начинал тянуть на себя. Эта структура сильна и до сих пор, что проявляется в большом количестве курдских партий, противостоящих друг другу. Раздробленность племен, дополнившаяся после Первой мировой войны разделом Курдистана, оказалась основой для того, чтобы курдов использовали как пешек в ближневосточной политике, хотя они были и остаются мощным и влиятельным сообществом.

Хотя «курдская проблема» существовала и раньше, в Сирии она появилась в период мандата как следствие распада Османской империи. На северо-востоке Сирии, в пограничных с Турцией территориях жило небольшое количество курдов, но в 1920е годы их число резко возросло. Туда хлынул поток переселенцев из Турции, которые спасались от националистических реформ Ататюрка, они стали оседать в провинции Джазира⁹³. Именно с этого времени популяция курдов в Сирии стала стабильно составлять около 10% населения страны, они стали вторым по

⁹² Минорский В.Ф. История курдов. Петроград, 1915. URL: <http://www.countries.ru/library/orient/iraq/kurds.htm> (дата обращения 27.08.2018).

⁹³ Khoury P. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton University Press, 1989. P. 237.

численности этноконфессиональным меньшинством после христиан. Следует отметить, что вместе с курдами Джазиру в этот период заселяли армяне. Отношения армян и курдов были сложными, турки поощряли экспансию курдов в соседние армянские районы, а в конце 19 века создавали специальные полки из курдов для контроля за армянскими территориями, которые также принимали участие в геноциде армян. Тем не менее, в Сирии они выступили союзниками, а их противниками оказались местные арабские племена.

Хури пишет, что в период мандата Джазира превратилась из пустыни, населенной бедуинами, в цветущий торговый регион⁹⁴. Центром ее стал новый город Камышлы, который заселили курды, и где обосновалась мощная армянская диаспора. Французы связали Камышлы с Алеппо железной дорогой, что стало толчком для развития экономики, но одновременно привело к упадку старых центров, таких как Хасака и, соответственно, связанных с ними торговых элит не только в Джазире, но и в Алеппо. Ростом экономики и другими изменениями были недовольны и местные арабские племена. У них возникали конфликты с курдами из-за пастбищ и водопоя, но больше всего они были недовольны армянами и другими христианами, которые занимались не только торговлей, но и ростовщичеством. Очень скоро, большая часть местных племен оказалась у них в долгах. Конфликт назревал долго, беспорядки в Джазире произошли только 1936 году, когда Сирия добилась от Франции самоуправления. Этот вопрос был ключевым для курдов и христиан, они долго добивались от французов самоуправления, но достигли только того, что французы набирали чиновников из местных. Таким образом, формально Джазира была частью Сирии, но фактически была только косвенно связана с Дамаском. Когда французы передали власть правительству Национального блока, оно решило это исправить и заменить местных чиновников на своих ставленников. Однако оно не ожидало

⁹⁴ | Khoury P. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton University Press, 1989. P. 237-241.

вооруженного сопротивления, которое осложнилось давлением французов. Курды и христиане выступали за сохранение местного чиновничества и за то, чтобы в провинции остались французские войска. В то же время жители Джазиры внимательно следили за судьбой санджака Александретта (современная Антакия), который должен был отойти Турции по договору с Францией. Турция вела пропаганду и в Джазире, обещая культурную автономию для курдов и армян, но после Первой мировой войны это было не очень убедительно. В итоге правительству в Дамаске пришлось пойти на уступки и отказаться реформы местного управления, оставив за собой только назначение губернатора.

Курды в Сирии живут не только в Джазире, они расселены по всей границе с Турцией, но это уже устоявшиеся территории их компактного проживания, как например, горы Курд Даг на север от Алеппо. Джазира же меньше чем за десятилетие приняла в себя большое количество курдов (точное количество иммигрантов неизвестно) и стала зоной нестабильности. Нежелание французов решать проблему ассимиляции курдов, стремление превратить их в еще один этнический козырь против арабских националистов, позволило Джазире сохранить автономию, но сделало ее изолированной территорией, несмотря на развитие экономики. Курды не смогли ассимилироваться в Сирии, они не чужие, но и не свои, что в дальнейшем приведет к игнорированию не только их культурных, но и человеческих прав, превратит их в разменную монету в игре против Турции.

1.2.5. Сунниты.

По переписи 1921 года суннитов насчитывалось 1019000, что составляло около 60% населения. Они, в основном, проживали в центральной части Сирии, в районах Дамаска, Хамы, Хомса, Алеппо и Дейр-эз-Зора. Как показала дальнейшая история Сирии, история борьбы меньшинств за власть в государстве, 60% было недостаточно для полной культурной и политической гегемонии, но их влияние нельзя недооценивать. Сунниты составляли

торговые элиты всех крупных городов, государственный аппарат, политический истеблишмент, поставляли кадры для жандармерии и суда⁹⁵. Они доминировали в сфере образования: частные суннитские школы конкурировали с христианскими, а государственные вели свое происхождение от медресе. Сунниты были носителями доминировавшей идеологии арабского национализма и сторонниками единой Сирии, это была успешная позиция, учитывая слабость французского мандата и готовность суннитской элиты к диалогу с этноконфессиональными меньшинствами. Однако у этого сообщества были и слабости, главная из которых – разобщенность.

Лонгригг отмечает, что сирийский народ разделен на две неравные группы: небольшая его часть активно участвует в процессе модернизации и даже вестернизации, большая же часть очень консервативна⁹⁶. Сирия до недавнего времени оставалась аграрной страной с очень бедным сельским населением, и большую часть ее территории составляли пустынные районы, населенные бедуинами, для которых даже самое распространенное достижение западной модернизации – огнестрельное оружие – в период мандата было редкостью. Эта пропорция применима и к идеям – арабский национализм был скорее достоянием верхушки общества, жителей Дамаска и Алеппо, что показало Сирийское восстание 1925-27 годов, которое ограничилось южными и центральными районами.

Тем не менее, экономика Сирии росла, шла модернизация – рос и национализм. В 1925 году Абд ар-Рахманом Шахбандаром была создана Партия народа, она поддержала восстание друзов. После восстания французы стали сговорчивее. В 1928 на основе Народной партии был образован Национальный блок, его составила в основном суннитская торговая и политическая элита. Хури отмечает, что его возглавили члены торговых семей, которые поднялись в 19 веке, они получили образование в Стамбуле и

⁹⁵ Longrigg S. Syria and Lebanon under the French Mandate. L., 1958. P. 7.

⁹⁶ Longrigg S. Syria and Lebanon under the French Mandate. L., 1958. P. 9.

Париже⁹⁷. Хотя их национализм был арабским, их происхождение позволяет Хури говорить о национальной идее в Сирии, как о привнесенной, импортной. Национальный блок добился слияния Государств Дамаск и Алеппо и создания республики Сирия в 1932 году. К 1936 году националистически настроенные суннитские элиты смогли получить более широкую поддержку. Рабочие Сирии организовали сеть профсоюзов и после всеобщей стачки Национальный блок смог добиться ликвидации этнических автономий, объединения Сирии и самоуправления. Президентом Сирии стал Хашим аль-Атасси. Единая Сирия существовала недолго, в условиях предвоенной обстановки в 1939 году ее вновь разделили на автономии, но это был первый шаг на пути к независимости.

Модернизация Сирии привела не только к росту национального самосознания, обратным эффектом был рост радикального ислама. Большую часть суннитов Сирии составляли мелкие и средние торговцы, крестьяне и бедуины. Франция позаботилась о том, чтобы сделать Сирию своим экономическим придатком и малый бизнес серьезно пострадал от этого. Проникновение в Сирию западной культуры, по мнению суннитского духовенства, превращало ее в бордель. Малообразованные, консервативные слои суннитского населения были невосприимчивы к идеям арабского национализма, по мнению Хури, гораздо ближе им был язык радикального ислама⁹⁸. Суть отношений религиозной и политической элиты хорошо видна на примере фетвы муфтия Палестины о признании алавитов мусульманами. Улемы Сирии ее просто проигнорировали, политические задачи сирийского руководства им были откровенно чужды, единство страны и интеграция автономий – не повод для отступления от пути ислама. Низшие же слои населения не ограничились консерватизмом, а восприняли идеи

⁹⁷ Khoury P. *Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945*. Princeton University Press, 1989. P. 269.

⁹⁸ Khoury P. *Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945*. Princeton University Press, 1989. P. 607-611.

радикального реформизма, которое выразилось в движении джамаатов⁹⁹. Основными задачами джамаатов было исламское образование и пропаганда исламской этики. Первым джамаатом периода мандата стал Jam`iyyat al-Gharra`, основанный в Дамаске в 1924 году. Параллельно с ростом национального движения росло и количество джамаатов, наиболее influentialными были at-Tamaddun al-islami (1932), al-Hidaya al-islamiyya (1936), al-Ulama (1938) и Dar al-Akram (1935), который превратится в сирийскую ячейку братьев-мусульман в 1944 году. Джамааты издавали свои журналы, в их деятельности участвовали ученые, врачи, учителя, но Хури отмечает, что их социальной основой были мелкие торговцы и ремесленники – самая религиозная страта сирийского общества, тесно связанная с суннитскими шейхами¹⁰⁰. К концу 1930х годов с их требованиями уже невозможно было не считаться, а свою деятельность они сосредоточили на изменении статуса женщин в обществе (в худшую сторону) и системе образования. Они выступали против следования западной моде в одежде, против участия жен лидеров национального блока в политике и вообще против публичности женщин, за закрытие казино, кабаков и клубов, создание религиозной «полиции нравов» и нормальное образование для детей на основе Корана вместо европейской истории и французского языка в школах. Свои требования они иногда подкрепляли массовыми беспорядками, наиболее известные произошли в 1944 году, когда жена министра образования аль-Бухари решила организовать благотворительный бал¹⁰¹. Гостями были преимущественно христиане, а проходил бал во Французском клубе офицеров, но когда шейхи услышали, что там вроде бы мусульманские дамы появятся без хиджаба, сторонники джамаата al-Gharra` вооружились

⁹⁹ Джамаат - объединение мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой и т. п. В Сирии обычно создавались по территориальному принципу, на основе общества прихожан одной мечети или квартала. Территориальная структура приводила к тому, что улемы могли возглавлять различные джамааты в разных городах одновременно.

¹⁰⁰ Khoury P. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton University Press, 1989. P. 609.

¹⁰¹ Ibid. P. 611.

револьверами и ножами и устроили перестрелку с полицией, квартал Мейдан в Дамаске два дня был блокирован.

Таким образом, политические лидеры суннитов были носителями арабского национализма и, именно благодаря их усилиям, удалось объединить Сирию. Однако они были оторваны от своей социальной базы, большая часть сообщества симпатизировала радикальному исламу, что делало невозможным мирное сосуществование с другими этноконфессиональными группами в рамках одного государства. Лонгригг пишет, что суннитское большинство в Сирии после войны требовало восстановления халифата и норм шариата, но разобщенность сообщества привела в дальнейшем к потере им доминирующего положения в сирийском государстве¹⁰². Тем не менее, эти настроения нельзя было игнорировать, и они станут проблемой, которую руководство Сирии будет решать на протяжении всего XX века.

1.3. Национализм в Сирии мандатного периода.

Говоря о межвоенной Сирии, следует иметь ввиду, что речь идет об арабском национализме, условном государстве арабской нации, но в том, что касается подробностей, различия могут быть велики. В результате распада Османской империи сформировалось большое количество арабских государств и в той или иной мере претендовавших на лидерство в арабском мире. В основе каждого из них была «национальная элита» - люди, считавшие себя арабами, выступавшие за арабское единство, но жестко привязанные при этом к своей родине, - городу и региону, - интересами своих семей и своего бизнеса. Существует два основных арабских термина для обозначения национализма – «wataniya» и «qawmiya». Фактически, их значение сходно с терминами «патриотизм» и «национализм»: watan – родина, отечество; qawm – народ, нация. Соответственно, обычно, термин «qawm» применяется к арабам в целом, национализм может быть только

¹⁰² Longrigg S. Syria and Lebanon under the French Mandate. L., 1958. P. 117.

арабским. Этот подход рационален и обоснован, так как существуют представления о единой территории проживания арабов, «al-watan al-arabiyy», существует единый арабский «литературный» язык, существует относительно единая арабская культура. Проблема состоит в том, что единое суверенное государство для этой нации отсутствует на карте уже более 1000 лет после распада халифата Омейядов. Вместо этого после распада Османской империи появился ряд государственных образований, с которыми соотносится термин «watan», для этого были объективные основания. Единство арабов было и остается целью арабских националистов, однако фактическое объединение этих локальных отечеств в единое государство всегда рассматривалось с осторожностью, так как оно ведет к утрате власти местными элитами.

Примерный состав сирийской элиты установить несложно, достаточно взглянуть на списки президентов и премьер-министров Сирии до 1963 года. Хашим аль-Атасси – 3 раза президент, 2 раза премьер-министр, Халид аль-Азм – 1 раз президент, 5 раз премьер-министр, Шукри аль-Куатли – 3 раза президент, Ата аль-Айюби – 1 раз президент, 2 раза премьер-министр, Саадалла аль-Джабири – 3 раза премьер-министр, Джамиль Мардам Бей – 2 раза премьер-министр. Хотя политические таланты этих людей играли не последнюю роль, не менее важна была их принадлежность к влиятельным семьям сирийских землевладельцев, по инициативе которых в 1928 году был сформирован Национальный блок – объединение сирийских арабских националистов. Сформулировать идеологию этого движения затруднительно, поскольку идеология не была его основой и целью. В 1925-27 годах в Сирии произошло масштабное восстание, основной причиной которого было недовольство французской оккупацией. Центром восстания стали районы, населенные друзами, так как друзы были наиболее организованной военной силой и активность французской администрации была для них наиболее ощутима. Однако восстание подняли под националистическими лозунгами о независимости Сирии, так как французская оккупация затрагивала

практически все слои и группы населения Сирии и объединяла их, поэтому друзья быстро нашли общий язык с националистами из Дамаска и Алеппо. Восстание было подавлено, однако французы вынуждены были идти на уступки и разрешить ограниченную свободу политической деятельности в Сирии и создание Национального блока, в основе которого оказалось объединяющее недовольство иностранной интервенцией.

Можно сказать, что лидеры Национального блока были арабскими националистами. Многие из них состояли в оппозиционных арабских клубах в период Османской империи, они активно поддерживали связь с арабскими националистами в других странах. Если рассматривать сирийскую элиту в региональном контексте, то она не представляла собой какую-либо отдельную самостоятельную группу, а была включена в различные фракции общеарабского национального движения. Так, например, Абд ар-Рахман Шахбандар активно участвовал в сирийской политике в период Арабского восстания, был министром в правительстве Файсала и создал несколько политических организаций в межвоенный период. Французская администрация несколько раз высылала его из страны, и в одной из ссылок он познакомился Мишелем Лутфуллой, также сирийским эмигрантом, и присоединился к Сирийско-палестинскому конгрессу в Каире, который был тесно связан с британской разведкой и династией Хашемитов, которые управляли Ираком и Иорданией под британским мандатом¹⁰³. В то же время в Сирийско-палестинском конгрессе существовала фракция членов Арабской партии независимости, среди которых были Рашид Рида, Шахиб Арслан, Шукри аль-Куватли. Многие из них были бывшими членами арабского тайного общества аль-Фатат и еще со времен Арабского восстания испытывали недоверие к Хашемитам, считая шерифа Хусейна и его сына Файсала некомпетентными управленцами и коллаборационистами. Ислам был для них не менее важен, чем арабизм, и на этой почве предпочитали

¹⁰³ Khoury P. Factionalism among Syrian nationalists // International Journal of Middle East Studies. 1981. Vol. 13, № 4. P. 445-446.

поддерживать связи с Турцией, а так же с династией Саудов, которые в 1924 году изгнали Хашемитов из Аравии, отобрав контроль над Меккой и Мединой у шерифа Хусейна. Таким образом, сирийская и арабская идентичность были очень тесно переплетены.

Сирийский национализм Национального блока не противоречил арабскому национализму, так как Сирия это их малая родина, «watan», но все они при этом являются частью «al-umma al-arabiya» - арабской нации. Тем не менее, эта малая родина вмещала в себя очень большую часть их жизни – дом, семью, бизнес, поэтому в области экономики сирийская элита была именно сирийской. Это отчетливо проявилось, например, ввремя Палестинского восстания 1936-39 годов. Палестина, находившаяся под британским мандатом, была тесно связана с Сирией в межвоенный период, так как импортировала значительную часть продуктов питания, строительных материалов, текстильной продукции. Палестина составляла серьезную статью сирийского экспорта, особенно в ситуации, когда палестинские арабы периодически бойкотировали продукцию еврейских производителей; лидеры национального блока, будучи также крупными бизнесменами, поддерживали борьбу палестинского народа. Однако Палестинское восстание случилось в не самый удобный момент. За полгода до восстания Шукри аль-Куватли, который помимо политической деятельности в Национальном блоке владел также Сирийской консервной компанией, приехал в Палестину для того, чтобы оценить возможности сбыта среди еврейской клиентуры, эти планы были сорваны. Восстание началось вскоре после общесирийской стачки, которая существенно подорвала доходы местной элиты, поэтому в начале восстания некоторые торговцы и промышленники Дамаска обратились к руководству блока с просьбой повлиять на палестинцев и прекратить восстание, которое срывало экспортные поставки¹⁰⁴. В итоге помощь восстанию со стороны Сирии

¹⁰⁴ Khoury P. Independence movement and economic nationalism //Bulletin of British Society for Middle Eastern Studies. 1987. Vol. 14, № 1. P. 32.

оказалась достаточно ограниченной, в частности, из-за конфликта с конкретными экономическими интересами сирийских бизнесменов и землевладельцев.

Название национального блока на арабском «Al-Kutla al-wataniya», что показывает, какой именно национальный интерес он должен был защищать – интерес родины, локальный, сирийский. Их национализм базировался на их экономических интересах, которые были ущемлены французской колониальной администрацией, привязавшей сирийскую валюту к падающему франку и облегчавшей при этом импорт европейской продукции. В этом плане их интересы совпадали с интересами большей части сирийского населения, создавая иллюзию национально-освободительного движения. После вывода французских войск эта шаткая конструкция вскоре развалилась. Создание государства Израиль в 1948 году поставило Сирию в ситуацию перманентного военного положения. Политики мандатного периода были совершенно не готовы к такой ситуации, что привело к серии военных переворотов, закончившейся захватом власти Партией сирийского арабского возрождения (Баас). Однако, в это время был также сформулирован и другой подход к сирийской нации – на основе «qawm», при полном отказе от участия в панарабском проекте.

В 1932 году в Ливане Антуном Сааде была основана Сирийская социал-национальная партия. Некоторые отечественные и зарубежные исследователи, такие как В.П. Ранчинский, относят ее к арабским организациям фашистского толка, вроде ливанских фалангистов, и отмечают, что Сааде имел контакты с немецкими фашистами и тяготел к расизму и авторитаризму¹⁰⁵. Однако образ Сирии, к которому стремился Сааде, крайне отличался как от представлений Национального блока, так и от европейского фашизма.

¹⁰⁵ Ранчинский В.П. Радикальные молодежные организации Сирии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №10(98). С. 78-79.

Сааде считал сирийцев суверенной нацией, а не частью арабского мира; более того, он считал сирийцев более древней общностью, с которой арабы позже смешались в качестве одного из ее компонентов. Соответственно, его партия называлась «Al-hizb as-suriy al-qawmiy al-ijtima'i» (Партия сирийская национальная социальная, более известна как ССНП), то есть сирийская общность лишалась своего локального статуса, что было невозможно для традиционных панарабистов, доминировавших в арабской политике. Сама по себе идеология Сааде сочетала в себе восточные и западные идеи, так как он был знаком как с исламской, так и с современной ему европейской философией. Из европейской философии он заимствовал секуляризм и абсолютный приоритет нации над любыми субнациональными и внешними группами. Однако расизм его идеологии был чужд, возможную генетическую общность сирийцев он даже не рассматривал, считая более важной близость культурную. Сааде выступал за единство в рамках Большой Сирии, его государство должно было включать территории Ирака, Иордании, Ливана и Палестины, а также части Турции и Ирана. Это пространство, по его мнению, имело «естественные границы», оно было объединено сквозными осями торговых путей и сходными методами хозяйствования, которые и создавали общую культуру. Сама же сирийская нация имела при этом полиэтнический состав, но это не имело особого значения, так как важна была интеграция, которую обеспечивало единое культурное пространство. Сааде поясняет, что Сирия и сегодня заселена наследниками различных народов, в разное время мигрировавших на ее территорию и сохранивших существенные различия, и она в этом не одинока (приводит пример Франции и Италии), поэтому расовая чистота нации для него – миф.

Сирийская социал-национальная партия никогда не пользовалась особой популярностью. После провокации, организованной против партии в 1955 году, ее сирийская ветвь была разгромлена и около 3000 ее членов оказались за решеткой. Однако при Хафезе Асаде они были постепенно амнистированы, и в 2005 году ССНП официально присоединилась к

Национальному прогрессивному фронту, который объединяет политические партии Сирии под руководством Баас.

Таким образом, к моменту получения независимости в 1946 году, Сирийская арабская республика была далека от национального государства, как арабского, так и собственно сирийского.

Население имело слабое национальное сознание и было разделено на ряд этнических и конфессиональных групп, причем в данном случае этничность и конфессионализм дополняли и усиливали друг друга. Вера алавитов и друзов оказывала очень существенное влияние на их быт и вела к их изоляции, что нивелировало их этническую общность с суннитским населением, и эти этноконфессиональные различия были гораздо важнее, чем слабые национальные чувства. Французская администрация приложила максимум усилий для углубления разделения сирийского общества, создав сегрегацию между этноконфессиональными меньшинствами, предпочитавшими службу в армии, и суннитским большинством, стремившимся к торговле и административной карьере.

Национальная элита была раздроблена. Существовали противоречия внутри Национального блока между фракциями из Алеппо и Дамаска, а также противоречия в международном панарабском движении. Однако гораздо более важным был сохранявшийся раскол между теоретиками и практиками панарабизма. Национальный блок не имел собственной идеологии, кроме борьбы против французской оккупации и после вывода французских войск оказался идеологическим банкротом. В то же время сохранялась уже описанная ситуация значительного присутствия христиан среди теоретиков национализма. Антун Сааде был ливанским христианином, один из основателей партии Баас, Мишель Афляк, был христианином из

Дамаска. При этом среди лидеров Национального блока суннитов было более 90%¹⁰⁶.

Однако если рассмотреть описанные здесь тенденции, то можно отметить тенденции развития сирийского общества, положительные для становления национализма. Здесь описаны четыре крупные этноконфессиональные группы, существовавшие изолированно – алавиты, друзы, христиане и курды; наиболее крупные из них – алавиты и христиане – еще в период мандата взяли путь на интеграцию в будущее единое государство. Идеологическое банкротство Национального блока было неизбежно и оно привело к отстранению от власти наиболее консервативной и религиозной части общества, так как здесь было отмечено, что сирийские торговцы и землевладельцы, интересы которых представлял блок, были тесно связаны с исламским духовенством и состояли исламских джамаатах или поддерживали их. Они не могли стать опорой светского национализма.

Неизбежная модернизация меняла Сирию и постепенно создавала условия для формирования массового светского общества равноправных граждан, необходимого для становления нации, однако вопрос состоит в том, насколько эти тенденции были реализованы.

¹⁰⁶ Khoury P. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton University Press, 1989. P. 249-250.

Глава 2. Реформы Партии арабского социалистического возрождения. Сирийская национальная идентичность в условиях модернизации.

Французские войска оставили Сирию 17 апреля 1946 года. В некоторой степени это стало заслугой внутреннего сопротивления арабских националистов под руководством Национального Блока, которые организовывали постоянные демонстрации в Дамаске в 1945-46 годах с требованием независимости. Однако, внешнеполитическая ситуация сыграла более важную роль. Вторая мировая война ослабила позиции Франции, и она не могла сопротивляться новым великим державам, которые взяли курс на деколонизацию, а точнее - на новый передел мира. Заключительным ударом стал конфликт с Великобританией, которая стремилась вытеснить Францию с Ближнего Востока. В мае 1946, в ответ на ожесточенные бои с националистами и бомбардировку Дамаска, англичане предъявили ультиматум с требованием вывода войск, Франция уступила международному давлению.

Вывод французских войск стал точкой отсчета истории Сирии как суверенного государства и национальным праздником. В целом, эта история достаточно хорошо изучена. Сложилась традиция периодизации, в которой выделяются следующие этапы:

- 1946 – 1958 гг. - Либеральный режим или, как его называют некоторые исследователи, «Ancien regime», по аналогии с Францией. Он характеризовался продолжением доминирования землевладельческой «старой» аристократии, составлявшей основу Национального Блока.
- 1958 – 1961 гг. - Объединенная арабская республика, кратковременный союз Сирии и Египта. Он оказался неудачным и был свергнут в результате военного переворота, за которым последовала неудачная попытка реставрации старого политического устройства.

- 1963 – 1970 гг. - Захват власти партией Баас и попытка реформирования сирийского общества в соответствии с идеологией арабского социализма.
- 1970 – по настоящее время. В результате внутрипартийной борьбы власть была захвачена Хафезом Асадом, и Сирия была преобразована в авторитарную президентскую республику. В 2000 году после смерти Хафеза Асада его приемником стал его сын, Башар Асад.

Такая периодизация отражает ход истории Сирии, но не процессы, лежавшие в основе ее развития. При более подробном рассмотрении оказывается, что власть межвоенных элит, «либеральный режим», оказалась в кризисе уже через несколько лет после получения независимости, когда в 1949 году произошел первый военный переворот. Современная история Сирии оказывается чередой военных переворотов – 1949, 1951, 1958¹⁰⁷, 1961, 1963, 1970. Страна перманентно находилась в чрезвычайном положении и управлялась авторитарно. Можно сказать, что это нормальное явление для современной истории Ближнего Востока, авторитаризм и военные перевороты для исследователей этого региона не удивительны, причины такого развития событий уже рассмотрены в литературе. Сирия, как сосед Израиля, является одним из ключевых участников всех арабо-израильских конфликтов, что, несомненно, наложило отпечаток на ее историческое развитие. В литературе существует целое направление исследований, посвященное особой роли армии в управлении государствами на Ближнем Востоке, где рассматривается ряд факторов, сделавших армию ключевым государственным институтом, а государства - более иерархичными и авторитарными. Если посмотреть глубже, то можно увидеть и специфические социально-экономические проблемы Сирии, которые рассматриваются в исследованиях посвященных аграрной реформе. Постоянная нехватка земли, перенаселённость и бедность деревни, доминирование крупного

¹⁰⁷ В 1958 было провозглашено создание союзного государства Сирии и Египта. Традиционно оно не считается военным переворотом, однако в воспоминаниях политических лидеров Сирии этого периода это событие выглядит неоднозначно. Союз был инициирован военными, которые погрузили сирийских политиков в самолет, практически насильно, и отправили в Египет с требованием добиться союза.

землевладения сделали спокойное развитие экономики Сирии практически невозможным, конфликт между крестьянами и землевладельцами оказывал постоянное давление на стабильность государства. Таким образом, причины турбулентного развития сирийской истории, в целом, уже представлены в литературе, однако представлены они разрозненно, что не отражает тот комплекс процессов, которые происходили в сирийском обществе. Для пояснения этого утверждения можно привести пример зарубежных исследований периода Хафеза Асада. Англоязычные авторы, рассматривая этот период, предпочитают деидеологизированный прагматичный подход, и в фокусе их исследований часто оказывается вопрос стабильности режима Хафеза Асада. Причины такого подхода понятны. Семья Асадов правит Сирией уже почти 50 лет, для Ближнего Востока это режим-долгожитель. За этот период все иллюзии о приверженности Сирии идеологии панарабизма исчезли, даже если не вспоминать об уже не новом тренде отмирания идеологий по всему миру, и правящая партия Баас уже давно превратилась в старую ширму, прикрывающую клановую диктатуру. Существует множество факторов, ослабляющих сирийский режим – власть конфессионального меньшинства, постоянная конфронтация с Израилем, слабая аграрно-сырьевая экономика. За эти годы Сирия неоднократно оказывалась в кризисе, режим едва не потерял власть в ходе восстания исламистов в начале 1980х годов, но выстоял. Естественно, у исследователей возникает вопрос – в чем причина такой устойчивости. Однако можно задать и другие вопросы. Прежде чем обсуждать устойчивость сирийского режима, нужно объяснить, почему он должен пасть: для большого количества других государств 50 лет – не срок. Окажется, что в качестве причин исследователи приводят «очевидные» доводы – диктатуры всегда разрушаются, и Сирия не исключение¹⁰⁸. В период с 1946 по 1970 в Сирии произошло 7 переворотов – почему они прекратились? Что происходило с сирийским обществом до баасистского переворота и почему оно стабилизировалось с приходом

¹⁰⁸ Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. Routledge, 2002. P. 1.

Хафеза Асада? Почему нестабильность вернулась снова после 50 лет? Исследователи дают ответы на эти вопросы, но ответы скорее технические, а не концептуальные. Authoritarian resilience - устойчивость режима, - это не причины стабильности, а способы ее сохранения.

2.1. Сирия до баасистов – социальная трансформация.

В предыдущей главе были отмечены основные тенденции развития Сирии, но сирийское общество рассматривалось в виде отдельных этноконфессиональных групп. Общество мандатного периода было атомизировано, что отчасти нашло отражение в создании французами нескольких государств на территории Сирии, однако уже тогда была заметна тенденция к его консолидации. В 1940-50 годы общество изменилось настолько, что рассматривать его по частям уже не имело смысла: этноконфессиональные группы не исчезли, но их статус и роли существенно изменились.

Пожалуй, наиболее показательным является пример друзов¹⁰⁹. Столетиями они сохраняли широкую автономию, опираясь на высокий уровень клановой солидарности, милитаризацию их сообщества и относительную труднодоступность их территории. Несмотря на относительно небольшую численность (около 3% населения), они были наиболее влиятельным из меньшинств Сирии. Так в 1945 году возник конфликт между президентом Куватли и главой друзского сообщества Султан-пашой аль-Атрашем, и лидер друзов, отстаивая свою автономию, угрожал взять Дамаск с 4000 друзской конницы. Сирийскую армию в то время представляли *Troupes Speciales du Levant*, войска французской администрации (около 7000 человек), и, по мнению Министерства обороны, угроза аль-Атраша была реальной. Однако появление Израиля привело к ускоренной милитаризации всего региона, а в

¹⁰⁹ Сведения о друзах периода независимости приводятся по Landis J. Shishakli and the Druzes // in Phillip T., Schabler B. The Syrian Land: Processes of integration and fragmentation. Franz Steiner Verlag, 1998. P. 369-396. URL: http://faculty-staff.ou.edu/L/Joshua.M.Landis-1/Joshua_Landis_Druze_and_Shishakli.htm (дата обращения 27.08.2018)

ходе первой арабо-израильской войны туда хлынул поток современного оружия со складов Второй Мировой войны. В 1951 году сирийская армия насчитывала уже 43000 и ее численность постоянно росла с появлением всеобщей воинской обязанности, она получала танки и самолеты, что делало угрозу друзского племенного ополчения ничтожной. В результате, уже в 1951 году пришедший к власти полковник Адиб аш-Шишакли, убежденный панарабист, отказывался признавать сам факт существования меньшинств в Сирии и их притязания на автономию. В условиях распространения автомобилей и развития инфраструктуры горы уже не защищали друзов, а их военное превосходство исчезло. Шишакли понадобилось всего 3 года, чтобы окончательно уничтожить автономию друзов экономическими методами. Экономика Джабал ад-Дуруз базировалась на иорданской финансовой помощи, контрабанде и выращивании гашиша. Помощь Иордании резко сократилась после смерти короля Абдаллы в 1951 году. В то же время Шишакли усилил пограничный контроль и назначил главой Таможенной службы своего брата, который наладил каналы контрабанды гашиша из Турции в Иорданию, вытеснив друзов из этого бизнеса, доходы от которого оценивались примерно в 1 млн. долларов в год. Шишакли также организовал кампанию по дискредитации друзов: были опубликованы фальшивые религиозные тексты друзов, их часто обвиняли в шпионаже в пользу Израиля, Великобритании и Иордании. При попытке организации восстания в 1953 были предприняты жесткие превентивные меры, сирийские войска оккупировали Джебель ад-Дуруз, были привлечены бедуины, устроившие там беспорядочные грабежи. В 1954 Шишакли был свергнут в результате военного переворота, в котором приняли участие друзские офицеры, однако Джебель ад-Дуруз уже не оправился от этих ударов, и фактор друзов практически исчез из сирийской политики.

Два других крупных сообщества – курды и алавиты, составлявшие суммарно около 20% населения, - интегрировались в новое сирийское государство

практически без эксцессов. Уровень внутренней солидарности этих сообществ был существенно ниже друзей.

Курды изначально не составляли в Сирии единого сообщества, что нашло подтверждение в период независимости. Курды в арабских государствах подвергались культурной дискриминации, они испытывали проблемы с легализацией своего языка и традиций, но практически не могли объединиться в борьбе за свои права. Курдские лидеры не смогли найти иностранную поддержку в своей борьбе за автономию на конференциях по окончании Второй Мировой Войны, и в результате курдское сообщество политически интегрировалось в новое сирийское государство в составе нескольких партий¹¹⁰. Адиб аш-Шишакли был курдом по национальности, но идейным сторонником панарабизма. Коммунистическую партию Сирии возглавлял курд Халед Багдаш, в целом эта партия считалась «курдской», но фактически оставалась коммунистической. В 1947 году была создана Курдская Демократическая партия Сирии, которая была призвана отстаивать интересы сообщества, но она так и не смогла стать значимой силой в сирийском обществе.

Алавиты продолжали свои попытки интеграции в области религии и искали поддержки авторитетных религиозных институтов¹¹¹. В 1947 году алавитами заинтересовался аятолла Мухсин аль-Хаким из Неджефа, им было предложено отправить учеников для получения религиозного образования. В 1948 году 12 студентов отправились в Неджеф, но 9 вскоре вернулись обратно. Имамита Неджефа проводили над алавитами обряды очищения и открыто называли их язычниками, лидеры алавитов оказались совершенно не удовлетворены этой поездкой. В 1956 году алавитами заинтересовались уже сунниты из каирского университета аль-Азхар, однако они не встретили энтузиазма. В целом успехи в интеграции алавитов в мусульманский мир

¹¹⁰ Tejel J. Syria's Kurds. History, politics and society. Routledge, 2009. P. 42-49.

¹¹¹ Сведения о религиозной реформе у алавитов приводятся по Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism. URL: <http://martinkramer.org/sandbox/reader/archives/syria-alawis-and-shiism/> (дата обращения 27.08.2018).

оказались в этот период невелики, но следует отметить учреждение шиитами Ливана в Латтакии общества «Джафари», которое организовало преподавание юриспруденции джафаритского мазхаба. В 1952 году оно было официально признано властями, что позволило вернуть алавитам собственные суды, которые были упразднены после ухода французов.

Религиозную интеграцию можно назвать стратегической целью алавитов как сообщества, но реальная интеграция гораздо успешнее развивалась в рамках государственных институтов. Алавиты оставались бедным крестьянским сообществом и государственная карьера, в основном, в армии, была для них практически единственной возможностью для самореализации. В сирийской армии вплоть до 1964 года существовала возможность откупиться от службы в армии, но это было недешево – 500 фунтов были приемлемой платой для торговцев-суннитов, желавших оставить детей в семье для продолжения бизнеса, но составляли весь доход алавитской крестьянской семьи за 2 урожайных года¹¹². Это было одной из причин, по которым военная карьера и обучение в Военной Академии пользовались большой популярностью у алавитов, что в дальнейшем привело к формированию влиятельных неформальных групп алавитов среди офицерства, захвативших власть после баасистской революции. Как самостоятельное сообщество алавиты практически перестали фигурировать в сирийском обществе, хотя неофициально их влияние в дальнейшем возросло.

Также исчезли и «народы книги» - христиане и евреи. Остатки еврейского сообщества были практически уничтожены в ходе погромов 1947 года после раздела Палестины. Только в Алеппо, с еврейской общиной, существовавшей на протяжении 2,5 тысяч лет и насчитывавшей от 6 до 7 тысяч евреев, были разрушены 150 домов, 5 магазинов и 10 синагог¹¹³. К 1994 году в Сирии осталось около 300 евреев, синагога Алеппо опустела, а

¹¹² Batatu H. Some observations on the social roots of Syria's ruling military group and the causes of its dominance // The Middle East Journal, 1981, Vol. 35, №3. P. 343.

¹¹³ Bard M. Jews of Syria. Jewish Virtual Library, 2013. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/anti-semitism/syrianjews.html> (дата обращения 27.08.2018).

раввин приезжает раз в месяц из Турции, чтобы население могло пополнить запасы кошерных продуктов. Положение христиан, напротив, улучшилось, так как после ухода французов сошли на нет обвинения их в пособничестве колониальным державам. Можно сказать, что почва для межконфессионального конфликта исчезла, так как христиане демонстрировали лояльность существующей власти в обмен на невмешательство во внутренние дела сообщества. Их вестернизация вызывала серьезное раздражение консервативных суннитов, но после эвакуации французов христиане стали перенимать арабский быт. Они продолжили свой путь слияния с арабским большинством и неожиданно солидаризировались с арабами в их борьбе против евреев. Христиане воевали на стороне арабских войск в арабо-израильских войнах, поддерживали бойкот еврейского бизнеса в Сирии.

В итоге можно сказать, что Сирия стала стремительно трансформироваться из мозаики этноконфессиональных сообществ и племенных территорий в единое национальное государство на основе суннитского арабского населения. Однако модернизация пошла еще дальше. Арабы-сунниты уже не представляли собой ряд солидаризированных сообществ во главе с городскими торговыми и землевладельческими элитами. Национальный блок, бывший доминирующей политической силой, распался в 1947 году на две части – Национальная партия Шукри аль-Куватли из Дамаска и Народная партия Хашима аль-Атасси из Алеппо¹¹⁴. Однако обе они были партиями старого типа: они были организованы крупными торговцами и землевладельцами и построены на клиентских связях. Их избирателями были экономически зависимые от патронов крестьяне, наемные работники, мелкие торговцы, которые голосовали за партийных лидеров в директивном порядке. Это позволяло рекрутировать избирателей даже при полном отсутствии реальной поддержки с их стороны, так как лендлорды имели серьезный и легальный инструментарий для

¹¹⁴ Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. Routledge, 2002. P. 22-23.

репрессий в отношении недовольных¹¹⁵. Но если обратиться к демографической ситуации, то слабость этой системы становится очевидной. В 1937 году население Сирии составляло 2 млн. 358 тыс. человек, в 1950 – 3 млн. 252 тыс., в 1960 – 4 млн. 565 тыс.¹¹⁶ Население увеличивалось примерно на 40% каждые 10 лет вплоть до 1990х годов, удваиваясь каждые 20 лет, что создавало колоссальное демографическое давление, естественно, преимущественно в бедных слоях. Между тем, площадь обрабатываемой земли в Сирии достигла своего пика еще в период династии Аббасидов (5 млн. гектаров), а к началу XX века сократилась до 1,5 млн. гектаров¹¹⁷. Совершенно очевидно, что консервативная клиентская система крупных землевладельцев не могла переварить такой поток новых «клиентов», оставляя их без земли и работы, то есть без контроля. Первый военный переворот в Сирии случился в 1949 году, всего через 3 года после получения независимости, у него были свои объективные причины, но даже без них, без появления Израиля, без проигранной войны, эта система была обречена.

Взрывной демографический рост можно назвать главным объективным фактором нестабильности сирийского государства, он кардинально трансформировал сирийское общество.

В исследовательской литературе есть отдельное направление исследований, посвященное аграрной реформе в Сирии. Действительно, количество сельской бедноты постоянно росло делая этот вопрос наиболее актуальным в середине 20 века: 2% населения получали около 50% доходов, 18% населения – 25%, а остальные 80% мелких крестьян и наемных работников оставшиеся 25%¹¹⁸. В 1950 году крестьяне Хомса начали открытую войну против землевладельцев под руководством Акрама Хаурани, так как ситуация в этом регионе была наиболее острой: четыре семьи – Базари, Тайфур, Азм и Кайлани, - контролировали практически все из 110

¹¹⁵ Ibid. P. 22.

¹¹⁶ Winkler O. Demographic Developments and Population Policies in Ba'thist Syria. Sussex Academic Press, 1998. P. 184.

¹¹⁷ Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. Routledge, 2002. P. 16.

¹¹⁸ Ibid. P. 20.

деревень вокруг города¹¹⁹. В 1951 году в Алеппо собрался всесирийский крестьянский конгресс и прошла первая массовая демонстрация в 20000 человек. Естественно, клиентские партии были неспособны контролировать массовый протест бедноты, они были принципиально не готовы к массовой политике. Однако здесь также следует отметить личность самого Акрама Хаурани, который возглавил крестьянские протесты. Будучи выходцем из семьи мелкого торговца, он, с одной стороны, состоял в Национальном блоке в период французского мандата. Получив юридическое образование в Бейруте и Дамаске, он вышел из состава Блока в 1946 году и основал Арабскую социалистическую партию. По сути, он уже не был частью землевладельческой элиты или ее клиентуры. Он был членом нового образованного среднего класса – юристов, врачей, учителей, - которых можно найти среди основателей и членов новых партий Сирии этого периода. Халед Багдаш, лидер Компартии Сирии, также как и Хаурани учился в университете Дамаска, на юридическом факультете. Основатели партии БААС, Мишель Афляк и Салах-ад-Дин Битар, получили образование в Сорбонне, были учителями и также выходцами из мелких торговых семей. Все они были сторонниками левых идей, которые стремительно распространялись среди нового среднего класса. Все лидирующие партии Сирии этого периода – Баас, Коммунистическая партия, Арабская социалистическая партия, Сирийская социал-национальная партия – были левыми, настроенными на радикальные социальные преобразования, так как в условиях постоянного демографического давления других там появиться и не могло. Старая землевладельческая элита еще некоторое время сохраняла контроль над политическими институтами, но контроль над обществом она вскоре полностью утратила, что хорошо показывает борьба за аграрную реформу. В 1957 году, через 10 лет после получения независимости, левые партии стремились провести через парламент Билль о земельной реформе в

¹¹⁹ Heydemann S. Authoritarianism in Syria: Institutions and social conflict, 1946-1970. Cornell University Press, 1999. P. 66.

пользу крестьян. Землевладельцы все еще контролировали большинство мест в парламенте, поэтому 106 из 144 депутатов покинули сессию в знак протеста, однако оставшиеся 38 приняли закон почти единогласно¹²⁰. Это отражает ситуацию постоянного неразрешимого политического кризиса, заставившего сирийскую элиту требовать союза с Египтом в 1958 году на любых, невыгодных условиях, так как самостоятельно эта система существовать уже не могла¹²¹.

Еще одним следствием стремительного демографического роста в Сирии было изменение роли государства. Рост населения требовал соответствующего роста государственного аппарата; если раньше государство было выразителем интересов крупного бизнеса и землевладельцев, то теперь оно становилось крупнейшим работодателем и самостоятельной силой. В 1939 году в Сирии было 6782 государственных служащих, в 1945 – 10044, в 1952 - уже 20862 человека¹²². Также росли непосредственно связанные с государством структуры. Так в Сирии росло профсоюзное движение, профсоюзы финансировались государством и фактически были ему подконтрольны: с 1951 по 1958 год количество профсоюзов увеличилось с 182 до 304, а количество их членов с 27703 до 45602 человек¹²³. В сочетании с распространением социалистических идей такой экстенсивный рост государства вел к превращению его в основной

¹²⁰ Heydemann S. *Authoritarianism in Syria: Institutions and social conflict, 1946-1970*. Cornell University Press, 1999. P. 79.

¹²¹ Исследователи этого периода приводят целый ряд объективных причин, по которым союз с Египтом состоялся: харизма президента Насера, его удачная политика позволившая развить экономику Египта и отобрать Суэцкий канал у «колониалистов» на пике популярности идеи арабского единства дала ему огромную поддержку и о создании единого арабского государства в скором времени говорили совершенно серьезно. Тем не менее, важен контекст, в котором было принято решение о создании союзного государства. С точки зрения сирийцев это решение было практически полностью результатом внутренней политики. Оно было принято военными, сторонниками левых партий и противниками земельной аристократии, которые под конвоем отправили политических лидеров в Каир с ультиматумом добиться союза любой ценой. Оно было конъюнктурным, так как левые партии решили использовать этот союз, использовать популярность Насера, чтобы легитимно отстранить от власти своих противников, о чем в своих воспоминаниях говорит автор этого решения, начальник сирийского Генерального штаба Афиф аль-Бизри. Та спешка и напор, с которым сирийцы требовали от Насера создания союзного государства, говорит о том, что именно внутренние проблемы Сирии были главной его причиной. Подробнее: Dawisha A. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From triumph to despair*. Princeton University Press, 2003. P. 195-196.

¹²² Heydemann S. *Authoritarianism in Syria: Institutions and social conflict, 1946-1970*. Cornell University Press, 1999. P. 60.

¹²³ Ibid. P. 63

двигатель преобразований, неизбежному появлению масштабных государственных проектов, ставящих своей целью экономическую и социальную трансформацию. Конечно, масштаб Сирии не соответствовал социальным преобразованиям Советского Союза, стремившегося с нуля создать новое общество, но игнорировать идеологическую роль государства также было бы неверно. Тем не менее, следует отметить, что население за такой же период увеличилось более чем на 1 млн. человек, что отражает ситуацию постоянного догоняющего развития, в которой находилось государство: в сельском хозяйстве, медицине, образовании наблюдался постоянный дефицит квалифицированных специалистов. В 1965 году в Сирии было около 400 агрономов, в 1977 – 3000, но требовалось все равно вдвое больше¹²⁴.

Таким образом, сирийское общество стремительно становилось массовым, что требовало соответствующих изменений во всех сферах жизни – массовой политики, средств массовой информации, всеобщего образования и медицины. В том же направлении трансформировались и социальные конфликты – в обществе росли классы и классовые конфликты, шедшие на смену этническим и религиозным. Существовал постоянный запрос на реформы, генерировавший постоянную социальную нестабильность, становившуюся причиной многочисленных государственных переворотов. Старые политические и государственные структуры не могли дать ответа на этот запрос, и общество искало силы, которые могли бы привести социальную, экономическую и государственную структуру в соответствие с новыми реалиями.

¹²⁴ Hinnebusch R. Bureaucracy and Development in Syria: The case of Agriculture // Journal of Asian and African Studies. 1989. Vol. 24. P. 87.

2.2. Баасистский переворот – насаждение арабского национализма.

Идеологии были главным инструментом управления массовым обществом в 20 веке. Как уже отмечалось, в связи с резким демографическим ростом и обострившимся классовым конфликтом, доминирующие партии Сирии были исключительно левыми. Что всегда отличало левые партии в их взглядах на социальное устройство – это вера в человека, вера в справедливое государство и вера в прогресс.

Сирия не была исключением: чтобы почувствовать атмосферу этого времени можно обратиться к фильмам известного сирийского документалиста Омара Амиралая, например, к его работе «Жизнь сирийской деревни» (1974 г.)¹²⁵. Фильм показывает жизнь в провинции Дейр-эз-Зор, большую часть которой занимает пустыня, делая традиционное сельское хозяйство малоэффективным. Фильм построен на контрасте традиционного бедного крестьянского уклада и тех изменений, которые несут новые технологии и социальное государство. Кадры быта кочевников и мелких крестьян чередуются с интервью учителей, врачей и чиновников, которые рассказывают о развитии медицины, образования и технологических улучшениях жизни крестьян. Акцент делается на школьные уроки, где прилично одетые учителя обучают бедных сельских детей, воспитывая из них, буквально, «новых людей». Лейтмотивом фильма служат кадры работы двигателя, размеренный стук которого создает ощущение необратимости скорых перемен, которые смогут перемолоть традиционность и отсталость деревни.

Будучи левыми, сирийские партии также в основном были и националистическими. Все они существовали в парадигме арабского национализма, которая уже была рассмотрена в предыдущей главе. События сороковых и пятидесятих годов сделали арабский национализм наиболее

¹²⁵ Amiralay O. Everyday life in Syrian village. 1974. URL: https://youtu.be/80pK1u40u_Y (дата обращения 27.08.2018).

популярной идеологией региона. Британские территории, Ирак и Египет, получили формальную независимость ранее, в 1930х, в то время как в 1940х начался распад колониальной системы в арабском мире, независимость получили Сирия, Ливан, Иордания, англичане отказались от мандата над Палестиной, чуть позже – Ливия, Тунис, Марокко. В 1945 году была создана Лига Арабских Государств, а появление Израиля сплотило арабов в борьбе с общим противником. Успехи египетского президента Насера в борьбе против колониалистов, успешная национализация Суэцкого канала в результате войны 1956 года, сделали мечту о создании единого арабского государства практически реализованной, когда в 1958 году появилась Объединенная Арабская Республика в составе Египта, Сирии и Йемена. Однако арабский национализм – это не тот национализм, о котором пойдет речь в этой главе.

В 1983 году вышла работа Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества», посвященная национализму. Подход Андерсона интересен тем, что он рассматривает национализм не как идеологию, а как форму организации людей в условиях массового общества. Ключевой проблемой для Андерсона является самоидентификация людей в больших сообществах, где связи между ними становятся иллюзорными, «воображаемыми». Для него все сообщества крупнее деревенской общины или квартала являются воображаемыми, так как люди не имеют личных и родственных связей между собой. Таким образом, самоидентификация производится на основе воображаемых связей - общности языка и культуры, экономических интересов. Нация в этом контексте отличается от других сообществ только стилем воображения: нация воображает себя территориально ограниченным, суверенным сообществом, что тесно сближает ее с государством¹²⁶. Нация для Андерсона является продуктом массового общества, так как для нее характерно унифицированное пространство. Национальное пространство состоит из «типичных» объектов – типичных больниц, типичных школ, типичных тюрем; объекты не обладают собственной уникальностью, но

¹²⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 32.

уникальны для данного сообщества, отличая его от других сообществ¹²⁷. Ключевым звеном, связывающим национальное сообщество, для Андерсона являются средства массовой информации. Они тиражируют стандартизированную информацию, образуя поле общего знания для большинства членов национального сообщества. Андерсон представляет ежедневное чтение утренней газеты как ритуал приобщения к коллективному бессознательному; за этим ритуалом стоит целая система школьного образования, которая порождает феномен всеобщей грамотности, без которой чтение газет невозможно, а также создает общее знание на основе стандартизированной школьной программы, которая делает информацию, распространяемую через газеты, социально приемлемой в рамках культурного кода¹²⁸. Таким образом, ценность работы Андерсона состоит в том, что он описывает не столько нации, сколько пути и методы формирования массовых сообществ.

Возвращаясь к фильму *Амиралая*, описанному выше, можно найти именно такое стандартизированное массовое пространство. Врачи, учителя и чиновники здесь мыслят большими числами. Им нужно построить множество стандартных больниц и школ, поставить множество стандартных тракторов для того, чтобы обеспечить благополучие множества стандартных людей. Все они говорят на сирийском диалекте арабского языка, читают сирийские газеты и слушают сирийское радио, все они живут в территориально ограниченном, суверенном сообществе – Сирийской Арабской Республике. Значит ли это, что они образуют сирийскую нацию?

8 марта 1963 года в результате военного переворота к власти пришла Партия арабского социалистического возрождения, Баас, которая до недавнего времени официально оставалась правящей партией Сирии. Она была создана в 1940 году христианином Мишелем Афляком и суннитом Салах-ад-Дином Битаром. На парламентских выборах 1949 года баасисты

¹²⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 53.

¹²⁸ Там же. С. 57.

получили только 1 место¹²⁹, но уже к 1954 году она стала одной из самых влиятельных партий Сирии, заняв второе место на парламентских выборах; она получила 22 из 142 мест, оставив позади Национальную партию, принадлежавшую элите Дамаска¹³⁰. Причиной ее успеха была ее идеологическая платформа - арабский социализм. Баасисты выступали за равенство арабов вне зависимости от религиозной принадлежности, они считали ислам основой общего культурного наследия, однако не отвергали арабов других конфессий. Это делало партию популярной среди сирийских меньшинств: христиане, алавиты, друзы, исмаилиты были этническими арабами, но подвергались дискриминации именно из-за конфессиональных различий. Партия пропагандировала социализм, что делало ее популярной среди крестьян и рабочих, которые все острее чувствовали классовые противоречия со старой элитой. Партия также выступала за арабское единство, что делало ее привлекательной на подъеме панарабизма. Можно сказать, что ключом к успеху было сочетание всех трех перечисленных компонентов, так как другие партии с похожими программами, например, рассмотренная в предыдущей главе Сирийская социал-национальная партия, пользовались меньшим успехом, получив от 1 до 4 мест в парламенте на выборах 1954 года.

Баас была радикальной реформистской партией, именно баасисты были одними из главных сторонников союза Сирии и Египта, так как считали Насера способным провести необходимые стране реформы¹³¹. После образования союзного государства, Афляк и Битар добровольно распустили Баас в соответствии с межгосударственным договором, обязывавшим ликвидировать все сирийские партии. Однако стиль управления Насера, превратившего Сирию в египетскую колонию, не соответствовал их

¹²⁹ Olson R. The Ba'ath and Syria, 1947-1982: The evolution of Ideology, party and state from the French mandate to the era of Hafiz al Asad. Kingston Press, 1982. P. 25.

¹³⁰ Grotz F., Hartmann C., Nohlen D. Elections in Asia: A data handbook. Volume I: Middle East. Central Asia and South Asia. Oxford University Press, 2001. P. 54.

¹³¹ Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From triumph to despair. Princeton University Press, 2003. P. 194, 222.

ожиданиям и уже в 1959 году баасистские лидеры вышли из состава правительства, став одними из главных критиков Насера¹³². После распада союзного государства, Афляк и Битар восстановили партию, но большинство старых членов были потеряны, они не приняли поспешного объединения с Египтом и внезапного роспуска партии. Новые члены партии были в среднем на 20 лет моложе поколения основателей. Они были более политизированы и сосредоточены на социализме, нежели панарбизме. Спешный набор партии обусловил доминирование военных в высшем эшелоне и приток крестьян в низший эшелон, что сделало партию более милитаризованной и радикально социалистической¹³³. Попытки старой элиты вернуть власть после распада ОАР спровоцировали партию на военный переворот, и это молодое поколение получило в свои руки все те рычаги формирования нации, о которых писал Андерсон – всеобщее образование, средства массовой информации и растущие государственные институты. Вопрос в том, как они их использовали.

Реформы баасистов были всеобъемлющи. Сами они считали себя марксистами, поэтому масштаб реформ отчасти напоминал советский военный коммунизм¹³⁴. Одной из первых мер стала тотальная национализация экономики. В 1964-66 годах вышел ряд декретов (№№ 46, 35, 36, 76, 24, 57, 77, 84 и 88), согласно которым было национализировано около трех четвертей всего сирийского бизнеса и вся банковская система, введена государственная монополия на внешнюю торговлю и трансграничные финансовые операции¹³⁵. Новые баасисты действовали в полном соответствии с конституцией партии, принятой еще в 1947 году, они стремились к национализации всей ресурсной базы страны, вводили рабочий контроль на предприятиях, а также продвигали крестьянские кооперативы

¹³² Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From triumph to despair. Princeton University Press, 2003. P. 222.

¹³³ Devlin J. The Baath party: Rise and metamorphosis // The American historical review. 1991. Vol. 96, №5. P. 1401-1402.

¹³⁴ Seale P. Asad: The Struggle for the Middle East. University of California Press, 1989. P. 80.

¹³⁵ Olson R. The Ba'ath and Syria, 1947-1982: The evolution of Ideology, party and state from the French mandate to the era of Hafiz al Asad. Kingston Press, 1982. P. 92.

вместо крупного землевладения¹³⁶. Следует отметить, что хотя программа партии была написана ее основателями, сами Афляк и Битар были против столь революционных реформ, но уже к 1966 году их фактически отстранили от руководства¹³⁷.

Экономические реформы были только частью программы необаасистов, они стремились к культурной трансформации страны. В 1966 году была опубликована статья офицера Ибрагима Халаса «Пути создания нового Араба», в которой он призывал отвергнуть идолов старого общества – «Бога, религию, феодализм, капитализм и колониализм» - которых он назвал мумиями в музее истории. Агрессивный атеизм стал одной из основ нового режима, и данная статья вызвала тридцатитысячные протесты под руководством религиозных лидеров в Дамаске, в которых участвовали, в том числе, христиане¹³⁸. По мере развития реформ необаасисты все активнее продвигали вместо арабского единства арабскую революцию, создание «новых арабов», в которой важную роль должна была сыграть образовательная система. На Шестом Национальном конгрессе партии в 1963 году был заявлен полный отказ от религиозного образования в школах, но добиться этого не удалось из-за агрессивного противодействия сирийских мусульман. В 1967 году Сирия подписала соглашение Арабского культурного единства вместе с Египтом и Иорданией, в результате которого была создана общая образовательная система. На тот момент в стране не было единого образовательного стандарта. Помимо государственных школ, существовало около 300 частных христианских школ и около 75 мусульманских, также существовали медресе при мечетях. В 1967 году все школы были национализированы, была введена трехуровневая система общего среднего и высшего образования, в основу которой легли египетские

¹³⁶ The constitution of the Ba'ath Arab Socialist Party: Economy. Articles 29-32. 1947. URL: <https://web.archive.org/web/20050207032430/http://baath-party.org:80/eng/constitution5.htm> (дата обращения 27.08.2018).

¹³⁷ Khatib L. Islamic revivalism in Syria: The rise and fall of ba'athist secularism in Syria. Routledge, 2011. P.42.

¹³⁸ Ibid. P. 54.

образовательные стандарты. Несмотря на скоротечность баасистских реформ, этот ход позволил сохранить достижения революции на десятилетия.

2.3. Хафез Асад. Период реакции и формирование устойчивой этноконфессиональной политики.

Радикальные реформы баасистов, естественно, вызвали негативный ответ, даже раскол в обществе. Крупные демонстрации против режима происходили ежегодно в 1963-1967 годах, наибольшую активность проявляли бывшие промышленники, землевладельцы и религиозные лидеры. В то же время, по сообщениям американского посольства, демонстрация в поддержку нового курса в годовщину революции 1965 года собрала больше людей, чем при визите Насера в период создания Объединенной Арабской республики, что говорит о крайне высоком уровне поддержки общества¹³⁹.

С одной стороны, баасистам действительно удалось выстроить новую работающую социальную систему. Раймонд Хиннебуш в своей работе «Revolution from above» показывает, как баасисты расширяли свою социальную базу¹⁴⁰. Он считает, что главной опорой режима были большие семьи низкого и среднего достатка, торговые и крестьянские. Члены таких семей не занимались только одним видом деятельности. Земли на всех не хватало, и из нескольких братьев один мог заняться обработкой надела, другой – получить ставшее доступным образование и пойти на госслужбу, а третий – устроиться на фабрику или открыть небольшой бизнес¹⁴¹. Этот новый средний класс объединял все социальные группы – крестьян, рабочих, мелких торговцев, врачей, учителей, чиновников – вне зависимости от их религиозной принадлежности, причем связь на семейном уровне была традиционна для Ближнего Востока. Такие кроссотраслевые связи подкреплялись активным строительством государственных институтов - от

¹³⁹ Heydemann S. Authoritarianism in Syria: Institutions and social conflict, 1946-1970. Cornell University Press, 1999. P. 191.

¹⁴⁰ Hinnibusch R. Syria: Revolution from above. Routledge, 2002. P. 52-54.

¹⁴¹ Ibid. P. 54.

простого увеличения количества чиновников до создания всевозможных объединений и профсоюзов, женских, рабочих, студенческих. Социальное государство, как уже отмечалось, становилось главным работодателем и гарантом успеха для этого нового среднего класса. Количество государственных служащих возросло с 22 тыс. в 1950х, до 250 тыс. в 1970х (без учета армии), условно, каждый седьмой сириец работал на государство¹⁴². Эта система также имела простой и рабочий социальный лифт – образование. Между 1964 и 1977 годом количество учителей удвоилось, процент населения, получающего среднее образование, поднялся с 58 до 85%, количество студентов возросло с 25 тыс. до 139 тыс., причем 41% из них были из сельской местности¹⁴³.

С другой стороны, резкие реформы не могли не вызвать противодействия, как внутреннего, так и внешнего. Агрессивный секуляризм баасистов настроил против них мусульманское духовенство, имевшее свою социальную базу преимущественно в торговой среде. Как уже упоминалось, улемы собирали многотысячные демонстрации, несмотря на жесткое противодействие баасистского офицерства. В результате беспорядков весны 1967 года, было арестовано более 3000 человек, включая мусульманское и христианское духовенство, крупных бизнесменов и землевладельцев, был арестован популярный шейх Хасан Хабаннака и еще около 40 религиозных лидеров¹⁴⁴. Рост мусульманской оппозиции поддерживали торговцы Дамаска и Алеппо, которые закрывали свои магазины и выводили деньги из страны, в этот период контрабандой было выведено более 1 млрд. сирийских лир¹⁴⁵.

1967 год стал поворотным для Сирии и баасистов в результате поражения в Шестидневной войне. В экономике Сирия была вынуждена опираться на спонсорскую помощь, которую оказывали одновременно

¹⁴² Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. Routledge, 2002. P. 53.

¹⁴³ Ibid. P. 52.

¹⁴⁴ Bar-siman-tov Y. Linkage Politics in the Middle East: Syria between domestic and external conflict, 1961-1970. Westview Press, 1983. P. 159.

¹⁴⁵ Olson R. The Ba'ath and Syria, 1947-1982: The evolution of Ideology, party and state from the French mandate to the era of Hafiz al Asad. Kingston Press, 1982. P. 92.

Советский союз и страны Персидского залива. Спонсоры были недовольны поражением и требовали стабилизации Сирии. Однако радикальное правительство, несмотря на стагнацию в экономике, незавершенную аграрную реформу, конфликт с мусульманским духовенством и торговыми кругами, считало Сирию факелом панарабского движения и строило планы по экспорту революции, оказывая поддержку Организации освобождения Палестины. Сирийское руководство раскололось в отношении планов стратегического развития. Радикальная гражданская фракция под руководством Салаха Джадида настаивала на продолжении агрессивных реформ, в то время как умеренная группа баасистского офицерства под руководством Хафеза Асада считала необходимым сконцентрироваться на решении экономических проблем в ущерб революционной трансформации общества и поддержке панарабского движения. В 1970 году радикальное правительство попыталось совершить интервенцию в Иорданию в поддержку Организации освобождения Палестины, которое пыталось свергнуть короля Хусейна. Военные не подчинились и организовали переворот, отстранив от власти фракцию Джадида. Хафез Асад стал президентом Сирии и объявил о начале Коррекционного движения, которое фактически окончило баасистскую революцию.

Коррекционное движение не является какой-либо идеологической доктриной, его суть состояла в ликвидации проблем, накопившихся за короткий период интенсивных баасистских реформ. Оно никогда не было формализовано в виде какой-либо программы, поэтому его суть, как и проблемы, которые оно должно было решить, наиболее наглядно проявляется на конкретных примерах.

Одним из наиболее показательных примеров влияния резкой политической и экономической трансформации Сирии на повседневную жизнь можно найти в истории бедуинского сообщества. Панарабисты и сирийское государство в целом уже с момента получения независимости видели угрозу в автономии бедуинского сообщества, бедуинов стремились

привести к оседлости и включить в новое государство на общих правах. В 1950х государство предприняло ряд мер, поощрявших переход бедуинов к земледелию. В результате роста населения и государственных программ освоения сирийской пустыни, а также появления большого количества сельскохозяйственной техники, плодородные земли в их традиционных кочевьях стали подвергаться эрозии, поставив выживание бедуинов под угрозу¹⁴⁶. Ситуация осложнялась по мере роста популярности новых левых партий, которые считали племенной строй пережитком прошлого, а племенных шейхов эксплуататорами и крупными землевладельцами. В частности, партия Баас считала нomaдизм примитивной формой социальной организации, которая парализует часть арабской нации, о чем было записано в отдельной статье партийной конституции¹⁴⁷. Атака на бедуинов началась еще при Насере, который после образования ОАР в 1958 году отменил все законы об особом статусе племен, ликвидировав все привилегии бедуинов вроде права на ношение оружия или особого Племенного Блока в сирийском парламенте, и убрал бедуинов как отдельное сообщество из правового поля. Насер считал необходимым полностью реорганизовать землевладение в сирийской пустыне, но ему не хватило времени, зато после переворота 1963 года баасисты занялись землевладением с удвоенной активностью. К 1970 в сирийской пустыне было экспроприировано 1,5 млн. гектаров земель, большей частью у племенных шейхов, которые попали в заключение или покинули Сирию¹⁴⁸. Усиленное внедрение оседлого земледелия, сельскохозяйственной техники, программа по рытью колодцев, не смогли

¹⁴⁶ В 1935 году декрет №135 упразднил категорию «пустынных земель» и они были переведены в статус государственных, из которых государство выделяло до 50 гектаров для семей, переходящих к оседлости. Эта тенденция поддерживалась распространением договоров о разделе урожая, которые заключали с племенами бизнесмены для аренды их земель под сельскохозяйственную деятельность. В результате резкого роста эксплуатации плодородной земли к 1960м годам в Сирийской пустыне наступила многолетняя засуха, поголовье верблюдов сократилось на 80%, овец на 50%. Подробнее: Dawn Ch., "Bedouins in contemporary Syria: The persistence of tribal authority and control", The Middle East Journal, vol. 64, 2010, p.40.

¹⁴⁷ The constitution of the Baath Arab Socialist Party: Social Policy. Article 43. 1947. URL: <https://web.archive.org/web/20050207033333/http://baath-party.org:80/eng/constitution6.htm> (дата обращения 27.08.2018).

¹⁴⁸ Chatty D. Bedouins in contemporary Syria: The persistence of tribal authority and control // The Middle East Journal. 2010. Vol. 64, №1. P. 39.

оживить пустынные земли, и к 1968 году баасистские проекты по реорганизации Сирийской пустыни были признаны провальными. Food and Agricultural Organization в составе ООН развернула программу по убеждению баасистского руководства отказаться от внедрения оседлого хозяйства в пустыне¹⁴⁹. Специалисты ООН призывали правительство вернуть традиционные бедуинские практики скотоводства, однако меры не были приняты до прихода Хафеза Асада. В 1970 начала реализовываться программа скотоводческих кооперативов, но фактически Асад вернул в пустыню племенной строй. Позиции глав кооперативов были выборными и государство закрыло глаза на выборы в состав руководства кооперативов старых племенных шейхов¹⁵⁰. Хафез Асад пригласил вернуться шейхов, находившихся в изгнании в Иордании и Саудовской Аравии. Однако нельзя сказать, что в пустыне ничего не изменилось: государство, так или иначе, инкорпорировало бедуинские племена в свою структуру вместо их уничтожения. Так в 1977 году Хафез Асад неофициально посылал своего советника в племя Хаддийун для урегулирования многолетней кровной вражды между крупными кланами. Позднее, в 1980 году, то же племя помогало войскам Асада подавить исламистское восстание в Хаме¹⁵¹.

Такой же паттерн резких реформ и частичного их отката можно найти и в истории других микросообществ Сирии. Так, например, армянское сообщество, относительно небольшое в Сирии, попало под репрессии насеристов в 1958 году¹⁵². Армян подозревали в сотрудничестве с западными государствами, проходили обыски, некоторые лидеры сообщества были арестованы. Первая волна национализаций при Насере также затронула армян, так как среди них было много состоятельных бизнесменов. При баасистах национализация стала лишь одной из целого комплекса мер против

¹⁴⁹ Van de Veen J. Report to the steppe Directorate: Grazing Trial, Wadi Al 'Azib Range and Sheep Experimental Station, 1963-1966. Rome: Food and Agriculture Organization, 1967.

¹⁵⁰ Chatty D. Bedouins in contemporary Syria: The persistence of tribal authority and control // The Middle East Journal. 2010. Vol. 64, №1. P. 42.

¹⁵¹ Ibid. P. 44.

¹⁵² Payaslian S. Diasporal subalternities: the Armenian community of Syria // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. 2007. Vol. 16. P. 112-113.

малых сообществ: армянские организации были обязаны принять арабские названия, армянские школы должны были следовать общей программе, изучать арабский язык в качестве основного, курс армянской истории был запрещен¹⁵³. Католикосу Киликии, иерарху сирийских армян, был запрещен въезд в Сирию за предполагаемые связи с иностранными державами. Однако после прихода Хафеза Асада подавление армянской идентичности было остановлено. Хотя системные меры, принятые баасистами, вроде запрета изучения армянского языка и истории, сохранялись, государство разрешило въезд армянскому духовенству и давало разрешения на постройку новых церквей и организацию религиозных праздников. Можно сказать, что отношения между государством и армянским сообществом перешли в режим ручного управления, где главным фактором была демонстрация лояльности лидеров сообщества, что создавало, по выражению исследователя Кристины Стивенс, «иллюзию социальной интеграции»¹⁵⁴.

Иллюзия социальной интеграции, тем не менее, была вполне реальной. Сирия Хафеза Асада, по выражению Раймонда Хиннебуша, это государство-консенсус¹⁵⁵. Резкие реформы баасистов не могли быть полностью реализованы в короткий период времени и вызвали раздражение большого числа различных групп и сообществ внутри Сирии, поэтому Хафез Асад был вынужден выстраивать рабочую государственную систему путем переговоров. Для этого он использовал ряд инструментов, которые можно разделить на инклюзивные и контролирующие.

С одной стороны, он создавал формальные и неформальные связи с экономическими и социальными группами. Если баасисты предпочитали массовую мобилизацию, например, крестьянские и рабочие организации, то Асад создавал площадки для диалога и неформальные альянсы. Так для связи с торговыми кругами была создана Торговая палата, через руководство

¹⁵³ Payaslian S. Diasporal subalternities: the Armenian community of Syria // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2007. Vol. 16. P. 113.

¹⁵⁴ Ibid. P. 115-116.

¹⁵⁵ Hinnebusch R. *Syria: Revolution from above*. Routledge, 2002. P. 77.

которой бизнесмены Алеппо и Дамаска могли продвигать свои интересы, однако крупный бизнес также имел личных патронов среди ближнего круга Асада, что в совокупности делало государственную монополию на внешнюю торговлю фикцией¹⁵⁶. Связь с торговцами Дамаска была особенно важной, так как спокойствие в столице было одним из ключевых факторов стабильности, поэтому Хафез Асад поставил во главе Торговой палаты Бадр-ад-Дина аш-Шалаха, который неформально представлял именно дамаский бизнес. Подобные клиентские связи устанавливались повсеместно. На примере армянского сообщества можно отметить связь с католикосом Киликии Карекином II, который как религиозный покровитель сообщества с большим уважением относился лично к Хафезу Асаду в ответ на поддержку армянской культуры¹⁵⁷. Для диалога с политической оппозицией – насеристами, коммунистами, арабскими националистами, – был создан Национальный прогрессивный фронт. На примере бедуинов можно отметить установление связи через закрепление отдельных государственных постов за представителями конкретных сообществ – так, бедуины обычно занимают руководящие позиции в Министерстве сельского хозяйства и Министерстве внутренних дел, что отражает их ключевую роль в контроле над Сирийской пустыней¹⁵⁸.

В качестве контролирующих органов обычно отмечается роль спецслужб, однако ключевую роль здесь также играли племенные и религиозные связи. Хафез Асад принадлежал к алавитскому сообществу, которое резко усилилось после баасистского переворота. Как уже отмечалось, высокую роль в партии Баас играло офицерство, а армия в предыдущие периоды подвергалась постоянным конфессиональным чисткам. Еще в период диктатуры Адиба Шишакли в результате конфликта с друзским сообществом из армии были уволены все друзы в звании старше полковника.

¹⁵⁶ Lawson F. *Demystifying Syria*. SAQI Books, 2009. P. 17.

¹⁵⁷ Payaslian S. *Diasporal subalternities: the Armenian community of Syria* // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2007. Vol. 16. P. 116.

¹⁵⁸ Chatty D. *Bedouins in contemporary Syria: The persistence of tribal authority and control* // *The Middle East Journal*. 2010. Vol. 64, №1. P. 44.

В 1956 году, в ходе расследования убийства заместителя начальника Генерального Штаба Аднана аль-Малики, баасиста, были репрессированы члены Сирийской социал-национальной партии. Большинство офицеров из ССНП были друзьями, в то время как 65% офицерского корпуса сирийской армии были алавитами, большая часть которых состояла в БААС¹⁵⁹. В 1961 репрессировали насеристов, большинство из которых были суннитами, на место насеристов пришли 700 офицеров алавитов¹⁶⁰. Отдельную роль сыграли чистки внутри партии Баас, в 1966 году радикалы отстранили от власти основателей Мишеля Афляка и Салах-ад-Дина Битара, которых поддерживали в основном сунниты. Таким образом, уже к 1967 году алавиты доминировали в сирийском руководстве и конфликт Салаха Джадида и Хафеза Асада можно рассматривать как внутригрупповой, как это делает, например, Наколас ван Дам, так как оба они были алавитами и представляли алавитские группировки в партии. После прихода Хафеза Асада за сирийским государством окончательно закрепилась репутация алавитского. Хотя в целом правящая группа включала в себя представителей различных конфессий, в частности большое количество суннитов, ключевые посты занимали родственники и соплеменники президента. Николас ван Дам показывает, как выстраивалась система алавитского контроля в армии. Хотя сунниты, друзья и выходцы из других сообществ могли занимать высокие командные позиции, их заместителями и офицерами среднего звена назначались алавиты. Например, начальником ВВС Сирии при Асаде, элиты сирийской армии, был суннит Наджи Джамиль, но командирами авиабаз были алавиты, поэтому использовать авиацию против правительства было невозможно¹⁶¹. Оборона Дамаска полностью находилась под контролем семьи президента. Племянник президента, Аднан Махлюф, командовал республиканской гвардией, братья президента, Аднан и Рифат, командовали

¹⁵⁹ Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. Routledge, 2002. P. 41.

¹⁶⁰ Ibid. P. 58-59.

¹⁶¹ van Dam N. The struggle for power in Syria: Sectarianism, Regionalism, and Tribalism in Politics, 1961-1978. Croom Helm Ltd., 1979. P. 89.

особыми формированиями Сарайя ас-Сира и Сарайа ад-Дифа, которые контролировали подходы к столице. Племенные и семейные связи давали высокую степень контроля, однако принципиально противоречили принципам партии Баас.

Таким образом, государственное строительство в период правления семьи Асада можно назвать реакционистским по отношению к баасистским реформам, однако это не отражает сущность процессов того времени. Хафез Асад вступил в партию Баас в средней школе и по своим убеждениям был панарабистом. Важно отметить, что, несмотря на возвращение государства к клиентизму и доминированию племенных и конфессиональных связей, он не разрушал достижений баасистов. В результате аграрной реформы земля не была возвращена крупным собственникам из старых элит, они не были реабилитированы. На примере армянского сообщества можно заметить, что, несмотря на облегчение давления на этнические и конфессиональные группы, тренд на их ассимиляцию был сохранен, арабский язык и государственное образование оставались для них обязательными. Асад сохранил доминирующую роль партии Баас и ее структуры массовой мобилизации, студенческие, рабочие и крестьянские союзы. Система бесплатного среднего и высшего образования оставалась рабочим социальным лифтом, несмотря на племенные и конфессиональные связи. Можно сказать, что социальная структура подверглась раздвоению. На высшем уровне клиентизм, племенные и конфессиональные связи играли критическую роль, в то время как на низших уровнях продолжала работать баасистская машина социальной трансформации, создававшая воображаемое национальное сообщество в описании Бенедикта Андерсона.

2.4. Система образования как ключевой элемент создания национального сообщества.

За 10 лет после переворота 1963 года Сирия прошла период интенсивных реформ. Часть достижений баасистов была отыграна назад,

конфессиональная и племенная идентичность, которую они стремились уничтожить, не была полностью вытеснена арабским национализмом, однако системы формирования «новых арабов» не были уничтожены. Как было отмечено в предыдущей части, Хафез Асад, добровольно и вынужденно, вернул конфессиональные и племенные связи в государственную структуру, но на низовых уровнях работали те механизмы, которые, по мнению Бенедикта Андерсона, формируют нацию. Ключевым из них являлась система образования, которая создает поле общего знания, именно его в дальнейшем развивают средства массовой информации. Обладая этим знанием, люди приобщаются к национальному сообществу и на его основе становится возможным обсуждение национального менталитета, национальных интересов, национальной идеи. В современном мире массовых сообществ функция воспитания переходит от семьи к государственной школе, вплоть до патриотического воспитания, которое по своей сути является самым наглядным примером «нациестроительства». Однако государственное воспитание и создание единого поля общих знаний само по себе не является залогом появления национального сообщества, это лишь инструмент, результат работы которого зависит от того, как его используют.

В сирийской системе образования можно выделить три наиболее важных предмета, которые показывают то направления развития общества, которое стремились придать ему баасисты – это патриотическое воспитание, религиозное воспитание, от которого так и не смогли отказаться, и национальная история.

Патриотическое воспитание, в целом, знакомит учеников с принципами арабского социализма, записанными в баасистской конституции. В 2000 году вышла работа Мейрава Вюрмсера, основанная на материалах учебников по патриотическому воспитанию, где он отмечает, что наиболее важной темой в баасистском воспитании является конфронтация с Израилем¹⁶². Отношения с

¹⁶² Wurmser M. The schools of Ba`athism: a study of Syrian schoolbooks. Middle East Media Research Institute, 2000.

Израилем, действительно, являются одной из значимых тем для сирийского общества, однако нельзя сказать, что она волнует простых сирийцев. Конфронтация с Израилем является одним из столпов большой политики Сирии, которая приобрела свое значение при Хафезе Асаде. Многие исследователи Сирии, например Раймонд Хиннебуш, отмечают, что ее экономика не является ни сбалансированной, ни самостоятельной. Среди доходов Сирии во второй половине 20 века выделяются два основных источника – торговля нефтью и внешнеэкономическая помощь союзников, СССР и стран Персидского залива. Важность этих факторов показывает ситуация конца 1980х годов, когда падение цены нефти в 2 раза с 35 до 17 долларов США совпало с падением помощи со стороны стран Залива с 1,5 млрд. долларов США до 500 миллионов в год: результатом стала долгосрочная стагнация экономики, падение зарплат и перманентный валютный кризис, заставившие режим Асада провести либерализацию торговли¹⁶³. Конфронтацию с Израилем в этом контексте можно назвать залогом валютных поступлений в страну, так как именно ее номинально оплачивали союзники. Однако сводить антиизраильскую пропаганду исключительно к финансовым вопросам было бы неверно, так как многие исследователи отмечают ее как один из важных источников легитимности режима Асада во внешней и внутренней политике. Тем не менее, на основе интервью с сирийскими беженцами в Москве и общения с информаторами в Сирии, можно сказать, что значение этого вопроса преувеличено. Сирийцы называют антиизраильскую риторику одной из самых топорных форм пропаганды режима Асада, так как она не подкреплена реальными действиями: последняя реальная конфронтация Сирии и Израиля произошла в 1973 году, после чего сирийское государство отказалось от прямых действий, перейдя в область вербального конфликта. Мейрав Вюрмсер

¹⁶³ Hinnebusch R. The Political Economy of Economic Liberalization in Syria // Journal of the Middle Eastern Studies. 1995. Vol. 27, №3. P. 312.

приводит подборку агрессивных текстов, рассказывающих молодым баасистам, почему нужно убивать евреев, но если обратиться к словам Хафеза Асада, то картина меняется. Российские ученые из Института Востоковедения РАН подготовили сборник речей президента, где антиизраильская риторика занимает ключевое место, но президент говорит уже о мирном урегулировании, которого не может достичь из-за агрессивного соседа¹⁶⁴. Такая непоследовательная и сложная позиция вызывает у населения отторжение. Помимо антиизраильской риторики, на которой концентрируется Вюрмсер, патриотическое воспитание, как уже отмечено, направлено на пропаганду баасистского арабского социализма, основные положения которого изложены в конституции партии¹⁶⁵. Три базовых принципа партии утверждают существование арабской родины, которая должна быть объединена в рамках единого государства, которое должно быть построено на либеральных принципах свободы слова, собраний и веры и равенства всех арабов. Также в статьях 1-13 изложены «основные» принципы партии, которые подчеркивают ее националистическую и социалистическую направленность. Обозначены границы арабской родины – Северная Африка в рамках пустыни Сахара, Ближний Восток от Средиземного моря до хребта Тавр и залива Басра. Национальной идеей арабской нации названо объединение арабов в рамках единого суверенного государства. Это полностью соответствует определению нации Бенедикта Андерсона, который отмечает, что нация, в отличие от религии, воображает себя территориально ограниченной, суверенной, независимой и свободной. За исключением того, что государства для этой нации не существует.

В курсе религиозного воспитания также наблюдается пропагандистский тренд, но он требует более подробного анализа.

¹⁶⁴ Ахмедов В.М., Исаев В.А., Филоник А.О. Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада. М., 2000.

¹⁶⁵ The constitution of the Ba'ath Arab Socialist Party. 1947. URL: <https://web.archive.org/web/20050203235613/http://baath-party.org:80/eng/constitution.htm> (дата обращения 27.08.2018).

Религиозное воспитание в национальных государствах обычно не является частью образовательной системы, так как одной из черт национальных сообществ является правовое равенство его членов, а религия остается в области конституционных свобод, но не обязанностей. Тем не менее, в арабских странах религиозное воспитание может являться частью обязательной школьной программы в силу дуализма идентичности арабов-мусульман, где исламская и арабская компоненты не всегда могут быть разделены. Как уже упоминалось, изначально партия Баас планировала полностью запретить религиозное образование в стране, но это так и не было реализовано. Ислам стал частью школьной программы, также был создан отдельный курс для сирийских христиан, который могли выбирать ученики-христиане; другие меньшинства своих курсов не получили, что уже говорит об общей направленности сирийского образования. Джошуа Лэндис, глава Центра ближневосточных исследований университета Оклахомы, проанализировал тексты сирийских религиозных учебников и пришел к выводам, что ислам, который преподают в сирийской школе – традиционный, ригидный и суннитский, что совершенно противоречит декларативному секуляризму партии Баас¹⁶⁶. В 1967 году Сирия вместе с Египтом и Иорданией подписали соглашение об Арабском Культурном Содружестве, которое унифицировало образовательные системы в этих странах. В результате, существенная часть школьных учебников в этих странах, в том числе религиозных, была создана на основе египетских. Сирия, в отличие от ортодоксального Египта, родины движения Братьев-мусульман, отличалась относительно высокой религиозной толерантностью, поэтому ортодоксальную школьную версию ислама можно считать навязанной, но ее закрепление и развитие не было простым совпадением, что показали дальнейшие действия сирийского руководства при Хафезе Асаде. Понятия «араб» и «мусульманин» в этих учебниках подаются как

¹⁶⁶ Landis J. Islamic education in Syria: Undoing secularism. Oklahoma University, 2003: <http://faculty-staff.ou.edu/L/Joshua.M.Landis-1/Islamic%20Education%20in%20Syria.htm> (дата обращения 27.08.2018).

идентичные друг другу. При этом арабы наделяются положительными качествами в доисламский период «по крови», Ислам же объединяет их и дает правильный путь; немусульмане могут воспринять пророчество, но никогда не превзойдут арабов в силу своего происхождения. Ислам и арабизм в текстах учебника являются едиными, что ведет к важным последствиям: Ислам в сирийских учебниках – это суннитский Ислам ханафитского мазхаба. Эта ветвь Ислама действительно является доминирующей в Сирии, однако там также представлены как сунниты и шииты, так и локальные секты – исмаилиты, алавиты и друзы. Упоминания об этих течениях в учебниках отсутствуют, как и о сирийцах в виде отдельной общности. Баасистская идеология объединяет всех арабов на основе общего культурного наследия и категорически осуждает любой фракционизм. Это могло быть реализовано через абстрактное изучение религии как социального феномена, что понижало бы статус религиозной идентичности, но на практике же доминирующая группа представляется единственно существующей, остальные игнорируются.

Это можно назвать официальной конфессиональной политикой Сирии периода Хафеза Асада. Реформы баасистов оказали слишком большое влияние на сирийский бизнес, который, будучи преимущественно суннитским, был тесно связан с мусульманским духовенством. Конфискации земель, национализации предприятий, агрессивный секуляризм сформировали в Сирии исламскую оппозицию, которая стала лавинообразно набирать популярность после прихода к власти еретика – алавиты Хафеза Асада. В Алеппо численность боевого крыла Братьев-мусульман с 1973 по 1978 года выросла в 10 раз до 7000, а по стране – до 30000, к началу 1980х годов режим столкнулся с восстанием радикальной вооруженной оппозиции¹⁶⁷. Исламистское восстание в Хаме в 1982 было подавлено армией при участии алавитских карательных отрядов под руководством брата президента Рифата, однако фактически противодействие исламистской

¹⁶⁷ Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. Routledge, 2002. P. 90.

угрозе было существенно более комплексным. Понимая проблему своей конфессиональной принадлежности, Хафез Асад еще с начала 1970х годов стремился легализовать религиозный статус алавитов, причем одновременно двумя путями. С одной стороны, он стремился сместить восприятие алавитов от ереси к легальной части исламского сообщества. При этом, конечной целью этой трансформации была отнюдь не легализация сообщества алавитов как части сирийских мусульман, но полное его слияние с сирийским мусульманским большинством – суннитами. В силу особенностей алавитских религиозных практик, описанных в первой главе, их отличие от суннитов было слишком велико, поэтому был продолен тренд на легализацию их как части шиитов-имамитов. В 1969 году Муса аль-Садр был назначен эмиссаром Верховного исламского совета шиитов в Ливане, и он вскоре сошелся с Хафезом Асадом, которому не хватало легитимности. Муса ас-Садр получал поддержку сирийцев в Ливане, в обмен же он формально брал ливанских алавитов под покровительство Верховного совета, что автоматически распространялось и на сирийских алавитов. Сделка была оформлена в Триполи в 1973 году церемонией возведения главы местных алавитов в ранг муфтия имамитов Триполи¹⁶⁸. Однако, это практически не оказало эффекта на растущее исламистское движение, поэтому Асад предпринял целый ряд мер для публичного уничтожения алавитской идентичности. Согласно конституции 1973 исламское право стало основой сирийского законодательства, а пост президента мог занимать только мусульманин¹⁶⁹. Одновременно, Хафез Асад и все алавитское сообщество стали работать на создание образа примерных мусульман. Вот как алавитка из Латакии, информатор Дж. Лэндиса, описывает их путь в суннитское сообщество: «Мусульмане приняли нас, потому что мы долго работали над этим. Мы скопировали суннитов. Некоторые алавитки покрывают голову и

¹⁶⁸ Сведения о реформе алавитской религиозной доктрины приводятся на основе работы Kramer M. Syria's Alawis and Shi'ism. URL: <http://martinkramer.org/sandbox/reader/archives/syria-alawis-and-shiism/> (дата обращения 27.08.2018).

¹⁶⁹ Khatib L. Islamic revivalism in Syria: The rise and fall of ba'athist secularism in Syria. Routledge, 2011. P. 65.

надевают хиджаб по собственным причинам или когда выходят за суннитов. Мы не едим свинину, а если и едим, то не на глазах у людей. Мы постимся или делаем вид, что постимся, по крайней мере; из уважения к другим людям мы не едим у них на глазах днем в Рамадан. Мы построили мечети в наших городах. Некоторые алавиты ходят на Пятничную молитву и совершают хадж. Мой дедушка был современным шейхом, он призывал всех молиться в мечети в Джебле. Благотворительный фонд, учрежденный Джамилем Асадом, помогает сотням алавитов отправиться в хадж, а женщины, которые работают в этой организации, должны носить хиджаб. Хафез Асад молился в мечети и постился. Когда умерли его мать и сын, он молился за них в мечети. Он построил мечеть Найса в Кардахе, своем родном городе, в честь своей матери. Все это показывает суннитам, что мы стараемся быть мусульманами, как и сунниты. Они принимают это. Мы преуспели»¹⁷⁰. С 1970х годов баасистский атеизм стал непублично подавляться, из библиотек и магазинов исчезли атеистические книги одного из основателей Баас, Заки аль-Арсузи, а писатели и журналисты, поддерживающие атеизм, были призваны уважать чувства верующих. В 1970-1990х годах государство активно строило новые мечети, создало более 20 учреждений высшего исламского образования и около 600 неофициальных религиозных обществ. Был учрежден Коранический университет имени Хафеза Асада, имевший 120 филиалов в Сирии, в котором работали исламские проповедники, назначаемые государством. На телевидении были организованы ежедневные трансляции чтения Корана и исламские телешоу, которые выходили в дневное и вечернее время, захватывая детскую аудиторию в перерывах между мультфильмами¹⁷¹. По сути, алавитский режим Асада возглавил исламскую пропаганду, но как показывает анализ учебников Дж. Лэндиса, этот ислам был особенным. Замалчивание различий между исламскими движениями и сектами, даже между официальными мазхабами, богословскими школами, было направлено

¹⁷⁰ Landis J. Islamic education in Syria: Undoing secularism. Oklahoma University, 2003: <http://faculty-staff.ou.edu/L/Joshua.M.Landis-1/Islamic%20Education%20in%20Syria.htm> (дата обращения 27.08.2018).

¹⁷¹ Khatib L. Islamic revivalism in Syria: The rise and fall of ba'athist secularism in Syria. Routledge, 2011. P. 98-99.

на создание государственной унифицированной религии, которую можно назвать частью национальной идентичности. И следует отметить, что такой подход, отказ от собственной идентичности, может подчеркивать идейный панарабизм Хафеза Асада: не имея возможности уничтожить религиозную идентичность пропагандой баасистского атеизма, он стремился трансформировать ее с все той же целью – стереть различия между членами арабской нации в Сирии.

Национальная история из трех рассматриваемых курсов является наиболее показательным индикатором национальной идентичности, так как она сочетает в себе пропагандистский вектор, указывающий заданные параметры формирования национального сообщества, с мифом о собственном происхождении, который является более древней, глубинной основой для таких сообществ. Среди подходов к изучению наций существует, в том числе и этносимволизм, рассматривающий нацию как реконструкцию врожденных форм этнической идентичности. В этом контексте, национальная история как миф о собственном происхождении должна показать исторические паттерны присущие сирийскому сообществу. Однако в случае Сирии мы также сталкиваемся с проблемами колониальной истории. Как пишет Марк Ферро в своей работе «Как рассказывают историю детям в разных странах мира»: «Зная прошлое, легче овладеть настоящим, придать законные основания власти, претензиям. Ведь именно господствующие структуры: государство, церковь, политические партии и группы, связанные частными интересами,— владеют средствами массовой информации и книгоизданием, финансируют их от выпуска школьных учебников или комиксов до кино или телевидения. Прошлое, которое они отпускают всем и каждому, становится все более и более единообразным. ... Все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т. е. конструируют

историю, противоположную той, что им навязывали прежде»¹⁷². Несмотря на древность Сирии, анализ сирийских учебников истории показывает, что в них больше от конструктивизма, чем от примордиализма.

Преподавание истории в Сирии ведется в средней и старшей школе, курс разбит на две части по 3 года. На обложке учебника 7 класса изображена Сирия, она показана небольшим государством, в современных границах. Однако если мы обратимся к содержанию этого и последующих учебников, то окажется, что они посвящены «ватан аль-араби» - арабской родине. Главы, посвященные непосредственно Сирии и государствам, находившимся на ее территории, занимают около 25% от общего объема материала. Курс начинается с истории халифата Омейядов. Ранняя история ислама и период праведных халифов принципиально отсутствуют в учебниках. С одной стороны, это объяснимо, так как традиционно этот период подробно рассматривается в рамках религиозного воспитания, однако нельзя не отметить принципиальное нежелание рассматривать вопросы, касающиеся религии, с исторической точки зрения.

Халифаты Омейядов и Аббасидов рассматриваются как расцвет арабской цивилизации, халифат Аббасидов назван «золотой эпохой»¹⁷³. Тексты учебников не отличаются большим количеством подробностей, количественных данных или таблиц. Повествование выдержано в духе «естественного» исторического процесса, в рамках которого Омейяды, Аббасиды и другие династии проходят период становления, расцвета и упадка в силу естественных причин, таких как управленческие ошибки или нападения врагов. Основное внимание уделяется династической истории, однако также отмечается «арабский характер» халифатов Омейядов и Аббасидов. Суть «арабского характера» не раскрывается. Отмечается, что государство Омейядов приобрело арабский характер, когда сделало арабский государственным языком и стало чеканить арабские деньги. В то же время,

¹⁷² Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. С.8-9.

¹⁷³ Тарих аль-хадарат. Китаб ат-талиби, ас-саф аль-ауаль ас-санауи. (История цивилизаций. Учебник 10 класса). Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. Р. 109.

подчеркивается, что государство Аббасидов «арабский характер» утратило, так как включило в себя большое количество неарабских национальностей и допустило их в государственный аппарат. Отмечается, что расширение на неарабские территории повредило государству¹⁷⁴, а утрата арабами руководства привела к его слабости¹⁷⁵. При этом национальность здесь является определяющей характеристикой, раскол мусульман на шиитов и суннитов игнорируется, эти термины принципиально отсутствуют в учебниках.

Османский период арабской истории назван «оккупацией» (ихтиляль), однако однозначного негатива этот термин не несет. Все захваты арабской родины называются оккупацией, однако мотивация представлена по-разному. В случае с османской империей – это естественное ослабление арабской родины. В учебнике 11 класса одна из глав посвящена освободительным движениям в Биляд аш-Шам, однако эти движения хоть и названы освободительными революциями (саурат истиклялия), но также именуются местными (махаллия), что по статусу ниже, чем ватания – по сути, они не национальные¹⁷⁶. В отношении же «колониалистов» и сионистов применяются негативные термины – жадность (атма`а) и заговор (та`амур)¹⁷⁷. Их мотивация является неестественной и злонамеренной. Также следует отметить, что в главах о Великом арабском восстании речь идет не о мобилизации арабов против турок в целом, а именно против правительства младотурок, чья деятельность действительно вызывала критическое недовольство в арабском мире¹⁷⁸.

¹⁷⁴ Тарих. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-сабаи. (История. Учебник 7 класса). Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. Р. 40.

¹⁷⁵ Там же. Р. 59.

¹⁷⁶ Тарих аль-алям аль-хадис аль-муасар. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-сани ас-санауи. (Мировая история древняя и современная. Учебник 11 класса). Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. Р. 66.

¹⁷⁷ Тарих аль-ватан аль-араби аль-хадис уаль-муасар. Китаб ат-талиби, ас-саф ат-тасиу аль-асаси. (История арабской родины древняя и современная. Учебник 9 класса). Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. Р. 11-15.

¹⁷⁸ Тарих. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-самини. (История. Учебник 8 класса). Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. Р. 64.

Конец XIX века в арабской истории известен как Нахда – подъем арабской общественной мысли, предшествовавший образованию современных государств. В учебниках же употребляется «йакза арабия» - арабская бдительность/пробуждение. В целом арабское возрождение описано в рамках концепции представленной еще Джорджем Антониусом в его работе «Пробуждение арабов». Пробуждение вело к образованию арабской нации, которая определяется в учебнике 11 класса как «политическое и идеологическое движение стремящееся проявить роль арабов в цивилизационной истории и создать единое арабское государство на основе единого языка, истории, географии и т.д., и сформировать условия для возвращения политической роли арабов в современной истории»¹⁷⁹. В результате соглашения Сайкса-Пико Биляд аш-Шам был поделен на национальные территории, современной истории за Сирией и другими странами закрепляется термин «ватан» - малая родина. Для обозначения населения новых арабских государств используются прилагательные – ливанцы, иракцы, иорданцы – за исключением Сирии, где появляется политический субъект «народ арабский сирийский». Национальное сознание народа сирийского арабского пробуждается в борьбе с французским мандатом, этому способствуют патриоты (ватаниюн), однако текст настолько лишен подробностей, что неясно патриоты какой страны: Сирия как независимое государство еще не создана, поэтому на роль родины также могут претендовать «ватан аль-араби» или Биляд аш-Шам, так как Сирия под мандатом рассматривается в одной главе с Ливаном. Информация о географии Сирии также существенно упрощена. В период мандата французы выделили в отдельные автономии Государство Алавитов и Государство Друзов. В учебниках же алавиты и друзы принципиально отсутствуют, что уже отметил Лэндис – вместо них появляется государство Латакия, а Горы Друзов становятся Джебель аль-Араб, Горами Арабов. Сирийское восстание

¹⁷⁹ Тарих аль-алям аль-хадис аль-муасар. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-сани ас-санауи. (Мировая история древняя и современная. Учебник 11 класса). Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. Р. 152.

1925-27 годов было организовано преимущественно друзами под руководством племенного шейха Султан-паши аль-Атраша, но в тексте он предстает арабом без религиозной принадлежности, а восставшие – народом сирийским арабским. В тексте также отсутствуют какие-либо упоминания об арабах-христианах и курдах - около 20% населения.

Упрощение истории через замалчивание подробностей является основным приемом авторов в попытке избежать оценки спорных событий, и одновременно оно служит поддержанию образа единства арабов, скрывая конфликтные ситуации. Если обратиться к политической истории, то окажется, что она практически беспартийна. В мандатный период Национальный блок и другие партии подменены «патриотами» без партийной принадлежности. В период независимости даже партия Баас упоминается в единичных случаях. Упоминается создание Национального фронта политических партий, но каких - не уточняется¹⁸⁰. Также скрываются внутриарабские конфликты, например, палестино-иорданский в 1970 году¹⁸¹. В учебнике 12 класса он изложен так: в рамках одного абзаца боевики ООП вместе с иорданскими военными отбивают нападения сионистов, после чего сразу же начинаются неизвестные столкновения между ними, которые вынуждают ООП «переехать» в Ливан¹⁸², о неудачном участии Сирии в этих событиях, естественно, не упоминается.

Внутриполитическую историю Сирии по учебникам можно проследить до начала Коррекционного движения при Хафезе Асаде. Цели Коррекционного движения – «укрепление единства (арабской) нации, собирание народной энергии против сионистов и включение палестинского

¹⁸⁰ Тарих аль-ватан аль-араби аль-хадис уаль-муасар. Китаб ат-талиби, ас-саф ат-тасиу аль-асаси. (История арабской родины древняя и современная. Учебник 9 класса). Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. Р. 33.

¹⁸¹ «Черный сентябрь» 1970 года – попытка государственного переворота в Иордании, организованная Организацией Освобождения Палестины. Столкновения между ООП и иорданскими военными повлекли изгнание ООП и около 150000 палестинцев из Иордании.

¹⁸² Тарих аль-ватан аль-араби аль-хадис уаль-муасар. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-саяси ас-санауи уаль-адаби. (История арабской родины древняя и современная. Учебник 12 класса). Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. Р. 96.

вопроса в общеарабскую повестку»¹⁸³. Это отражает саморепрезентацию Сирии в современной истории, так как Коррекционное движение согласно учебнику продолжается до сих пор. Оно является завершающим сюжетом и подается в связке с соглашениями по арабо-израильскому конфликту в Мадриде и Осло. Роль палестинского вопроса стоит отметить особо, так как он, по-видимому, является ключевым для понимания роли Сирии в данном учебном курсе. В учебнике 12 класса отмечается, что Сирия сохраняет свою роль в «каумии» (арабской нации) благодаря поддержке палестинского вопроса¹⁸⁴. Национальная воля народа арабского сирийского позволила ему отказаться от сотрудничества с колониалистами, достичь единства с Египтом и противостоять колониальному и сионистскому заговору. Как первое послевоенное арабское государство, Сирия ответственна за общенациональные (общеарабские) проблемы и поддержку национального (панарабского) движения в арабских странах¹⁸⁵. В рамках данного курса это единственное указание на сирийскую национальную исключительность и особую роль Сирии среди других арабских стран, истории которых уделяется здесь практически равное внимание. Однако идеологической основой курса является панарабизм и эта мысль об исключительности Сирии теряется в едином потоке арабской истории.

Таким образом, можно отметить, что в сирийском курсе истории используются основные приемы создания национального нарратива – упрощение и умолчание. Из повествования изъяты проблемные моменты, которые могли бы поставить под сомнение единство арабов. Сама арабская общность, как и ее сирийская составляющая, очищена от меньшинств и нюансов. Можно сказать, что арабы в данном учебнике являются исключительно суннитами, но фактически религиозная терминология там полностью отсутствует. Эту ситуацию можно назвать нормальной для

¹⁸³ Тарих аль-ватан аль-араби аль-хадис уаль-муасар. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-саяси ас-санауи уаль-адаби. (История арабской родины древняя и современная. Учебник 12 класса). Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. Р. 55.

¹⁸⁴ Там же. Р. 58.

¹⁸⁵ Там же. Р. 49.

государства, стремящегося консолидировать свое население. Однако проблема заключается в том, что данный курс консолидирует население несуществующего государства, единого арабского. В результате принятия Сирией баасистской идеологии она взяла на себя роль плацдарма для панарабского движения и в рамках курса возникло два нарратива – панарабский и сирийский. Из панарабского нарратива, играющего главную роль, изъяты исламская составляющая и раннеисламский период, ключевые для его целостности. Наблюдается тенденция перехода от широкого арабского контекста к локальной сирийской истории, однако сирийский нарратив является второстепенным и переход к нему не завершен. Ключевой вопрос о национальной исключительности Сирии подается в рамках общеарабской повестки и напрямую привязан к поддержке палестинского движения, внешнего для самой Сирии фактора. Роль Сирии низводится до одной из равноправных частей арабского мира, это многократно увеличивает объем информации, который должны усвоить сирийские школьники. Они вынуждены разобраться в истории большого количества стран от Ирака до Марокко, что снижает качество обучения. Ситуация осложняется тем, что часть базовых понятий, таких как «арабская родина», «арабский характер», «Биляд аш-Шам», «Сирия», не разъяснены, их содержание приходится трактовать интуитивно. В результате у учащихся фактически отсутствует объект для национальной самоидентификации, которым обычно выступают территория и государство, что говорит о том, что национальный нарратив сирийской истории, как и целостное представление об истории своей страны у сирийских учащихся, практически отсутствует.

Возвращаясь к отправной точке данной главы можно сказать, что периодизация сирийской истории может быть переосмыслена. Если отбросить нюансы политической истории и принять во внимание демографические и экономические проблемы, то историю независимой САР можно разделить на три периода. До 1963 шло усиливающееся накопление

экономических и социальных проблем, главным драйвером которых служило колоссальное демографическое давление. Переворот 1963 года и приход к власти партии Баас стал наиболее успешной и при этом радикальной попыткой их решения, однако радикализм баасистов вызвал общественную реакцию, которую следует рассматривать совместно с баасистскими реформами. В результате этого рывка в Сирии был осуществлен переход к массовому обществу, основанному на среднем классе, и были сформированы институты управления им – средства массовой информации и мобилизации и система всеобщего образования. Эти институты рассматриваются в работах Бенедикта Андерсона и в целом школы конструктивистов как основные инструменты формирования национального сообщества. Однако переход к массовому обществу не был завершен и в результате реакции в период Хафеза Асада были возвращены многие элементы традиционного общества, основанного на конфессиональных и племенных связях. Сирия Асада получилась амбивалентной. Снизу работали баасистские институты массовой мобилизации и формировался новый средний класс, в то время как в управлении доминировали конфессионализм и клиентизм. Пропаганда изначально атеистического арабского национализма велась одновременно с развитием религиозного образования и строительством системы государственных религиозных институтов и фондов, пропагандой государственной формы ислама. Школьный курс истории, пожалуй, наиболее наглядно показывает практически принципиальную неспособность сирийского государства сделать выбор, в данном случае - между Сирией и Единой Аравией, где попытки рассказать сирийским детям историю несуществующего единого панарабского государства сталкиваются с объективными проблемами и вопросом – зачем? Эта амбивалентность в основном сформировалась уже в 1970е годы и определила развитие сирийского общества на протяжении 50 лет, и современные события можно воспринимать как ее итог.

Глава 3. Национализм и ислам в современной Сирии.

17 февраля 2011 года в центре Старого города Дамаска, в районе Харика, полицейские избивали на улице сына мелкого торговца – такое встречается в Сирии, хотя и реже, чем в Тунисе или Египте. Однако в этот раз вокруг них стала собираться толпа, которая встала на защиту жертвы, что встречается в Сирии еще реже – в стране отсутствует свобода собраний, а местные спецслужбы – мухабрат – делают все, чтобы подавить протест в зародыше. Вскоре уже около 1500 человек заблокировали улицу и устроили спонтанную демонстрацию, они требовали прекратить унижение сирийского народа. Событие было настолько неординарным, что потребовалось личное вмешательство министра внутренних дел, генерал-майора Саида Саммура: он проехал в центр толпы без телохранителей, попросил собравшихся разойтись и пообещал лично разобраться в случившемся. Демонстрация окончилась мирно, однако меньше чем через месяц начались беспорядки в Дераа – Арабская весна добралась до Сирии.

3.1. Современные тенденции в развитии сирийского общества: демография и экономика.

Арабский национализм к концу 20 века уже признан мертвой идеологией. Тем не менее, часть исследователей считают, что он скорее видоизменился в условиях активного распространения в арабском мире новых средств массовой информации – интернета и спутниковой связи. Например, Кристофер Филипс в своей работе «Повседневная арабская идентичность» рассматривает феномен «арабской улицы» и влияние на нее популярных телеканалов «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия», а также популярных арабских телешоу, которые способны создавать поле общих знаний, проникая через барьеры, построенные национальными государствами¹⁸⁶. Однако в данной работе представляют интерес не

¹⁸⁶ Phillips Ch. Everyday Arab identity: The daily reproduction of the Arab World. Routledge, 2012. P. 129-130.

кроссгосударственные связи, а итоги трансформации сообществ внутри арабских национальных государств.

Несомненно, у современных арабских восстаний существуют общие причины, они обусловлены экономической отсталостью региона, непродуманной социальной политикой, чрезмерным ростом населения. Однако в свете тенденций, изложенных в предыдущей главе, можно сказать, что кризис, с которым столкнулась Сирия в 2011 году, похож на тот, что лихорадил страну в середине XX века и привел к власти партию Баас. За последние 80 лет население Сирии выросло в 10 раз – с 2 до примерно 20 млн. человек – а в период между 1960 и 1980 годами по темпам роста населения страна лидировала в регионе и догоняла страны Африки¹⁸⁷. Среднегодовой прирост населения составлял 4,7% в то время как в Египте в этот период – 2,9%, в Иордании – 3,7%; в 1990е годы только немногие страны Персидского Залива могли похвастаться более высокими темпами роста населения, но они достигли этого за счет пронаталистской политики и поощрения иммиграции. В 2000е годы рост населения Сирии оставался высоким, около 2,5% в год, а политика по ограничению рождаемости по-прежнему отсутствует, так же как и целенаправленное создание новых рабочих мест. Между тем, как было отмечено в предыдущей главе, система, построенная Хафезом Асадом, была клиентистской. Наиболее ярко это проявлялось в бизнесе и управлении, где ближний круг Асада осуществлял патронаж над крупным и средним бизнесом и управленцами среднего звена. Но в более широком смысле главным патроном в Сирии было социальное государство. Количество государственных служащих возросло с 22 тыс. в 1950х, до 250 тыс. в 1970х, условно, каждый седьмой сириец работал на государство, а если брать в расчет армию, то каждый четвертый¹⁸⁸. Социальное государство, как и любая система, имеет свой запас прочности, и

¹⁸⁷ Winkler O. Demographic Developments and Population Policies in Ba'thist Syria. Sussex Academic Press, 1998. P. 24.

¹⁸⁸ Ibid. P. 53.

в 2000е годы он оказался исчерпан. Количество неимущих в 2007 году составляло, по данным ООН, 33% с тенденцией к росту, причем большую часть составляла молодежь. Лэндис приводит данные, что около половины населения Сирии составляли люди в возрасте до 25 лет, а неофициальная безработица – от 22 до 30%¹⁸⁹. Эти данные наглядно показывают банкротство системы государственного патронажа: она уже не способна взять под контроль массу новых клиентов и обеспечить их благосостояние.

Банкротство социального государства было осложнено сменой системы управления. В 2000 году после смерти Хафеза Асада пост президента занял его сын Башар. Формально система, выстроенная его отцом, была сохранена. Как и Хафез, Башар имел узкий круг влиятельных «друзей», которые контролировали патронажные сети в государстве и бизнесе. Тем не менее, фактически, система стала резко меняться. Соратники Хафеза Асада, которых исследователи часто именуют «старой гвардией», постепенно ушли с государственных постов в силу как старости, так и стремления Башара выстроить свою систему контроля. Однако их уход не привел к полному отстранению их от принятия решений, так как, по сути, произошло раздвоение элит. Связь государственных должностей с реальной властью была важной чертой системы Хафеза Асада, но при Башаре она исчезла. Мустафа Тлас и Халим Хаддам были ближайшими соратниками Хафеза Асада еще с 1960х, но теперь их сыновья уже не занимают административных или военных должностей, сохраняя при этом влияние семьи через бизнес¹⁹⁰. Не менее важно и то, кто сменил старую гвардию. Государство периода Хафеза Асада имело определенную степень децентрализации. Режим опирался на массовую поддержку, представленную системой профсоюзов и общественных объединений, на партийную структуру, а также на систему союзов с неформальными лидерами. Как уже

¹⁸⁹ Landis J. The Syrian uprising of 2011: Why Asad regime is likely to survive to 2013 // The Middle East Policy Council, 2012. URL: <https://www.mepec.org/syrian-uprising-2011-why-asad-regime-likely-survive-2013> (дата обращения 27.08.2018).

¹⁹⁰ Winkler O. Demographic Developments and Population Policies in Ba'thist Syria. Sussex Academic Press, 1998. P. 19.

упоминалось, Хафез Асад был связан с торговой элитой Дамаска через Бадр ад-Дина аш-Шалаха, который возглавлял торговую палату; сегодня эта связь сохраняется, но она осуществляется через Рами Махлюфа, родственника Башара¹⁹¹. Аш-Шалах не был ставленником Асада, он был дамасским торговцем, суннитом, которого поставили во главе государственной структуры, обозначив связь между государством и важной социальной группой через финансовый инструмент – Торговую палату. Рами Махлюф в свою очередь вряд ли может выступать как полномочный представитель дамасской торговой элиты в целом, он человек с собственными интересами, принадлежащий к верхушке олигархов, сложившейся вокруг Башара. Если изначально система строилась снизу, на основе инкорпорации лидеров локальных сообществ, то теперь она стала строиться сверху, через экономическое поглощение. Сирийцы говорят, что Рами Махлюф обнаглел: он «купил половину Сирии», а тарифы на сотовую связь, которая является его монополией благодаря компании Syriatel, взяты с потолка и выше, чем в Америке. Беспредел новой бизнес-элиты хорошо иллюстрирует случай с фирмой семьи Санкар, которая занимается поставками запчастей для автомобилей Mercedes-Benz с 1960х годов¹⁹². Ни баасистская национализация, ни экономические кризисы, ни госкапитализм позднего Асада не затронули их бизнес, но в начале 2000х им заинтересовался Рами Махлюф. После того, как провалились переговоры по «легальной» перекупке бизнеса, в ход была пущена государственная машина – прокуратура, налоговая полиция и т.д. Однако отобрать бизнес не удалось, так как головной офис Mercedes-Benz заблокировал поставки, защищая своих партнеров. Такие действия разрушают стратегически важный альянс с торговцами Дамаска, не говоря уже об инвестиционном климате – торговцы стали настороженно относиться к режиму, с тех пор как тот стал «запускать руки в их карманы». Естественной реакцией бизнеса на отделение интересов

¹⁹¹ Lawson F. Demystifying Syria. SAQI Books, 2009. P. 17.

¹⁹² Ibid. P. 20.

правлящей верхушки от интересов государства и неопределенность правил игры также стало отделение от государства. Бизнес избегает сирийской банковской системы, которая генерирует дополнительные риски из-за своей неэффективности и ангажированности, и полагаются на внутренние связи сообщества. Торговцы могут помочь производителям купить материал для изготовления готовой продукции, стоимость которого в дальнейшем вычитается из закупочной стоимости продукции, которая в свою очередь может оплачиваться постепенно по мере продажи товара¹⁹³. Продавцы и производители и раньше представляли собой закрытое сообщество¹⁹⁴, но Торговая палата все больше превращается в номинальный орган даже по сравнению с предыдущим периодом.

Таковыми же реликтами становятся партия и общественные объединения. При Хафезе Асаде представители различных групп присутствовали в парламенте, государственных и партийных структурах, что позволяло решать различные межгрупповые конфликты. При Башаре Асаде партийная структура стала разлагаться: Хиннебуш отмечает, что победу на выборах 2007 года ему обеспечила уже не партия, а финансовая поддержка клиентелы крупных бизнесменов из его окружения. Партия ленинского типа действительно выглядит архаичным институтом мобилизации и контроля населения в современном мире информационных технологий, и Башар Асад предпочел опереться на спецслужбы – мухабрат. Ближневосточные спецслужбы, отличающиеся своими огромными штатами сотрудников и выполняющие широкий круг задач, способны осуществлять контроль настроений населения и подавлять протест, но в условиях Сирии функции партии Баас не могли быть ими замещены. Хиннебуш отмечает, что в 2000х годах вновь обострились земельные конфликты между друзами и бедуинами

¹⁹³ Lawson F. Demystifying Syria. SAQI Books, 2009. P. 24.

¹⁹⁴ Следует отметить, что старые рынки Дамаска представляют собой настолько замкнутую и консервативную структуру, что, несмотря на экономическое развитие последних десятилетий, только выходцы из Мнина, деревни неподалеку от Дамаска, смогли там закрепиться, по информации Ф. Лоусона.

в Свейде, между исмаилитами и алавитами в Масияфе¹⁹⁵. Раньше эти группы решали свои проблемы через представителей в партийных и государственных структурах, но теперь они предпочитают решать их самостоятельно на местах, и мухабарат, который теперь должен контролировать эти процессы, оказался к этому не готов.

Идеологическое банкротство арабского социализма Баас не является виной президента, но меры, предпринятые новой элитой для демонтажа системы социальных гарантий, делают партийную риторику не только пустой, но и раздражающей. В конце XX века сирийский рабочий работал в среднем 37 минут в день и при этом получал бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, пенсионное страхование, субсидии на продукты питания, бензин, коммунальные услуги¹⁹⁶. Это стало возможным благодаря тому, что Сирия стала государством-рантье: она получала субсидии от арабских стран за войну с Израилем, от Советского Союза за антизападную ориентацию и даже сумела получить около 5 млрд. долларов от американских союзников во время войны в Заливе. Однако в 2000х годах прямые дотации арабских стран сменились на инвестиции, принципиально другой инструмент, и Башар Асад стал приводить сирийскую экономику к рыночным отношениям. С 2004 года были отменены субсидии на бензин, что привело к росту цен на него на 450% и повлекло естественный рост цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, даже при сохранении государственной поддержки этих секторов¹⁹⁷. Следующими оказались электроэнергия и строительные материалы, что повлекло рост коммунальных платежей. Реформы сопровождал рост безработицы и инфляция, которая достигла своего пика в 2008 году – 15%. Винланд отмечает, что уже в 2005 году сирийские торговцы и таксисты стали терять свою обычную расслабленность и стали заниматься «маркетингом». Также было

¹⁹⁵ Hinnebusch R. Syria: from authoritarian upgrading to revolution // International affairs. 2012. Vol. 88, №1. P. 102.

¹⁹⁶ Wieland C. Syria: a decade of lost chances. Seattle: Cune Press, 2012. P. 121.

¹⁹⁷ Ibid. P. 125.

реформировано трудовое законодательство, были существенно ограничены права рабочих, крестьян, профсоюзов. Однако эти меры не сделали экономику Сирии более привлекательной: основной поток иностранных инвестиций Сирия по-прежнему получает из арабских стран, а эти инвестиции идут не в производство, а в туристический сектор и элитную недвижимость. По данным на 2009 год основой сирийской экономики были следующие отрасли: сельское хозяйство – 22% ВВП, промышленность и добыча полезных ископаемых – 25%, рынок недвижимости – 23%, туризм – 12%¹⁹⁸. Хотя развитие туризма давало доход от 2 до 6 млрд. долларов и создавало около 100000 рабочих мест, этого было недостаточно, безработица росла быстрее, уничтожая тот средний класс, который когда-то стал основой баасистского режима.

Эффект этих мер нельзя оценить в полной мере без понимания трансформации сирийского общества с 1970х годов прошлого века. Демография здесь является одним из ключевых факторов. Среднее количество детей в семье в 1990 году - 6,4, это те самые дети, которые сейчас делают революцию, но возникает вопрос – чьи это были дети? Согласно публичному справочнику ЦРУ до войны в Сирии было 74% суннитов, мусульман несуннитов – 13%, христиан – 10%¹⁹⁹. 90% населения составляют арабы, остальные 10, в основном, курды и армяне, 55% населения урбанизировано. Эти данные напоминают этноконфессиональный состав Сирии по переписи 1921 года, однако они опираются преимущественно на официальную информацию сирийских властей, а она недостоверна. Помимо того, что невозможно проверить, не придумывают ли сирийские чиновники эту статистику сами, существуют и очевидные проблемы оценки численности населения. Винклер в своем исследовании по демографии Сирии приводит факт необъяснимого снижения прироста населения с 4,3%

¹⁹⁸ Mahamid J. Syria's frail economy: before and after the revolution // Al-Arabiya institute, 2013. URL: <http://english.alarabiya.net/en/perspective/alarabiya-studies/2013/04/01/Syria-s-frail-economy-before-and-after-the-revolution.html> (дата обращения 27.08.2018).

¹⁹⁹ CIA Factbook: Syria. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sy.html> (дата обращения 27.08.2018).

до 3,3% всего за один год в 1992: учитывая, что крупного локального конфликта или экономической катастрофы тогда не произошло, остается списать это на смену методов исследования²⁰⁰. Существует еще несколько известных ошибок, которые несколько меняют соотношение этноконфессиональных групп. Во-первых, точно не установлена численность христиан Сирии. Их численность оценивается в районе 10%, но при этом все авторы соглашаются, что с тех пор, как к власти пришли баасисты и начали национализировать бизнес и образование, христиане постоянно эмигрировали, что подтверждается информаторами в Сирии²⁰¹. Это должно было привести к снижению их доли в населении страны, чему также способствовала относительно низкая рождаемость по сравнению с мусульманскими семьями. Однако, покидая страну, христиане продолжают длительное время числиться в качестве сирийских граждан, поэтому оценить их количество практически невозможно. Ссылаясь на одного сирийского аналитика, почерпнувшего эту информацию из неопубликованного Иезуитского исследования 2009 года, Виланд считает, что их доля в населении страны могла упасть до 5,6%²⁰². Еще одну проблему представляют иракские беженцы и курды-«иммигранты». Число иракских беженцев оценивается в 700 тыс. человек и их статус в сирийской статистике неизвестен. Также неизвестно, как учитываются численность курдского населения. В 1962 году была проведена перепись населения северных территорий, по итогам которой 20% из 120000 курдов были объявлены нелегальными иммигрантами из Турции, проникшими в страну до 1945 года²⁰³. Гражданства лишали по неопределенному принципу, один брат сохранял гражданство, а другой его терял. С тех пор у неопределенного количества курдов нет документов, и они не учитываются ни в одной

²⁰⁰ Winkler O. Demographic Developments and Population Policies in Ba'thist Syria. Sussex Academic Press, 1998. P. 25-26.

²⁰¹ Landis J. Islamic education in Syria: Undoing secularism. Oklahoma University, 2003: <http://faculty-staff.ou.edu/L/Joshua.M.Landis-1/Islamic%20Education%20in%20Syria.htm> (дата обращения 27.08.2018).

²⁰² Wieland C. Syria: a decade of lost chances. Seattle: Cune Press, 2012. P. 87.

²⁰³ Human Rights Watch Report. Silenced Kurds. 1996. URL: <http://www.hrw.org/reports/1996/Syria.htm> (дата обращения 27.08.2018).

статистике. Статус иммигранта наследуется, и, учитывая высокую рождаемость (около 6 детей на семью), количество «иммигрантов» постоянно росло. В-третьих, процент урбанизации не соответствует действительности, так как вычисляется формально. Широко известна современная проблема крупных городов этого региона – Дамаска и Каира, которые обрастают кольцом бедных районов, населенных выходцами из деревни. Формально город растет, но фактически прирост осуществляется за счет мигрантов в первом поколении, которые переехали в областной центр из-за перенаселенности провинции, они не успели утратить связь с деревней, их бытовой уклад и ментальность сохраняют провинциальные элементы. Исследование внутренней миграции в Сирии²⁰⁴ показывает, что мигранты из деревни в крупных городах, составляют около 10-15%, миграционный поток растет, и выходцы из деревни составляют в нем большую часть. В связи с этим следует отметить, что динамика роста населения различается в различных регионах Сирии. Самый низкий прирост населения в расчете количества детей на семью, по данным Винклера, фиксируется в Дамаске и на западе страны, где проживают алавиты и христиане – самые крупные этноконфессиональные группы. Динамика прироста населения: Дамаск – 4,7, Алеппо – 6,9, северо-восток – 8,4, запад – 6,9, центральная Сирия - 7,8, юг - 8,4; количество детей на семью в городе в среднем – 6, в деревне – 8,7²⁰⁵.

Таким образом, можно сказать, что прирост населения выше в традиционных суннитских и курдских регионах. Доля друзского населения упала с 3% до 1,5%, доля исмаилитов – около 1,5%, численность алавитов оценивается в районе 2 млн., что составляет около 10% населения. Вопросы вызывает численность суннитского и курдского населения, однако совершенно очевидно, что доля суннитов превышает 74% по оценке ЦРУ: возможно, что они составляют уже 80-85% населения, учитывая курдов, которые исповедуют суннитскую версию ислама. Оценка населения Сирии в

²⁰⁴ Khawaja M. Internal migration in Syria: findings from national survey. Fafo, 2002. P. 35-37.

²⁰⁵ Winkler O. Demographic Developments and Population Policies in Ba'thist Syria. Sussex Academic Press, 1998. P. 31.

20 млн. человек также требует корректировки, учитывая эмиграцию христиан, беженцев из Ирака и неучтенных курдов. Можно констатировать, что в этноконфессиональном плане Сирия существенно приблизилась к монорелигиозному государству. Христиане, крупнейшее немусульманское меньшинство, склонны покидать страну; стремление алавитов мимикрировать под суннитское большинство приводит к безраздельному доминированию суннитского ислама в средствах массовой информации и усилению влияния этой идентичности. Наличие меньшинств де-юре признается и способствует религиозной толерантности в обществе, но суннитский ислам уже фактически стал «титульной религией» и опирается уже не на поддержку государства, как при Хафезе Асаде, а на реальную поддержку около 80% населения, в том числе неимущих, которые отличаются более выраженным религиозным сознанием, что в официальных цифрах может составлять 16-18 миллионов против 2-4 миллионов представителей меньшинств.

3.2. Исследование национальной идентичности: сирийская «каумийя».

В предыдущей главе были рассмотрены усилия сирийского государства в области формирования национальной идентичности. Было отмечено, что основой государственной идеологии оставался баасистский панарабизм, который прививался сирийцам начиная со школы, однако насаждение панарабизма в рамках одного небольшого государства влекло за собой очевидные проблемы. Анализ школьных учебников показал недостаточную проработанность панарабского нарратива, а что в сочетании с пропагандой государственного ислама и фактическим сохранением конфессиональных субидентичностей показывает бессистемность сирийского государства в области национальной политики. В 2015 году мной было проведено исследование с целью выяснить отношение сирийцев к этим процессам и собственной национальной идентичности, было опрошено 15 человек

различных политических взглядов²⁰⁶. Среди респондентов были как оппозиционеры, такие как Махмуд Хамза²⁰⁷ и Омар Шаар²⁰⁸, так и сторонники сирийского правительства, такие как Ваддах аль-Джунди²⁰⁹ и Фахд Камнакш²¹⁰. В опросе также участвовали сирийские интеллектуалы относительно нейтральных взглядов, такие как Тауфик Ибрагим²¹¹, и представители Сирийской социал-национальной партии²¹². В виду того, что работа с большой выборкой респондентов сейчас практически невозможна и неэффективна из-за нестабильности в стране, был сделан акцент на развернутое интервьюирование лиц старшей возрастной категории 30+, обладающих активной политической позицией и социальным влиянием, с целью получения консервативной оценки.

В работе «Повседневная арабская идентичность» Кристофер Филипс отмечает, что большинство респондентов в возрасте от 30 до 60 лет при выборе приоритета между сирийской, арабской и мусульманской идентичностью считают себя в первую очередь сирийцами, а во вторую – арабами²¹³. Мои данные подтверждают эту тенденцию, но здесь следует прояснить терминологию. Большинство респондентов считает сирийцев арабами, но с существенными оговорками. Приоритет панарабского единства наиболее четко проявляется у представителей старшего поколения, людей 60–70 лет, которые застали объединение Сирии и Египта в сознательном возрасте. Практически все респонденты признают крах политического панарабизма, который проявился, по их словам, в 1970-80-е годы, однако

²⁰⁶ Герасимов Н.Г. Представления сирийской интеллигенции о национальной идентичности (сирийская община в Москве) // Вестник Антропологии. 2016. №2. С. 54-64.

²⁰⁷ Махмуд Хамза – член оппозиционного «Сирийского национального совета», представитель совета «Декларация Дамаска» за рубежом, руководитель «Комитета поддержки сирийской революции».

²⁰⁸ Омар Шаар – исполнительный директор фонда «Москва - Алеппо», представитель совета «Декларация Дамаска» за рубежом.

²⁰⁹ Ваддах аль-Джунди – директор Российско-Арабского Центра культурного и делового сотрудничества, сопредседатель Российско-Сирийского Общества, заместитель председателя РОО «Общество граждан сирийского происхождения», член президиума «Арабского дома - Москва».

²¹⁰ Фахд Камнакш – сирийский журналист, шеф-редактор Московского бюро ИА «Сана».

²¹¹ Тауфик Ибрагим – специалист по классической арабо-мусульманской философии и исламскому богословию, главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

²¹² Здесь и далее по именам названы только те респонденты, которые дали согласие на персонификацию их позиции.

²¹³ Phillips Ch. Everyday Arab identity: The daily reproduction of the Arab World. Routledge, 2012. P. 98.

старшее поколение все еще сохраняет его на уровне глубокой убежденности. По-видимому, именно крах панарабизма объясняет тот факт, что все респонденты, расставляя приоритеты между сирийской, арабской и мусульманской идентичностью, называют себя в первую очередь сирийцами²¹⁴.

В процессе уточнения значения слова «араб» часто возникало впечатление, что граница между «сирийцами» и «арабами» может быть проведена по линии городского и кочевого населения, хотя респонденты это отрицают. Ядром Сирии для них, несомненно, являлись ее древние города и их сельская округа, которые резко контрастируют с восточной пустынной частью страны. Говоря об отличиях сирийцев от арабов, респонденты называли высокую роль кровного родства, которая и сейчас сохраняется у арабских племен и не столь характерна для городского населения. Подлинно арабская общность отчетливо локализуется в регионе Аравийского полуострова, по-разному оценивается только ее влияние. Наиболее ярко это иллюстрирует описание Омаром Шааром истории его родного города Алеппо: «Алеппо – это очень древний город, он появился задолго до арабов или римлян. Его центральная часть, его рынки составляют основу древнего торгового центра. Южная часть граничит с пустыней, откуда и сегодня идет устойчивая миграция арабских племен. Эта миграция происходила задолго до арабского завоевания, даже сегодня в южной Турции можно найти следы арабских племен, перекочевавших туда. Можно сказать, что юг Алеппо более арабизирован»²¹⁵.

В ходе интервью ярко проявлялся раскол сирийского исторического нарратива между малой и большой Сирией - регион Билад аш-Шам и государство Сирия, которое формально появилось в 1946 г – и респонденты

²¹⁴ В ходе интервью проявлялись противоречивые позиции. Один из респондентов, признавая наличие исключительно арабской общности, сообщил, что ему стыдно быть арабом, потому что арабская общность ассоциируется у него с упадком и поражениями, с арабской беднотой. Также признание арабской общности не коррелирует с отождествлением себя с арабами; некоторые респонденты, условные арабы-сунниты, не считают себя арабами, что связано с локализацией «чистых» арабов в районе Аравийского полуострова.

²¹⁵ ПМА: Омар Шаар. Интервью в Москве, март 2015 г.

практически всегда просили уточнить, какая из них интересует автора. Отправной точкой истории Биляд аш-Шам респонденты предлагают считать, в основном, финикийский период, в качестве предков сирийцев указывают арамейцев, ассирийцев, «суриан». Представление о древности Сирии часто проявляется параллельно с панарабскими взглядами. Ваддах аль-Джунди наиболее отчетливо высказывает мысль, которая встречается у многих респондентов и напоминает идеологию Сирийской социал-национальной партии, что сирийцы - это результат смешения множества этносов, и границы Сирии определяют культурные связи, заложенные еще финикийцами, а не кровное родство²¹⁶. Несколько человек назвали периодом расцвета Сирии Халифат Омейядов, потому что его столицей был Дамаск и напоминанием об этом является знаменитая мечеть Омейядов. По той же причине Тауфик Ибрагим отделяет османскую историю от сирийской – Османская империя, по его мнению, не оставила значительных следов в сирийской истории и культуре²¹⁷. Все респонденты согласны, что история Османской империи – это история халифата, история ислама, а не их страны, хотя Сирия была его частью.

История Сирии как суверенного государства тесно связана с вопросом ближневосточных границ, так как она появилась как усеченный вариант «Великой Сирии» в результате освободительной борьбы против французов. Несмотря на распространенное мнение об искусственности сирийских границ, все респонденты считают их справедливыми, состоявшимися, кроме сирийско-израильской, естественно. Дэниел Пайпс назвал свою работу о Великой Сирии «История амбиции», что хорошо отражает сущность этой концепции; респонденты считают это идея Великой Сирии как ядра арабского мира, государства-региона, осталась в прошлом, уступив место независимой «малой» Сирии. Попытки определить различия между сирийцами, иракцами, иорданцами и ливанцами не дают результатов, но

²¹⁶ ПМА: Ваддах аль-Джунди, интервью в Москве, июнь 2015 г.

²¹⁷ ПМА: Тауфик Ибрагим, интервью в Москве, октябрь 2015 г.

респонденты не сомневаются, что это различные народы в рамках арабской общности. Границы в пустыне важны только формально, так как там культурные различия размываются и однозначно определить «сирийскость» Дейр эз-Зора, например, затруднительно. Границы в древности, по-видимому, вообще не играют роли, так как сирийские «прагосударства» (в качестве таковых респонденты называли финикийские города, Мари, Митгани) – лишь отчасти находились на территории современной Сирии, они существовали скорее в рамках единого культурного пространства Билад аш-Шам.

В плане развития Сирии как независимого государства наблюдается четкая корреляция взглядов с политической позицией респондентов, что неудивительно. Оппозиционные деятели считают расцветом Сирии 1950-е годы, период так называемого «либерального режима»; даже понимая, что он был неустойчив и слаб, они считают, что это было правильное направление развития государства. Тем не менее, в дальнейшем Сирия под руководством Баас и «прагматичной политики» Хафеза Асада существенно изменилась, как в экономическом плане, так и в плане социальной структуры, что уже невозможно списать на интересы правящей группировки алавитов. Если опустить уже известную риторику о репрессиях, то на основе результатов интервью доминирование Баас можно представить как период возможностей, и раскалывает общество оценка их реализации. Успехи и недочеты при модернизации страны видны как представителям оппозиции, так и сторонникам правительства, и именно на этой основе возможно абстрагироваться от взаимных претензий, раскалывающих общество, и проследить причины кризиса сирийского государства.

Можно сказать, что масштаб преобразований в обществе осознается всеми его группами. Инфраструктурные проекты, развитие систем образования и здравоохранения сопровождалось сломом традиционного уклада жизни. Тауфик Ибрагим отмечает, что баасисты ликвидировали многоукладность сирийского общества и привели его к индустриальной

модели, хотя и не до конца. Даже далеко не идеальная система образования, по его мнению, с которым согласны многие респонденты, привела к существенному подъему общей культуры населения²¹⁸. Респонденты отмечали все те признаки деятельности государства, которые упоминались в работах исследователей национализма, как унифицирующие общественную жизнь и способствующие становлению массового унифицированного самосознания, являющегося основой для становления самосознания национального²¹⁹. Критика же деятельности сирийского руководства исходит из недостаточности этих преобразований. Один из респондентов, лояльно относящийся к сирийскому руководству, высказал мнение, что «период диктатуры» был очень благоприятен для реформ²¹⁹. Благодаря диктатуре, закрепившей сирийскую государственность в рамках определенных границ, страна смогла стабилизироваться после серии переворотов, что сплотило сирийцев независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Это могло бы стать первым шагом к построению лояльности своей нации, основанной на гражданстве, юридическом равноправии, а не на системе клиентских связей между этноконфессиональными группами, что Э. Смит отмечает как необходимый компонент нации в понимании модерна²²⁰. По мнению респондента, ситуацию диктатуры следовало использовать для более радикальных экономических и социальных преобразований, но сирийское руководство не смогло их реализовать, либо даже не ставило цели завершить модернизацию страны.

В ходе интервью поднимался вопрос о политике Баас по отношению к национальной идентичности. Очевидно, что баасистский панарабизм отвергает локальные идентичности, однако встречались и более развернутые ответы: часть респондентов считают, что «правление алавитов» усилило

²¹⁸ ПМА: Тауфик Ибрагим, интервью в Москве, октябрь 2015 г.

²¹⁹ ПМА: анонимный информант, интервью в Москве, июнь 2015 г.

²²⁰ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий национализма. М.: Праксис, 2004. С. 52.

этноконфессиональную рознь в сирийском обществе. Этот конфликт не был непосредственным следствием доминирования меньшинства, на что указывают практически все исследователи Сирии – дело в том, что кадровые решения руководства прямо противоречили его стремлению к модернизации страны²². Бывший член одной из коммунистических партий Сирии привел пример кадровых назначений в городской меджлис города Масьяф²²¹. Он сообщил, что баасистское руководство присылало разнарядку по депутатам, где было указано не только соотношение представительства партий, но и конфессиональная принадлежность депутатов – в его городе от коммунистов должно было быть определенное количество суннитов и исмаилитов. Следует отметить, что в этом примере практически отсутствуют алавиты, которых обвиняют в монополизации власти; он показывает, что действия государственного и партийного аппарата заостряют внимание на всех конфессиональных группах, постоянно напоминают сирийцам об их групповой принадлежности, принудительно сохраняют конфессионализм там, где можно было бы, по мнению респондента, от него отказаться. Подобные практики можно воспринимать, как попытку сбалансировать общество, по примеру конфессионального политического квотирования в Ливане, но также и как недостаток политической воли, ведь в сообществе алавитов существовало понимание важности снижения значения конфессионального фактора в сирийском обществе. Следует отметить, что похожую неясную политику сирийское руководство демонстрировало и по отношению к курдам. Западные исследователи считают, что в Сирии имеет место целенаправленная дискриминация курдов, однако респонденты утверждают, что она идет исключительно от государства, не имея под собой никакой основы. Они считают, что курдское население не создает межэтнической напряженности, которая могла бы обосновать необходимость такой жесткой государственной политики по отношению к ним. Так же как и в случае с усилением конфессиональных общностей, здесь наблюдается

²²¹ ПМА: анонимный информант, интервью в Москве, июль 2015 г.

осознание проблемы при отсутствии последовательных путей ее решения: никто из респондентов не смог сформулировать цель руководства САР, которое десятилетиями отказывалось как от интеграции курдов, так и от предоставления им культурной автономии.

Политику сирийского руководства, и не только в области межэтнических и межконфессиональных отношений, можно сформулировать в форме «красных линий», за которые нельзя переступать. Сирийское руководство готово смириться с присутствием миллионов курдов на своей территории, но не смогло дать им даже видимость автономии. Сирийское руководство готово двигаться по пути модернизации страны, но не принципиально не готово отказаться от проверенного веками средства контроля – племенной и конфессиональной лояльности. Однако «красные линии» рано или поздно нарушаются. Респонденты отмечают, что в 1990-е годы появились первые дискуссии об отказе от панарабизма. Ваддах аль-Джунди говорит о том, что сирийцы стали интересоваться своей историей и происхождением, на телевидении стали чаще использовать сирийский диалект арабского языка²²², а один из оппозиционеров заявил, что сожалеет о потере Пальмиры даже не потому, что это памятник ЮНЕСКО – он потерял часть своей истории, о которой почти ничего не знал²²³. Памятники культуры на сирийских банкнотах – это классическая репрезентация национальной истории, но ее сирийцам даже в школе не преподавали.

В итоге можно констатировать, что сирийское общество уже в 1990-2000х годах стало постепенно вырабатывать собственную национальную идентичность, хотя этот процесс был слабо выражен. Респонденты позиционируют сирийскую общность как отдельную, - либо в рамках арабской общности, либо как полностью самостоятельную, - указывая на ее доарабское происхождение и отличия городской сирийской культуры от арабской племенной. Также они воспринимают Сирию в послевоенных

²²² ПМА: Ваддах аль-Джунди, интервью в Москве, июнь 2015 г.

²²³ ПМА: анонимный информант, интервью в Москве, август 2015 г.

границах как сложившееся суверенное государство с собственными интересами, признавая отличия сирийцев от ливанцев, иорданцев и иракцев. Также они не видят мусульманскую идентичность в качестве приоритета для себя.

В результатах интервью важно отметить два ключевых момента. Во-первых, это практически полное отсутствие идей панарабизма, который можно было отчетливо наблюдать в учебниках истории. Можно представить это в качестве критики модернистского подхода к пониманию нации как искусственно создаваемой общности, хотя отсутствие панарабских настроений среди интеллектуалов не является в данном случае показательным: интеллектуальная элита для модернистов этот двигатель, основа для нации и, следовательно, должна определять повестку средств массовой информации, а не следовать ей. Настрой на сегрегацию от арабской общности в таком случае лишь указывает на смену настроений и неудачный выбор панарабской общности как нациеобразующей. Во-вторых, нельзя не отметить корреляцию представлений интеллектуалов с идеями основателя Сирийской социал-национальной партии Антуна Сааде, рассмотренными в первой главе.

Антун Сааде был сторонником Большой Сирии в «естественных границах» от Средиземного моря до Ирана, но эта идея, имевшая смысл в 1930х годах, уже не находит отклика у респондентов. Однако само позиционирование сирийцев как отдельного народа с доарабским происхождением уже близко современным интеллектуалам. В этом контексте история Сирийской социал-национальной партии представляет интерес, так как официально она никогда не пользовалась большой популярностью в Сирии, но не была забыта и полностью уничтожена. В 1954 году она получила всего два места в сирийском парламенте, что даже можно трактовать как регресс по отношению к выборам 1949 года, когда она получила 9 мест. Однако в контексте истории ССНП не следует предавать этому большого значения, так как отличительными чертами этой партии

всегда были относительно небольшая численность и ориентация на интеллектуальную элиту в силу ее сложной индоктринированной идеологии. Куда большее значение имеет ее репутация одной из первых и старейших террористических организаций на Ближнем востоке. Особенно ярко эта роль проявилась в Ливане, где ССНП оказалась вовлечена в большинство резонансных событий конца XX века. Так на ее счет относят убийство президента Башира Жемайля в 1982 году, атаку на морских пехотинцев США в Бейруте в 1983 году,²²⁴. Из-за своей радикальной деятельности партия большую часть своей истории находилась под запретом во всех государствах, где она присутствовала – Ливане, Сирии и Иордании²²⁵. В Сирии она находилась под запретом на протяжении 50 лет с 1955 года, когда члены ССНП организовали убийство заместителя начальника Генерального Штаба, популярного баасистского офицера Аднана аль-Малики. Тем не менее, партия не была сломлена, и причины ее жизнеспособности лежат в ее ориентированности на интеллектуальную элиту. Если рассматривать ее с точки зрения качественных характеристик, а не электоральной поддержки, то можно заметить, что среди ее бывших членов присутствует очень большое количество известных фигур. Так Акрам Хаурани, прежде чем основать свою партию, состоял в ССНП, членом ССНП был Адиб аш-Шишакли, основатели Баас Мишель Афляк и Салах ад-Дин Битар имели тесные контакты с Антуном Сааде в период становления идеологии Баас²²⁶. В покушении на Аднана аль-Малики лично принимали участие Гассан и Фуад Джадид, братья одного из баасистских руководителей Сирии Салаха Джадида в 1966-1970 годах; сам Салах Джадид также был членом ССНП и о его выходе из партии доподлинно неизвестно²²⁷. Позднее Хафез Асад женился на Анисе Махлюф, которая, как и ее брат Мухаммад, состояла ССНП. Считается, что семья

²²⁴ Zambelis C. Asad's hurricane: a profile of the paramilitary wing of the Syrian social nationalist // The Jamestown Foundation, 2014. URL: <https://jamestown.org/program/assads-hurricane-a-profile-of-the-paramilitary-wing-of-the-syrian-social-nationalist-party/> (дата обращения 27.08.2018).

²²⁵ Pipes D. Radical politics and the Syrian social nationalist party // International journal of the Middle East studies. 1998. Vol. 20, №3. P. 308.

²²⁶ Ibid. P. 311.

²²⁷ Ibid. P. 314.

Махлюфов оказала серьезное влияние на особые отношения партии с Хафезом Асадом, который активно сотрудничал с боевым крылом ССНП в период Гражданской войны в Ливане и последующего сирийского военного присутствия. Эта семейная связь не утрачена и сегодня: в 2013 году один из ближайших соратников и родственников Башара Асада, Рами Махлюф, заявил о своей принадлежности к ССНП²²⁸. О членстве в партии самого Башара Асада можно только делать предположения, но учитывая членство его матери и двоюродного брата, оно не исключено. В этом контексте внезапное возрождение ССНП в Сирии после ее легализации в 2005 году не выглядит необычным: сейчас, имея 90 тыс. членов, ССНП является второй по численности партией Сирии после Баас²²⁹. После начала войны в Сирии в 2011 году было создано Министерство национального примирения, которое вплоть до настоящего времени возглавляет Али Хайдар, глава сирийской ветви ССНП, что отчетливо показывает, на какой основе планировалось данное примирение; Али Хайдар на данный момент является одним из двух министров не от партии Баас в сирийском правительстве, наряду с коммунистом Джамилем Кадри. Социал-национальная партия также оказывает сирийскому правительству серьезную военную поддержку. Nusra az-Zawba`a, боевая организация ССНП, имеет в Сирии около 8000 бойцов, что примерно равно сирийскому контингенту партии Хизбалла²³⁰.

В сумме вышеизложенные факты дают основание некоторым исследователям рассматривать ССНП как альтернативу и будущую замену Баас. Однако следует отметить, что по определенным причинам ССНП проиграла политическую борьбу баасистам в 50-е годы и эти причины никуда не исчезли. Дэниел Пайпс отмечает, что идеология социал-националистов была очень схожа идеологией баасистов, партии

²²⁸ McDonald J. The Syrian social nationalist party expansion in Syria. // Syria Comment, 2018. URL: <https://www.joshualandis.com/blog/the-syrian-social-nationalist-partys-ssnp-expansion-in-syria-by-jesse-mcdonald-jjmcdonald10/> (дата обращения 27.08.2018).

²²⁹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сирийская_социальная_националистическая_партия (дата обращения 27.08.2018).

²³⁰ Samaha N. Eagles of the whirlwind // Foreign policy, 2016. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/03/28/the-eagles-of-the-whirlwind/> (дата обращения 27.08.2018).

пользовались популярностью в одних и тех же районах, например, среди алавитов, и опирались на пропаганду в школьной и студенческой среде, имея сторонников среди учителей. Однако ключевой оказалась поддержка суннитского населения Сирии, которое отторгало взгляды Сааде. В то время как основатели Баас с уважением относились к исламу, придавая ему статус основы арабского культурного наследия, ливанский христианин Сааде был с ним в сложных отношениях. В одной из своих работ он доказывал, что ислам имеет две ветви – христианство и мухамеданизм, и естественно, что низведение ислама до мухамеданизма суннитское большинство принять не могло²³¹. В целом ССНП была и остается куда более последовательной в своем секуляризме, чем Баас, что продолжает мешать партии получить массовую поддержку сирийских суннитов, которые, как было отмечено, составляют в современной Сирии абсолютное большинство.

3.3. Мусульманская идентичность: особенности распространения ислама в современном сирийском обществе.

Как было показано в предыдущей главе, сирийское государство оказывало активную поддержку умеренному исламу. Если изначально это можно было оценить как выигрышную стратегию, позволившую перехватить контроль за религиозными социальными сетями у радикальных мусульман, то в 2000е годы стали ярко проявляться негативные последствия. Башар Асад продолжал политику своего отца, пропагандируя умеренный ислам через подконтрольных шейхов и удерживая мусульман политической деятельности. В 2001 году в интервью Der Spiegel он отметил, что создание исламской партии в Сирии принципиально невозможно, так как специфика сирийского общества обуславливает светский характер государства²³². Но, по-видимому, ресурсы, направленные на пропаганду умеренного ислама,

²³¹ Pipes D. Radical politics and the Syrian social nationalist party // International journal of the Middle East studies. 1998. Vol. 20, №3. P. 315.

²³² Interview with the president Bashar al Asad. Der Spiegel, 2001. URL: http://www.presidentassad.net/index.php?option=com_content&view=article&id=87:president-assad-der-spiegel-interview-july-9-2001&catid=93&Itemid=468 (дата обращения 27.08.2018).

оказались чрезвычайно велики, так как исламизация общества стала повсеместно проявляться на бытовом уровне. Если обратиться к данным Министерства Вакфов, то можно заметить, что количество мечетей, не имеющих государственного разрешения – иными словами, нелегальных, - существенно превосходит число лицензированных, почти в 5 раз – 1569 легальных против 7162 нелегальных²³³.

Провинция	Количество мечетей		В процессе постройки	В процессе лицензирования	Не построенные, с лицензией	Отношение нелегальных/легальных
	Легальные	Нелегальные				
Дамаск	371	122	11	17	7	0.32
Пригород Дамаска	182	591	95	15	18	3.24
Алеппо	450	1280	36	7	2	2.84
Латакия	85	195	3	6	-	2.29
Тартус	8	109	10	2	2	13.62
Хомс	150	421	-	-	-	2.8
Хама	91	670	23	15	-	7.36
Идлиб	74	960	34	114	-	12.9
Дей эз-Зор	27	1225	30	25	20	45.37
Ракка	19	435	23	6	5	22.89
Хасака	53	850	10	5	4	16.03

²³³ Khatib L. Islamic revivalism in Syria: The rise and fall of ba`athist secularism in Syria. Routledge, 2011. P. 129.

Кунейт ра	-	73	7	4	2	-
Дераа	61	230	42	25	20	3.77
Всего	1569	7162	324	241	80	4.56

Само существование нелегальных мечетей, появившихся еще при Хафезе Асаде, показывает очень лояльное отношение государства к религии, которое имело предсказуемые последствия. Следует отметить, что в данной таблице можно сразу заметить мятежные провинции Идлиб, Дейр эз-Зор, Ракку, Хасаку, где количество нелегальных мечетей на порядки превосходит легальные. Сирийские спецслужбы отмечают, что так как большинство нелегальных мечетей является, по сути, квартирными, то они знают о том, что там происходит, но контроль за этими местами осуществляется крайне слабый²³⁴. Однако эта ситуация как будто не беспокоила государство. В 2004 году, когда датский режиссер Тео ван Гог выпустил известные сатирические антиисламские мультфильмы, Сирия стала единственной страной, где антизападные демонстрации организовало именно государство, а не религиозные активисты. В 2006 правительство одобрило создание четырех исламских банков, одоббив для них капитализацию в три раза превосходящую нормы коммерческих банков, причем муфтий Сирии Бадр ад-Дин Хасун, выступавший на открытии Банка Шам, отметил, что по данным исследований 47% вкладчиков предпочитают пользоваться услугами именно исламских банков²³⁵. Лин Хатиб приводит слова одного бывшего высокопоставленного чиновника, который считает, что исламизация Сирии – это персональная заслуга Башара Асада: «Сирийская оппозиция, такая как сирийский Исламский фронт и движение бывшего вице-президента Абд аль-Халима Хаддама, никогда бы не появилась и не получила бы развития в Сирии. Недавние террористические атаки после прихода к власти Башара

²³⁴ Khatib L. Islamic revivalism in Syria: The rise and fall of ba`athist secularism in Syria. Routledge, 2011. P. 175-176.

²³⁵ Ibid. P. 135.

Асада с большой вероятностью не произошли бы... Мы не можем винить сирийскую политическую систему в этом, здесь ключевую роль сыграла личность президента и то, как он обращается с проблемами внутренней и внешней политики»²³⁶.

Потеря государственного контроля над мусульманской идентичностью сирийцев стала ярко проявляться на бытовом уровне – в Сирии стали появляться исламизированные пространства, преимущественно в районах расположения мечетей²³⁷. В этих районах магазины и кафе добровольно отказываются от продажи алкоголя, громкой музыки, люди не едят днем открыто в период Рамадана. Уличная пропаганда ислама со стороны локальных шейхов и джамаатов также становится мощным средством исламизации, особенно в женской среде. С одной стороны, женщины, состоящие в локальных исламских сообществах, легко могут искать новых сторонниц среди прохожих на улицах, так как женские джамааты априори воспринимаются как нерадикальные; с другой стороны женские сообщества обладают большими возможностями в области формирования общественного мнения и могут серьезно осложнить жизнь тем, кто отказывается от исламского образа жизни, объявляя неформальный бойкот²³⁸. В целом распространение исламизированного пространства в современной Сирии напоминает ключевые тезисы исламской пропаганды Саида Хаввы, идеолога боевой организации сирийских Братьев-мусульман. Его система борьбы против светского баасизма предполагала опору именно на рост исламизации снизу: активизация посещения мечетей, формирование локальных ячеек при мечетях и создание школ или образовательных кружков при них. Именно эта ситуация и наблюдалась в Сирии в 2000-е годы, но уже в принципиально новых условиях. Если в 1960-70-х годах братья мусульмане фактически поддерживали старую торговую и землевладельческую элиту против баасистов, имевших массовую поддержку населения, то теперь уже баасисты

²³⁶ Khatib L. Islamic revivalism in Syria: The rise and fall of ba'athist secularism in Syria. Routledge, 2011. P. 138.

²³⁷ Ibid. P. 177.

²³⁸ Ibid. P. 174.

вырастили свою элиту, теряя поддержку населения в пользу условных братьев-мусульман.

Помимо того, что сирийское государство стало терять контроль на исламской средой, оно также пропустило в эту среду иностранное влияние, в первую очередь, со стороны Саудовской Аравии. Наиболее ярко эта ситуация проявляется в киноиндустрии, где большой популярностью пользуется жанр сериалов – *musalsalat*. Государство фактически не занимается финансированием этого популярного направления, зато арабские спонсоры обладают в этом плане большими возможностями, что заставляет сирийских режиссеров искать финансирование в странах Залива. Каналы аль-Джазира и аль-Арабия активно покупают прокат сирийских сериалов, но в ответ ожидают выполнения определенных требований. Вот как описывает ситуацию известный сирийский сценарист Наджиб Нусаир: «Сирийские сериалы становятся абсолютно стерилизованными! Я помню сериал «Дворцовый квартал» в 1970-х, сирийский сериал, и в те времена не было никакой религиозной цензуры. В 1970-х и до того сирийского общество двигалось в сторону секуляризма, и этот сериал, «Дворцовый квартал», снятый Ала ад-Дином Кавакшем, строился вокруг проблемы женщины, забеременевшей вне брака, и ее последующего убийства. В то время, из-за общественных отношений, вы видели женщин в коротких юбках, с открытыми шеями, персонажей употреблявших алкоголь. Но сейчас, из-за финансирования из стран Залива, после появления спутникового телевидения, все это оказалось под запретом. Возьмите молодого человека, студента из Алеппо или Дамаска, его мать не может поцеловать его. Даже его мать! Запрещено снимать мужчину и женщину наедине в одной комнате»²³⁹. И это только один из примеров того, как банкротство национального государства не происходит только в экономической сфере – оно влечет за собой банкротство идеологическое. В условиях высокой безработицы

²³⁹ Salamandra C. Creative compromise: Syrian television makers between secularism and Islamism // Contemporary Islam. 2008. Vol. 2. P. 181.

помимо уже известной сирийской эмиграции стал формироваться мощный поток рабочей миграции в Ливан и страны Залива. В 2010 году в Саудовской Аравии работало 700 тыс. сирийцев, в Кувейте – 500 тыс., в ОАЭ – 150 тысяч²⁴⁰. Низкоквалифицированный труд привлекал преимущественно население из бедных аграрных провинций – Дераа, Идлиб, Ракка, Дейр эз-Зор. Страны залива, являясь мусульманскими, в то же время существенно отличаются от Сирии в бытовом плане. Миграция давала возможность сирийцам познакомиться и приспособиться к более жесткой версии ислама, которая уже не отрицала существования шиизма, алавизма, друзизма, не замалчивала их, а напрямую объявляла их ересью. В Саудовской Аравии мигранты-сунниты, естественно, посещали мечети, где попадали в сферу влияния саудовских проповедников и становились уязвимыми для идей салафизма.

Однако результаты влияния более ортодоксальных версий ислама неоднозначны и стоит рассмотреть развитие сирийской войны, которое дает представление о состоянии этих процессов. Несмотря на проникновение радикального ислама в Сирию, он не так активно проявляет себя в процессе боевых действий. В течение первых двух лет войны были сформированы светские оппозиционные институты, основным и, по сути, единственным из которых стал Сирийский национальный совет, преобразованный в 2013 году в сирийское правительство в изгнании. Также изначально основу сопротивления составляли силы Свободной сирийской армии, которая позиционировала себя как светская организация. Однако по мере развития ситуации ислам стал играть все более важную роль, и уже в 2013 году на первый план вышли такие группировки как Джейш аль-Ислам и Джебхат ан-Нусра. Владимир Ахмедов пишет, что сирийский салафизм развивался преимущественно за границей и стал набирать силу в Сирии по мере

²⁴⁰ Seeberg P. Migration and non-traditional security issues in the MENA-region: the case of pre-revolt Syria. Center for Mellemostudier, 2012. P. 9.

осознания нерезультативности светской оппозиции²⁴¹. Исламизацию сирийской оппозиции связывают ее спонсорами, среди которых важное место занимают Саудовская Аравия, Катар и Турция, однако следует отметить такую важную особенность сирийской войны, как отсутствие масштабных актов геноцида. Об опасности геноцида неоднократно упоминали с первых дней конфликта, в виду полирелигиозного состава сирийского населения, особые опасения высказывались в отношении сирийских христиан. Однако свидетельств массовых убийств на почве религиозной нетерпимости в Сирии практически не наблюдается²⁴². Призывы ООН остановить геноцид в Сирии связаны, прежде всего, с действиями сирийского правительства, которые касаются всего населения, а не отдельных религиозных групп. Если рассматривать более широкий региональный контекст, то акты геноцида присутствуют, но они связаны преимущественно с Исламским государством, которое является международной, а не сирийской группировкой – например, геноцид курдов-езидов в Синджаре 2014 года (Ирак) или геноцид ассирийцев в провинции Хасака 2015 года. С точки зрения именно сирийских межконфессиональных отношений более показательной является ситуация с христианскими кварталами Хомса 2012 года, где сирийская группировка «Бригады Фарука» выселила большинство христианского населения города. Христианское население в Хомсе в 2012 сократилось со 160 тыс. человек до 1 тыс., многие бежали, опасаясь погромов, но погромов так и не произошло²⁴³. «Бригады Фарука» были более заинтересованы в имуществе христиан, чем в удовлетворении личной межрелигиозной неприязни, выдвинув христианам ультиматум покинуть город немедленно и без вещей²⁴⁴. Нельзя отрицать, что

²⁴¹ Ахмедов В.М. Салафиты и вооруженный конфликт в Сирии // Поиск. Альтернатива. Выбор. 2016. №3. URL: <http://newknowledge.ru/projects/pav/3-3-avgust-2016/salafity-i-vooruzhenny-konflikt-v-sirii/> (дата обращения 27.08.2018).

²⁴² O'Bagy E. Jihad in Syria. Middle East security report, 2012. P. 38.

²⁴³ Are Islamist targeting Christians in Homs? // Catholic culture, 2012. URL: <https://www.catholicculture.org/news/headlines/index.cfm?storyid=13804> (дата обращения 27.08.2017).

²⁴⁴ Abuse of the opposition forces, "ethnic cleansing" of Christians in Homs, where Jesuits remain // Agenzia Fides, 2012. URL: <http://www.fides.org/en/news/31228?idnews=31228&lan=eng> (дата обращения 27.08.2017).

такие группировки как Исламское государство практикуют радикальный подход к проблеме меньшинств на Ближнем Востоке, но ситуация в Хомсе также может свидетельствовать о том, что сирийские мусульмане уже не видят в меньшинствах угрозу и не ощущают соперничества с их стороны, за исключением сообщества сирийских алавитов. Популярный лозунг сирийской оппозиции: «Алавитов в землю, христиан – в Бейрут». С одной стороны, это можно воспринимать как результат государственной пропаганды умеренного ислама, но более вероятно, что это результат сочетания искусственных и естественных факторов. Рост мусульманского населения Сирии привел к подавляющему численному превосходству мусульман-суннитов над всеми этническими и религиозными меньшинствами, в то время как государство обеспечило абсолютное доминирование мусульманской идентичности в информационном поле, что приводит к этнической и религиозной консолидации сирийского народа.

Радикальный ислам присутствует в Сирии, но среди сирийских группировок радикальная салафитская идеология не является определяющей. Это спорное утверждение, если учесть, что в целом сирийская оппозиция уже давно воюет под черными и зелеными знаменами радикального ислама и опирается на поддержку известных спонсоров исламского терроризма. Однако именно иностранная поддержка – давление спонсоров и активное участие иностранных радикальных исламистов, - не позволяют оценить подлинное состояние мусульманской идентичности в Сирии. В период войны на первый план вышли такие радикальные группировки как Ахрар аш-Шам, Джейш аль-Ислам, Джебхат ан-Нусра, они выступают за создание сирийского государства на основе шариата. Но если сравнивать их с группировкой Исламское государство, которая в полной мере отражает современную салафистскую идеологию на Ближнем Востоке, то можно найти существенные отличия. Так бывший лидер Джейш аль-Ислам, Захран Аллюш, выступал за создание демократического исламского правительства в Сирии, предлагал христианам защиту со стороны группировки и даже

заявлял о том, что алавиты являются жертвой режима Асада²⁴⁵. Группировка Джебхат ан-Нусра в провинции Идлиб принуждала локальное сообщество друзей разрушить свои святыни и принять ислам²⁴⁶, что отличает ее Исламского государства, которое считает, что друзья должны быть физически уничтожены²⁴⁷. Группировка Ахрар аш-Шам в свою очередь заявляет о принципиальных идеологических расхождениях с Исламским государством и считает, что поддержка Исламского государства противоречит законам шариата, отрицая свои связи с радикальными террористическими группировками²⁴⁸. Если рассматривать сирийскую войну в широкой перспективе, то можно заметить, что борьба между группировками оппозиции и сирийским правительством ведется в пределах урбанизированной зоны Алеппо-Хама-Хомс-Дамаск-Дераа, в то время как Исламское государство легко захватило контроль над сирийской пустыней, но так и не смогло закрепиться в урбанизированной зоне. Это подтверждает тезис о различии между сирийской городской культурой и арабской сельской/кочевой, который был высказан сирийским интеллектуалами в рамках интервью, и граница между этими общностями, как было отмечено, может быть проведена по границе сирийской пустыни.

Сейчас уже можно утверждать, что в будущем исламская идентичность в Сирии будет играть ключевую роль, это результат демографических процессов, а деятельность радикальных исламских группировок выглядит как их неизбежный результат. Однако оценить то, каким будет сирийский ислам после войны, пока представляется невозможным. С большой степенью

²⁴⁵ Tsurkov E. Jaysh al-Islam: rebels at the gates of Damascus // The forum for regional thinking. 2016. URL: <http://www.regthink.org/en/articles/jaysh-al-islam-rebels-at-the-gates-of-damascus> (дата обращения 27.08.2017).

²⁴⁶ Al-Qaeda forces Druze of Idlib to destroy their shrines and convert // YaLibnan News. 2015. URL: <http://yalibnan.com/2015/03/19/al-qaeda-forces-druze-of-idlib-syria-to-destroy-their-shrines-and-convert/> (дата обращения 27.08.2017).

²⁴⁷ Rikab W. The plight of Syria's Druze minority and US options // Syria comment. 2015. URL: <https://www.joshualandis.com/blog/the-plight-of-syrias-druze-minority-and-u-s-options/> (дата обращения 27.08.2017).

²⁴⁸ Heller S. How Ahrar ash-Sham has come to define the kaleidoscope of the Syrian civil war // War on the rocks. 2015. URL: <https://warontherocks.com/2016/06/how-ahrar-al-sham-has-come-to-define-the-kaleidoscope-of-the-syrian-civil-war/> (дата обращения 27.08.2017).

вероятности, шариат будет играть большую роль, чем в довоенной Сирии, где он был обозначен источником права в конституции страны, но во многом лишь номинальным. Однако также нельзя однозначно утверждать, что шариат будет существовать в той жесткой форме, которая привносится из стран Залива, так как сирийцы сохраняют представления о своей собственной урбанизированной культуре, которой присуща существенно большая степень толерантности.

В рамках данной главы были рассмотрены две формы идентичности сирийцев, которые стали набирать силу в начале XIX века – сирийский национализм и новый ислам. На первый взгляд, они представляются взаимоисключающими. Национализм является светской идеологией и выходит из городской культуры, крайней версией которой в случае Сирии является Ливан, откуда вышли многие идеологи арабского национализма и основатель ССПН Антун Сааде. С другой стороны, ортодоксальный ислам, особенно в своей радикальной версии, полностью отрицает секуляризм и гражданское право, предлагая шариатское право. При этом он также является для Сирии импортным, базируясь, преимущественно, в Саудовской Аравии, где до сих пор сохраняются бедуинские племенные структуры, имеющие свою проекцию в Сирийской пустыне. Однако этот конфликт необязательно приведет к победе и доминированию лишь одной из этих идентичностей, так как они не являются взаимоисключающими. Один из информаторов Лин Хатиб описывает причины распространения ислама в Сирии следующим образом: «Мы все несем ответственность за наше будущее и нашу судьбу перед нашими семьями или обществом, и, тем не менее, практически все аспекты нашей жизни оказываются вне нашего контроля. В мире, где наше участие иллюзорно, несмотря на все утверждения, что наше новое молодое поколение получило огромные возможности благодаря распространению технологий и Интернета, только религия является значимой. Волонтерство и работа с исламскими фондами, посещение мечети дают нам хоть какую-то

степень контроля, если не над нашей земной жизнью, то хотя бы над жизнью загробной»²⁴⁹. Как можно заметить, такая мотивация действительно объясняет распространение бытового ислама, но отнюдь не свидетельствует о его принципиальной радикализации и массовом стремлении к формализации салафистских догматов в виде нового халифата.

Сейчас в Сирии насчитывается сотни тысяч бойцов исламских группировок, также как и сирийское светское правительство, несмотря на использование наемных и иностранных подразделений, сохраняет сотни тысяч сторонников. Однако за скобками остается проблема сирийских беженцев, широко известная только отчасти, в аспекте нелегальной иммиграции в Евросоюз. По оценкам ООН, количество беженцев, покинувших Сирию, на 2017 год составляло около 6 миллионов человек – примерно 30% населения²⁵⁰. Помимо того, что эти цифры не учитывают тех людей, которые не заявляли о статусе беженца, и в процентном, и в количественном отношении это число выходит далеко за рамки сравнения с подобными конфликтами на Ближнем Востоке – для примера, количество иракских беженцев оценивается в 2 млн. при численности населения 37 млн. человек²⁵¹. Можно сказать, что сирийцы никак не ассоциируют себя с этой войной и с современной Сирией в целом. У них нет чувства сопричастности, патриотизма, которое должна генерировать национальная идентичность, что может рассматриваться как результат провальной политики по конструированию национальной идентичности на основе арабского национализма. Как показывают интервью, отрицания своего происхождения они не демонстрируют, но ассоциируют себя скорее с территорией, языком и культурой, фатальной угрозы которым они не ощущают, а не с тем государственным образованием, которое на ней существует.

²⁴⁹ Khatib L. Islamic revivalism in Syria: The rise and fall of ba`athist secularism in Syria. Routledge, 2011. P. 211.

²⁵⁰ Syria Regional Refugee Response – Overview. UNHCR Syria Regional Refugee Response. December 2017. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria> (дата обращения 27.08.2017).

²⁵¹ Mowafi H. The Iraqi refugee crisis: familiar problems and new challenges // JAMA Network. 2008. URL: <https://jamanetwork.com/journals/jama/article-abstract/181353> (дата обращения 27.08.2017).

В будущем миллионы сирийцев, возможно, вернуться на родину, однако уже сейчас этот миграционный поток начинает генерировать побочные эффекты, которые могут трансформировать базовые, исторические основы устройства Сирии как места смешения этносов и культур. Программа национального примирения, которой российские средства массовой информации уделяли большое внимание в 2017 году, была ими вскоре забыта, так как ее результаты в виде более 2 тыс. «примирившихся населенных пунктов» (лето 2017 года)²⁵² фактически не оказывают влияния на ход боевых действий. Если мелкие населенные пункты относительно легко меняют свою лояльность, то захвату крупных городов всегда сопутствовали осада и штурм, вслед за которыми идет процесс фильтрации населения. В последние годы сирийское правительство вместо примирения предлагает местным боевикам миграцию в провинцию Идлиб. Так, в результате договоренностей после взятия Алеппо осенью 2016 года, по данным Красного креста, было эвакуировано около 25000 тысяч человек²⁵³. В ходе взятия Думы, пригорода Дамаска, в Идлиб переехали 1300 боевиков с семьями²⁵⁴, 1400 уже эвакуированы из Дераа²⁵⁵. Эти данные выглядят незначительными на фоне общей численности населения, но они лишь отражают общий тренд – в силу слабого контроля за сирийской территорией невозможно сказать, сколько семей сменили свое место проживания за годы войны – десятки тысяч в данном случае только нижняя оценка, фрагментарные данные. Неизвестно, к чему приведет концентрация оппозиционных мусульман-суннитов в Идлибе со всей страны, которую сейчас поощряет сирийское правительство. Также неизвестно, кто займет освободившиеся территории. Существует информация, что Иран планирует

²⁵² Комитеты национального примирения в Сирии провели первую совместную видеоконференцию // РИА Новости. 2017. URL: <https://ria.ru/syria/20170831/1501437565.html> (дата обращения 27.08.2017).

²⁵³ IRCS says total of 25000 evacuated from Aleppo // Reuters. 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-evacuation-idUSKBN149108> (дата обращения 27.08.2017).

²⁵⁴ Rebel Syrian fighters evacuated from Douma // WWLP News. 2018. URL: <https://www.wwlp.com/world/rebel-syrian-fighters-evacuated-from-douma/1094327946> (дата обращения 27.08.2017).

²⁵⁵ Rebels, families begin evacuating Deraa city as part of ceasefire deal // France 24. 2018. URL: <http://www.france24.com/en/20180715-syria-rebels-families-begin-evacuating-deraa-city-part-syria-ceasefire-deal-assad> (дата обращения 27.08.2017).

не только экономическую, но физическую колонизацию, обещая своим добровольцам возможность получения земли в Сирии, стремясь создать зону доминирования шиитов через Ирак до Ливана, однако она существует только в виде слухов, без каких-либо доказательств²⁵⁶. Долгосрочные результаты этих миграционных процессов еще предстоит исследовать, но уже сейчас очевидно, что они не пройдут без последствий для Сирии и региона в целом.

²⁵⁶ Chulov M. Iran repopulates Syria with shia muslims to help tighten regime`s control // The Guardian. 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jan/13/irans-syria-project-pushing-population-shifts-to-increase-influence> (дата обращения 27.08.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сирия, как одна из наиболее развитых частей арабского мира, стала родиной арабского национализма в конце XIX века, среди идеологов этого движения сирийцы и ливанцы составляли абсолютное большинство. Великое арабское восстание против Османской империи, зародившись на Аравийском полуострове, направило свои силы именно в Сирию, где в 1918 году было учреждено первое арабское национальное государство под руководством Файсала ибн-Хусейна. Однако, фактически сирийское общество, даже опережая в развитии остальные арабские территории империи, оказалось не готово к национальной идеологии. Помимо того, что арабский национализм имел ряд врожденных проблем и противоречий, главным из которых была его оппозиция к исламской идентичности, являвшейся неотъемлемой частью идентичности арабской, сама социальная и этническая структура Сирии была чуждой национальной идентичности. Население имело слабое национальное сознание и было разделено на ряд этнических и конфессиональных групп, которые находились в оппозиции к большинству арабов-суннитов. Национальная элита Сирии, являясь носителем идеологии арабского национализма, была политически раздроблена и отделена от своей социальной базы, так как суннитская часть населения симпатизировала радикальному исламу, в то время как сама национальная идеология выходила из кругов интеллектуалов-христиан.

После учреждения независимого государства в 1946 году сирийское общество вошло в период турбулентности, который стал следствием масштабных перемен. Основным драйвером изменения общества стал взрывной рост населения. Существуют различные оценки довоенной численности населения Сирии, они колеблются в районе 20 млн. человек, что соответствует росту как минимум в 10 раз по отношению к переписи 1921 года. Уже в середине XX века количественный рост перешел в качественный.

С одной стороны, сам по себе рост населения нивелировал фактор этноконфессиональной раздробленности: недостаточно крупные сообщества, например, друзы, перестали быть заметными на фоне миллионов арабов-суннитов, а крупные сообщества утратили свою самобытность. Можно сказать, что рост населения способствовал этноконфессиональной консолидации сирийского общества, способствовал росту национального самосознания. С другой стороны, сирийское общество стало массовым, что проявилось в различных аспектах. Массовое общество не может сохранять племенную идентичность уже в силу своего масштаба. Массовое общество уничтожает замкнутые меньшинства, которые раньше могли жить изолированно из-за труднодоступности горных районов Сирии. Массовое общество требует количественного и качественного роста государственных институтов для поддержания своей жизнедеятельности, что ведет к тому, что государство уже не только отвечает потребностям общества, а превращается в самоценную, критически важную структуру, которая определяет тренд социального развития.

Особая роль государства не подчеркивается в конструктивистских теориях национализма, но напрямую следует из них, так как не случайно расцвет национальных государств в XX веке совпал с наиболее масштабными идеологическими государственными социальными экспериментами. В арабском мире примером такого эксперимента стала концепция арабского социализма, которую пытались реализовать, в том числе, и в Сирии. Неспособность старых элит справиться с взрывным ростом населения и обострившимися социальными конфликтами привела к власти Партию арабского социалистического возрождения (Баас). Баасисты, вдохновляясь примером западных социальных революций, попытались в короткий срок реформировать Сирию. В 1963-1970 году были созданы системы здравоохранения и общего среднего образования, социального страхования и пенсионного обеспечения, государственный аппарат вырос с 20 тыс. в 1950х до более 250 тыс. в 1970х годах. Таким образом, баасисты

смогли получить современные инструменты управления обществом и использовали их для его преобразования в соответствии с доктриной арабского национализма.

Использование этих инструментов ярко проявилось в системе образования, так как всеобщее среднее образование является одной из наиболее важных систем социализации в современном обществе и одной из первых ступеней ретрансляции базовых ценностей и паттернов восприятия и оценки окружающего мира. В данной диссертационной работе наибольший интерес представляет курс национальной истории, где в полной мере проявляется доктрина арабского национализма. Основные положения этой доктрины в учебниках истории:

- Сирия равноправная часть арабского мира, что уменьшает значимость ее истории до уровня других арабских стран. Это ведет к тому, что Сирия в сирийских учебниках имеет минимальный приоритет над другими арабскими странами и ее история занимает лишь четверть общего материала.

- Сирийское общество практически лишено субъектности на протяжении арабской истории и получает ее лишь в рамках короткого периода современной истории после распада Османской империи. Подлинным субъектом курса истории является арабская нация в своей совокупности локальных обществ, что полностью игнорирует древность истории сирийского общества.

- В рамках арабской нации Сирия имеет свою особую роль, позволяющую претендовать на первенство в арабском мире. В узком смысле эта роль заключается в поддержке палестинского освободительного движения и конфронтации с Израилем. Здесь Сирия демонстрирует отказ от локальных национальных интересов во имя общего блага и выступает защитницей арабской нации. В широком смысле, Сирия претендует на роль центра арабского мира, так как помимо защиты арабской нации от западного колониализма и еврейской оккупации она обладает Дамаском – наиболее значимым не религиозным, но национальным центром, - а также является

родиной многих арабских просветителей и исторически была центром арабской борьбы за независимость.

Таким образом, сирийский арабский национализм выступал за отказ от своей локальной национальной идентичности во имя первенства в рамках арабской нации. В учебниках истории эта идея выражается аллегорически, в практическом плане она нашла отражение в баасистских социальных реформах, на пике которых, в 1963-1970 годах, баасисты стремились уничтожить исламскую идентичность, племенные структуры, этнические меньшинства, доминирование крупной земельной аристократии. Тем не менее, сирийское общество сохраняло сильную консервативную исламскую идентичность, что способствовало возникновению исламской оппозиции и вооруженному восстанию исламистов в конце 1970х годов. В то же время сохранение этноконфессиональных идентичностей привело к формированию клановых блоков в армии и внутри самой партии, и захвату власти группировкой алавитов во главе с Хафезом Асадом в 1970 году. Реформы баасистов не могли быть завершены. Хафез Асад, будучи баасистом, был также главой клана алавитов, что привело к формированию двойственной структуры сирийского государства. С одной стороны, достижения баасистов были сохранены там, где это было возможно: были сохранены современные государственные институты, основой государства оставался созданный баасистами средний класс, объединенный партийными организациями и профсоюзами, образование оставалось работающим социальным лифтом, арабский национализм оставался официальной государственной идеологией. С другой стороны, Хафез Асад отказался от форсированного насаждения арабского национализма и уничтожения этнических и религиозных субидентичностей: он взял курс на включение этноконфессиональных групп в сирийское государство на основе компромиссов и декларативной лояльности с их стороны. Тем не менее, исламская идентичность стала объектом особого внимания, так представляла серьезную опасность для алавитского режима. Государство, понимая особую роль ислама в арабском

мире, приняло ряд мер для того, чтобы поставить под контроль сирийских мусульман. Стратегия Хафеза Асада состояла в замене стихийных исламских движений на специальную, государственную версию ислама, которая была очищена от конфликтных элементов: она игнорировала существование различных версий ислама – шиизма и суннизма, а также сект алавитов, друзов, исмаилитов. На распространение государственного ислама были направлены все доступные государственные ресурсы. Пропаганда начиналась со школьного курса ислама, продолжалась в средствах массовой информации и мечетях, где действовали только одобренные государством проповедники. Стремясь показать свою приверженность к исламу, Хафез Асад создал ряд фондов и религиозных институтов, которые не должны были допустить создания альтернативных радикальных исламских структур. Для примирения с суннитским сообществом Хафез Асад принес в жертву алавитскую идентичность, стремясь показать принадлежность алавитов к мусульманам. Таким образом, в результате баасистской модернизации и Коррекционного движения Хафеза Асада, сирийское общество приблизилось к нации в модернистской парадигме – суверенному моноэтничному государству, основанному на среднем классе, идеологии арабского национализма и государственной религии в виде стерилизованной формы ислама.

Проблема арабского национализма как основы для сирийской идентичности состояла в том, что к 1963 году эта идеология уже начала терять свою популярность. Пик панарабских настроений можно связать с образованием союзного государства Египта, Сирии и Йемена, когда националисты наиболее близко подошли к своей мечте о едином арабском государстве на Ближнем Востоке. Поражения в двух арабо-израильских войнах 1967 и 1973 годов практически совпали с периодом наиболее активных баасистских реформ, начальными этапами длительной государственной пропаганды арабского национализма в Сирии – таким образом, эта концепция была изначально мертва. В то же время,

современный радикальный ислам был еще далек от своей фазы подъема и ресурсы, брошенные на пропаганду государственного ислама дали неожиданно высокие результаты. Современный сирийский конфликт и анализ предвоенного состояния исламской идентичности в Сирии показывают, что попытки контроля за исламской идентичностью провалились, и государство своими усилиями фактически помогло исламизации сирийского общества.

Анализ современного состояния сирийской национальной идентичности показывает практически полное отсутствие панарабской компоненты. Если на уровне бытовых представлений арабы еще могут восприниматься как общность, отдельная от других общностей по культуре, то мечты о единстве арабов полностью опровергаются фактами сирийской войны. В этой ситуации «врожденные» представления о самостоятельной сирийской нации, описанные в работах основателя Сирийской социал-национальной партии Антуна Сааде, обретают новые перспективы. Это находит отражение в активном участии боевого крыла ССНП в современном конфликте, тесные связи партии с сирийским руководством и симпатии к этой концепции со стороны сирийских интеллектуалов при том, что они в большинстве своем не знакомы с работами Сааде. Однако ситуация осложнена практически полным идеологическим доминированием радикального ислама в рядах сирийской оппозиции. Салафитский ислам не является культурно близким Сирии, где сложилась культура толерантности по отношению к различным конфессиям, и был традиционно силен ислам суфийского толка, в частности тарикат Накшбанди, к которому принадлежал бывший Ахмад Кафтару, бывший муфтием Сирии с 1963 по 2004 год. Однако в современный конфликт в перспективе может изменить базовые основы сирийского общества. Уже во второй половине XX века тренд этноконфессиональной консолидации привел к абсолютному доминированию суннитского ислама среди сирийцев. Современный этноконфессиональный состав Сирии фактически неизвестен, так как

существуют значимые объективные проблемы его оценки. Меньшинства Сирии, составлявшие ранее в совокупности до 40% населения становятся статистически незначимыми, в то время как исламизация происходит уже не на государственном, а на бытовом уровне, имея свои корни в бедности и высокой безработице. Беспрецедентный масштаб исхода сирийских беженцев опустошает страну, открывая возможности для радикального изменения ее этноконфессионального состава. Неизвестно, насколько сирийское руководство осознает последствия своих действий, когда пытается избавиться от нелояльного населения, депортируя его на территорию оппозиции в провинции Идлиб. Официальная позиция наиболее ярко выражается в словах главы разведки ВВС Сирии: «Лучше иметь 10 миллионов лояльных граждан, чем 30 миллионов вандалов»²⁵⁷. И если часть из этих 10 миллионов окажется иранскими шиитами они, возможно, не возражают.

Национальная история занимает важное место в работах Хобсбаума, Андерсона, Геллнера, Смита. Ее роль понимают и современные сирийцы: сирийское национальное правительство в изгнании уже проводит ревизию сирийских учебников, стремясь избавиться от баасистской пропаганды и упоминаний режима семьи Асадов²⁵⁸. Однако новые попытки вмешательства в национальное сознание, возможно, заранее обречены на провал. Сирийский конфликт предоставил одну из уникальных возможностей наблюдения за практическим применением идеологической социальной инженерии. В короткие периоды времени создавались государственные структуры сирийской оппозиции, курдского сообщества, «террористическое» Исламское государство в Сирии и Ираке. Все эти попытки основывались на больших надеждах и иностранной организационной поддержке и также

²⁵⁷ 10 million trustworthy people are better than 30 million vandals // Syria daily. 2018. URL: <https://eaworldview.com/2018/08/syria-daily-10-million-trustworthy-people-better-than-30-million-vandals/> (дата обращения 27.08.2018).

²⁵⁸ Al-Jablawi H. Syrian conflicting powers develop separate education curriculums // Atlantic Council, 2015. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/syriasource/syria-s-conflicting-powers-develop-separate-education-curriculums> (дата обращения 27.08.2018).

быстро исчезали из поля зрения средств массовой информации, когда нужда в них пропадала по различным причинам. Все они показали, что социальная инженерия, не подкрепленная объективной экономической основой, является интересным, но бесполезным инструментом. Государство Хафеза Асада, было, по выражению Р. Хиннебуша, государством-консенсусом. Его тридцатилетнее правление основывалось на среднем классе, сформировавшемся в результате экономического роста в период модернизации экономики и общества. Современная Сирия все еще далека от консенсуса, ее экономический рост невозможен в условиях того, что у нее нет спонсоров, готовых обеспечить хотя бы восстановления ее экономики. Работы конструктивистов о национализме в целом относились к обществам периода экономического роста XIX-XX веков – периода роста населения, научного и технического прогресса. Развитие национальной идентичности в период спада остается неисследованной проблемой.

Список источников и литературы

1. Источники

1.1. Сирийские и международные официальные документы, отчеты международных организаций.

1. The constitution of the Ba`ath Arab Socialist Party. 1947. URL: <https://web.archive.org/web/20050203235613/http://baath-party.org:80/eng/constitution.htm> (дата обращения 27.08.2018).
2. Human Rights Watch Report. Silenced Kurds. 1996. URL: <http://www.hrw.org/reports/1996/Syria.htm> (дата обращения 27.08.2018).
3. San Remo Conference resolution. 1920. URL: http://ecf.org.il/media_items/299 (дата обращения 27.08.2018).
4. Van de Veen J. Report to the steppe Directorate: Grazing Trial, Wadi Al 'Azib Range and Sheep Experimental Station, 1963-1966. – Rome: Food and Agriculture Organization, 1967.

1.2. Учебники истории министерства образования САР.

5. Тарих. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-сабаи. (История. Учебник 7 класса). – Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. – 117 с.
6. Тарих. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-самини. (История. Учебник 8 класса). – Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. – 105 с.
7. Тарих аль-ватан аль-араби аль-хадис уаль-муасар. Китаб ат-талиби, ас-саф ат-тасиу аль-асаси. (История арабской родины древняя и современная. Учебник 9 класса). – Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. – 129 с.

8. Тарих аль-хадарат. Китаб ат-талиби, ас-саф аль-ауаль ас-санауи. (История цивилизаций. Учебник 10 класса). – Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. – 181 с.
9. Тарих аль-алям аль-хадис аль-муасар. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-сани ас-санауи. (Мировая история древняя и современная. Учебник 11 класса). – Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. – 220 с.
10. Тарих аль-ватан аль-араби аль-хадис уаль-муасар. Китаб ат-талиби, ас-саф ас-саляси ас-санауи уаль-адаби. (История арабской родины древняя и современная. Учебник 12 класса). – Дамаск: Издательство Министерства образования САР, 2010. – 221 с.

1.3. Новостные заметки, репортажи, интервью, аналитика.

11. Комитеты национального примирения в Сирии провели первую совместную видеоконференцию // РИА Новости, 31.08.2017. URL: <https://ria.ru/syria/20170831/1501437565.html> (дата обращения 27.08.2017).
12. Abuse of the opposition forces, “ethnic cleansing” of Christians in Homs, where Jesuits remain // Agenzia Fides, 21.03.2012. URL: <http://www.fides.org/en/news/31228?idnews=31228&lan=eng> (дата обращения 27.08.2017).
13. Al-Qaeda forces Druze of Idlib to destroy their shrines and convert // YaLibnan News, 19.03.2015. URL: <http://yalibnan.com/2015/03/19/al-qaeda-forces-druze-of-idlib-syria-to-destroy-their-shrines-and-convert/> (дата обращения 27.08.2017).
14. Are Islamist targeting Christians in Homs? // Catholic culture, 27.03.2012. URL: <https://www.catholicculture.org/news/headlines/index.cfm?storyid=13804> (дата обращения 27.08.2017).

15. Chulov M. Iran repopulates Syria with shia muslims to help tighten regime`s control // The Guardian, 14.01.2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jan/13/irans-syria-project-pushing-population-shifts-to-increase-influence> (дата обращения 27.08.2017).
16. Heller S. How Ahrar ash-Sham has come to define the kaleidoscope of the Syrian civil war // War on the rocks, 06.06.2015. URL: <https://warontherocks.com/2016/06/how-ahrar-al-sham-has-come-to-define-the-kaleidoscope-of-the-syrian-civil-war/> (дата обращения 27.08.2017).
17. Interview with the president Bashar al-Asad // Der Spiegel, 09.07.2001. URL: http://www.presidentassad.net/index.php?option=com_content&view=article&id=87:president-assad-der-spiegel-interview-july-9-2001&catid=93&Itemid=468 (дата обращения 27.08.2018).
18. IRCS says total of 25000 evacuated from Aleppo // Reuters, 20.12.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-evacuation-idUSKBN149108> (дата обращения 27.08.2017).
19. Jablawi H. Syrian conflicting powers develop separate education curriculums // Atlantic Council, 23.12.2015. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/syriasource/syria-s-conflicting-powers-develop-separate-education-curriculums> (дата обращения 27.08.2018).
20. Landis J. The Syrian uprising of 2011: Why Asad regime is likely to survive to 2013 // The Middle East Policy Council, Vol.19. 2012. URL: <https://www.mepc.org/syrian-uprising-2011-why-asad-regime-likely-survive-2013> (дата обращения 27.08.2018).
21. Mahamid J. Syria`s frail economy: before and after the revolution // Al-Arabiya institute, 01.04.2013. URL: <http://english.alarabiya.net/en/perspective/alarabiya-studies/2013/04/01/Syria-s-frail-economy-before-and-after-the-revolution.html> (дата обращения 27.08.2018).

22. McDonald J. The Syrian social nationalist party expansion in Syria. // Syria Comment, 22.04.2018. URL: <https://www.joshualandis.com/blog/the-syrian-social-nationalist-partys-ssnp-expansion-in-syria-by-jesse-mcdonald-jjmcdonald10/> (дата обращения 27.08.2018).
23. Rebel Syrian fighters evacuated from Douma // WWLP News, 02.04.2018. URL: <https://www.wwlp.com/world/rebel-syrian-fighters-evacuated-from-douma/1094327946> (дата обращения 27.08.2017).
24. Rebels, families begin evacuating Deraa city as part of ceasefire deal // France 24, 15.07.2018. URL: <http://www.france24.com/en/20180715-syria-rebels-families-begin-evacuating-deraa-city-part-syria-ceasefire-deal-assad> (дата обращения 27.08.2017).
25. Rikab W. The plight of Syria`s Druze minority and US options // Syria comment, 09.09.2015. URL: <https://www.joshualandis.com/blog/the-plight-of-syrias-druze-minority-and-u-s-options/> (дата обращения 27.08.2017).
26. Samaha N. Eagles of the whirlwind // Foreign policy, 28.03.2016. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/03/28/the-eagles-of-the-whirlwind/> (дата обращения 27.08.2018).
27. Syria Regional Refugee Response – Overview. UNHCR Syria Regional Refugee Response. December 2017. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria> (дата обращения 27.08.2017).
28. 10 million trustworthy people are better than 30 million vandals // Syria daily, 03.08.2018. URL: <https://eaworldview.com/2018/08/syria-daily-10-million-trustworthy-people-better-than-30-million-vandals/> (дата обращения 27.08.2018).
29. Tsurkov E. Jaysh al-Islam: rebels at the gates of Damascus // The forum for regional thinking, 26.08.2016. URL: <http://www.regthink.org/en/articles/jaysh-al-islam-rebels-at-the-gates-of-damascus> (дата обращения 27.08.2017).
30. Zambelis C. Asad`s hurricane: a profile of the paramilitary wing of the Syrian social nationalist // The Jamestown Foundation, 20.03.2014. URL:

<https://jamestown.org/program/assads-hurricane-a-profile-of-the-paramilitary-wing-of-the-syrian-social-nationalist-party/> (дата обращения 27.08.2018).

4. Литература.

31. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.
32. Ахмедов В.М. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. – М., 2002. – 400 с.
33. Ахмедов В.М., Исаев В.А., Филоник А.О. Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада. – М., 2000. – 248 с.
34. Ахмедов В.М. Салафиты и вооруженный конфликт в Сирии // Поиск. Альтернатива. Выбор. 2016. №3. URL: <http://newknowledge.ru/projects/pav/3-3-avgust-2016/salafity-i-vooruzhennyi-konflikt-v-sirii/> (дата обращения 27.08.2018).
35. Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. – М., 2003. – 172 с.
36. Ахундова Н.Ч. Сирия и Ирак под властью ПАСВ. – Баку, 2000. – 278 с.
37. Белова А.Г. Введение в арабскую филологию. – М. 2003. – 67 с.
38. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
39. Лоуренс Т.Э. Семь столпов мудрости. – М., Алгоритм, 2014. – 352 с.
40. Косач Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории: [сб. статей] / РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – М.: Наука, 2007. – С. 259-331
41. Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. – М., 1988. – 224 с.

42. Луцкий В.Б. Национально-освободительная война в Сирии (1925-1927). – М., 1964.
43. Малышева Д.Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран. – М, 1986.
44. Минорский В.Ф. История курдов. – Петроград, 1915. – URL: <http://www.countries.ru/library/orient/iraq/kurds.htm> (дата обращения 27.08.2018).
45. Ранчинский В.П. Радикальные молодежные организации Сирии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №10(98). С. 76-82.
46. Рыбаков С.Е. Национализм и нация // Этнографическое обозрение. 1999. №4. С. 3-17.
47. Саутов В.Н. Алавиты в общественно-политической жизни Сирии (40 - 90-е годы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2001. – 212 с.
48. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий национализма. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
49. Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. №9. С. 3-26.
50. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М.: Высшая школа, 1992. – 351 с.
51. Филиппов А.А. Концепция арабского национализма в идеологии М. Афляка // Проблемы управления. 2007. №4. С. 225-229.
52. Филоник А.О. Хафез Асад – призвание граждан // в сборнике Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М.: 1997. – С. 320-327.
53. Antonius G. The Arab awakening: The story of Arab national movement. – Tanenberg Publishing, 2015. – 492 p.

54. Armstrong J. Nations before nationalism. – NC: University of North Carolina Press, 1982. – 447 p.
55. Bard M. Jews of Syria. Jewish Virtual Library, 2013. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/anti-semitism/syrianjews.html> (дата обращения 27.08.2018).
56. Bar-siman-tov Y. Linkage Politics in the Middle East: Syria between domestic and external conflict, 1961-1970. – Westview Press, 1983. – 178 p.
57. Barth F. Models of social organization. Occasional paper No.23. – London, Royal Anthropological Institute, 1966. – 32 p.
58. Batatu H. Some observations on the social roots of Syria's ruling military group and the causes of its dominance // The Middle East Journal, 1981, Vol. 35, №3. P. 331-344.
59. Bat Ye`or. Islam and dhimmitude: where civilizations collide. – Fairleigh Dickinson University Press, 2002. – 528 p.
60. Beshara A. The origins of Syrian nationhood: Histories, pioneers and identity. – Routledge, 2011. – 408 p.
61. Billing M. Banal nationalism (Theory, culture and society). – Sage Publications, 1995. – 208 p.
62. Bollinger M. Writing Syrian history while propagating Arab nationalism. Textbooks about modern Arab history under Hafiz and Bashar al-Asad // Journal of educational media, memory and society, Vol.3, №2, 2011. P. 96-112.
63. Chatty D. Bedouins in contemporary Syria: The persistence of tribal authority and control // The Middle East Journal. 2010. Vol. 64, №1. P. 29-49.
64. Choueiri Y. Arab nationalism. A history: nation and state in the Arab World. – Wiley-Blackwell, 2001. – 284 p.

65. van Dam N. The struggle for power in Syria: Sectarianism, Regionalism, and Tribalism in Politics, 1961-1978. – Croom Helm Ltd., 1979. – 160 p.
66. Dana N. The Druze in the Middle East: their faith, leadership, identity and status. – Sussex Academic Press, 2003. – 227 p.
67. Dawisha A. Arab Nationalism in the Twentieth Century: From triumph to despair. – Princeton University Press, 2003. – 347 p.
68. Devlin J. The Baath party: Rise and metamorphosis // The American historical review. 1991. Vol. 96, №5. P. 1396-1407.
69. van Dusen M., Political integration and regionalism in Syria // The Middle East Journal. 1972. №26/1. P. 123-136.
70. Grotz F., Hartmann C., Nohlen D. Elections in Asia: A data handbook. Volume I: Middle East. Central Asia and South Asia. – Oxford University Press, 2001. – 770 p.
71. Heydemann S. Authoritarianism in Syria: Institutions and social conflict, 1946-1970. – Cornell University Press, 1999. – 240 p.
72. Hinnebusch R. Bureaucracy and Development in Syria: The case of Agriculture // Journal of Asian and African Studies. 1989. Vol. 24. P. 79-93.
73. Hinnebusch R. The Political Economy of Economic Liberalization in Syria // Journal of the Middle Eastern Studies. 1995. Vol. 27, №3. P. 305-320.
74. Hinnebusch R. Syria: from authoritarian upgrading to revolution // International affairs. 2012. Vol. 88, №1. P. 95-113.
75. Hinnebusch R. Syria: Revolution from above. – Routledge, 2002. – 204 p.
76. Hourani A. Minorities in the Arab world. – L.: Oxford University Press, 1947. – 140 p.
77. Khatib L. Islamic revivalism in Syria: The rise and fall of ba`athist secularism in Syria. – Routledge, 2011. – 272 p.
78. Khawaja M. Internal migration in Syria: findings from national survey. – Fafo, 2002. – 144 p.

79. Khoury P. Factionalism among Syrian nationalists // International Journal of Middle East Studies, 1981, Vol. 13, № 4. P. 441-469.
80. Khoury P. Independence movement and economic nationalism // Bulletin of British Society for Middle Eastern Studies, 1987, Vol. 14, № 1. P. 25-36.
81. Khoury P. Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. – Princeton University Press, 1989. – 721 p.
82. Khoury P. Urban Notables and Arab Nationalism: The politics of Damascus 1860-1920. – Cambridge University Press, 1983. – 168 p.
83. Khoury P. Urban notables paradigm revisited // Revue du Monde Musulman et de la Mediterranee. 1996. №55-56. P. 215-232.
84. Kramer M. Syria`s Alawis and Shi`ism. URL: <http://martinkramer.org/sandbox/reader/archives/syria-alawis-and-shiism/> (дата обращения 27.08.2018).
85. Kumaraswami P. Who I am? The Identity crisis in the Middle East // Middle East Review of International Affairs, Vol.10, No.1, 2006.
86. Landis J. Islamic education in Syria: Undoing secularism. Oklahoma University, 2003: <http://faculty-staff.ou.edu/L/Joshua.M.Landis-1/Islamic%20Education%20in%20Syria.htm> (дата обращения 27.08.2018).
87. Landis J. Shishakli and the Druzes // in Phillip T., Schabler B. The Syrian Land: Processes of integration and fragmentation. – Franz Steiner Verlag, 1998. – P. 369-396. URL: http://faculty-staff.ou.edu/L/Joshua.M.Landis-1/Joshua_Landis_Druze_and_Shishakli.htm (дата обращения 27.08.2018)
88. Lawson F. Demystifying Syria. – SAQI Books, 2009. – 223 p.
89. Longrigg S. Syria and Lebanon under the French Mandate. – L., 1958. – 404 p.
90. Maoz M. Attempts at creating political community in modern Syria // The Middle East journal, 1972, № 26. P. 383-404.
91. O`Bagy E. Jihad in Syria. – Middle East security report, 2012. – 43 p.

92. Olson R. The Ba'ath and Syria, 1947-1982: The evolution of Ideology, party and state from the French mandate to the era of Hafiz al Asad. – Kingston Press, 1982. – 235 p.
93. Payaslian S. Diasporal subalternities: the Armenian community of Syria // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2007. Vol. 16. P. 92-132.
94. Phillips Ch. Everyday Arab identity: The daily reproduction of the Arab World. – Routledge, 2012. – 224 p.
95. Pipes D. The Greater Syria: The history of an ambition. – Oxford University Press, 1992. – 265 p.
96. Pipes D. Radical politics and the Syrian social nationalist party // *International journal of the Middle East studies*. 1998. Vol. 20, №3. P. 303-324.
97. Sa'adeh A. Al-'Athar al-Kamilah (The rise of nations). – Beirut: SSNP, 1975.
98. Sa'adeh A. Al-Muhadarat al-'Ashr (The Ten Lectures). – Beirut: SSNP, 1976.
99. Salamandra C. Creative compromise: Syrian television makers between secularism and Islamism // *Contemporary Islam*. 2008. Vol. 2. P. 177-189.
100. Seale P. Asad: The Struggle for the Middle East. – University of California Press, 1989. – 576 p.
101. Seeberg P. Migration and non-traditional security issues in the MENA-region: the case of pre-revolt Syria. – Center for Mellemøststudier, 2012. – 15 p.
102. Suleiman Y. Arabic language and national identity: a study in ideology. – Edinburgh University Press, 2003. – 289 p.
103. Tejel J. Syria's Kurds. History, politics and society. – Routledge, 2009. – 208 p.
104. Weulersse J. Le pays des Alaouites. – Tours, 1940. – 419 p.

105. Weulersse J. Paysans de Syrie et du Proche-Orient. – P.: Gallimard, 1946. – 329 p.
106. Wieland C. Syria: a decade of lost chances. – Seattle: Cune Press, 2012. – 335 p.
107. Winkler O. Demographic Developments and Population Policies in Baʿthist Syria. – Sussex Academic Press, 1998. – 232 p.
108. Wurmser M. The schools of Baʿathism: a study of Syrian schoolbooks. – Middle East Media Research Institute, 2000. – 122 p.